Решением президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 001(470.621)
ББК 72.6 (2Рос.Ады)
В 38

ВЫПУСК 3 2019

Учредитель: Адыгейский государственный университет

Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал АГУ

ВЕСТНИК ШЭныгъэгъуаз

АДЫГЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»

Майкоп 2019

«Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – Майкоп: изд-во АГУ. – 2019. – Вып. 3 (244). – 158 с.

Online версия по адресу: http://soc.adygnet.ru.

«Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение:«Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» – ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал, освещающий вопросы общественных и гуманитарных наук. Издавался Адыгейским государственным университетом с 1998 года как мультидисциплинарный научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета». С 2007 года публикуется как отдельное издание на основании решения Ученого совета АГУ. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-62216 от 26 июня 2015 г.).

Журнал «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» имеет международный стандартный номер сериального издания ISSN 2410-3691. Журнал – подписной, информация о журнале размещается в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты. Журналы» в рамках Договора № 694-ОКА от 01 июня 2016 г. Подписной индекс журнала – 36001.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory». Полные тексты статей находятся в открытом и бесплатном доступе в сети Интернет на сайте Адыгейского государственного университета <http://www.adygnet.ru>, а также на платформах EBSCOhost Publishing, Inc., издательства «Лань» <www.e.lanbook.com>, электронной библиотеки «КиберЛенинка» <http://cyberleninka.ru>, научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru>.

В журнале «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» печатаются статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Журнал ориентирован на освещение актуальных вопросов теории и практики современной науки.

Издание имеет официальный сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (http://soc.adygnet.ru).

Научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» включен в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов докторских и кандидатских диссертаций (см. на сайте ВАК Перечень от 10 января 2019 г. № 160) по направлениям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки), 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 22.00.06 – Социология культуры (социологические науки), 22.00.08 – Социология управления (социологические науки), 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки). В предлагаемом читателю выпуске журнала обсуждаются результаты научных исследований в области исторических, социологических наук и культурологии.

© Адыгейский государственный университет, 2019

According to the decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and higher Education of the Russian Federation the journal is included in the List of the leading reviewed scientific journals and editions issued in the Russian Federation which publish the basic scientific results of Dissertations for a Doctor's and Candidate's degree

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

УДК 001(470.621)
ББК 72.6 (2Рос.Ады)
В 38

ISSUE 3 2019

The founder: Adyghe State University

Quarterly peer-reviewed scientific journal of Adyghe State University

BULLETIN
ШIэныгъэгъуаз

ADYGHE
STATE
UNIVERSITY

Series "Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies"

Maikop 2019

“The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”. – Maikop: Adyghe State University Publishing House. – 2019. – Issue 3 (244). – 158 p.

Online version is at address: http://soc.adygnet.ru.

“The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” is a quarterly peer-reviewed scientific journal dealing with questions of public sciences and the humanities. It was issued by the Adyghe State University from 1998 as the multidisciplinary scientific journal “The Bulletin of the Adyghe State University”. Since 2007 it is published as the separate edition on the basis of the decision of the Academic Council of ASU. The journal was registered by the Federal Agency of Supervision in Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Certificate on Registration of Mass Media No. FS 77-62216 of 26 June, 2015).

“The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” has been recorded in the ISSN Register (ISSN 2410-3691). One can subscribe to this journal; information about it is placed in the Joint Catalog “Press of Russia. Newspapers. Journals” within the Contract No. 694-OKA of June 01, 2016. A subscription index of the journal is 36001.

Data on the journal are annually published in the international reference system of the periodic editions “Ulrich’s Periodicals Directory”. Full texts of articles are in open and free access in the Internet on the site of the Adyghe State University <http://www.adygnet.ru> and on platforms of EBSCOhost Publishing, Inc., Lan’ Publishing House <www.e.lanbook.com>, electronic library “KiberLeninka” <http:// cyberleninka.ru> and Scientific Electronic Library <http://elibrary.ru>.

“The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” publishes scientific articles, scientific reviews, comments and opinions. The journal focuses upon clearing up the topical issues of the theory and practice of modern science.

The edition has the official site in the information – telecommunication Internet network (http://soc.adygnet.ru).

The scientific journal “The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” is included in the List of the scientific journals and editions recommended by VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the publication of the main results of Doctor’s and Candidate’s theses (see No. 160 in the List of Journals of January 10, 2019 on VAK website) in the following directions: 07.00.02 – National history (historical sciences), 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences), 07.00.15 – History of the international relations and foreign policy (historical sciences), 22.00.04 – Social structure, social institutes and processes (sociological sciences), 22.00.06 – Sociology of culture (sociological sciences), 22.00.08 – Sociology of management (sociological sciences), 24.00.01 – The theory and cultural history (philosophical sciences).

This issue of the quarterly peer-reviewed scientific journal discusses the results of researches in the field of history, sociology and culture science.

© Adyghe State University, 2019

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Хунагов Р.Д., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Заместители главного редактора:

Шаханова А.В., доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой физиологии Адыгейского государственного университета;

Ильинова Н.А., доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Ответственный редактор:

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Члены редакционной коллегии:

Социологические науки:

Кравченко С.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО – Университет МИД РФ), главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Петров В.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета;

Харитонов Е.М., доктор социологических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Философские науки:

Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Титаренко С.А., доктор философских наук, профессор (Украина), профессор кафедры философии Луганского национального аграрного университета;

Шадже А.Ю., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета;

Шаов А.А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Исторические науки:

Дзамихов К.Ф., доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук;

Иващенко А.С., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Адыгейского государственного университета;

Мининков Н.А., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой специальных исторических дисциплин Южного федерального университета;

Хут Л.Р., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета.

Политические науки:

Баранов А.В., доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета;

Жаде З.А., доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета.

Юридические науки:

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета;

Шадже А.М., доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Адыгейского государственного университета.

Культурология:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова;

Ляушева С.А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, начальник управления аспирантуры и диссертационных советов;

Ханаху Р.А., доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.А. Керашева.

Редакционный совет:

Председатель:

Хунагов Р.Д., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Члены редакционного совета:

Афасижев Т.И., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета;

Бабешко В.А., академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой математического моделирования Кубанского государственного университета, директор Научно-исследовательского центра прогнозирования и предупреждения геоэкологических и техногенных катастроф при Кубанском государственном университете;

Большаков В.Н., академик РАН, доктор биологических наук, профессор федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт экологии растений и животных» Уральского отделения Российской академии наук;

Васильева Н.В., доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук;

Герасимов Г.А., доктор медицинских наук, профессор Национального института здоровья США;

Глузман А.В., действительный член Национальной академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, профессор, директор Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Ялта;

Дабагов С.Б., доктор физико-математических наук, профессор МИФИ, директор лаборатории XLab Frascati Итальянского института ядерной физики, Рим;

Залиханов М.Ч., доктор физико-математических наук, доктор технических наук, профессор, академик РАН, директор Высокогорного геофизического института по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Росгидромета;

Кнезель П., доктор права Университета прикладных наук, Потсдам, Германия;

Крылатых Э.Н., академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления фирмой Высшей школы корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, главный научный сотрудник Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова (ВИАПИ) Россельхозакадемии;

Лях В.И., доктор педагогических наук, профессор Академии физической культуры имени Бронислава Чеха, г. Краков, Польша;

Миронов А.В., доктор социологических наук, профессор, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

Овсянкина Г.П., доктор искусствоведения, профессор Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург;

Остой Я., доктор экономических наук, профессор, ректор высшей школы финансов и права, г. Бельско-Бяла, Польша;

Сен Ю., доктор педагогических наук, доцент кафедры английской филологии университета Дюздже, директор школы обучения иностранным языкам при университете Дюздже, Турция;

Совински Я., доктор права Университета им. Палацкого, г. Оломоуц, Чехия;

Терзич Славенко, доктор исторических наук, член-корреспондент отделения исторических наук Сербской академии наук и искусств, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербия в Российской Федерации;

Харисов Ф.Ф., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, руководитель центра Федерального института развития образования, главный редактор журнала «Здоровьесберегающее образование»;

Шестакова Л.Л., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Editorial Board:

Editor-in-chief:

Khunagov R.D., Doctor of Sociology, Professor of Philosophy and Sociology Department, Director of Research Institute of Complex Problems of Adyghe State University.

Deputy Editors-in-Chief:

Shakhanova A.V., Doctor of Biology, Professor, Head of Physiology Department of Adyghe State University.

Ilyinova N.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of Philosophy and Sociology Department of Adyghe State University.

Executive editor:

Nekhay V.N., Doctor of Sociology, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department of Adyghe State University.

Members of Editorial Board:

Sociology:

Kravchenko S.A., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University of the Russian Foreign Ministry), Chief Researcher of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Petrov V.N., Doctor of Sociology, Professor of Department of Sociology, Kuban State University;

Kharitonov E.M., Doctor of Sociology, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Research Supervisor of the Russian Research Institute of Rice.

Philosophy:

Volkov Yu.G., Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches, Research Supervisor of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University;

Titarenko S.A., Doctor of Philosophy, Professor (Ukraine), Professor of Philosophy Department, Lugansk National Agrarian University;

Shadzhe A.Yu., Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University;

Shaov A.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University.

History:

Dzamikhov K.F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute of the Humanities, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

Ivashchenko A.S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of General History Department, Adyghe State University;

Mininkov N.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Special Historical Disciplines, Southern Federal University;

Khut L.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of General History Department, Adyghe State University.

Political Sciences:

Baranov A.V., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor of Department of Political Science and Political Management, Kuban State University;

Zhade Z.A., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of the State and Law and Political Sciences, Adyghe State University.

Jurisprudence:

Lozovsky D.N., Doctor of Jurisprudence, Professor of Department of Criminalistics and Legal Informatics, Kuban State University;

Chadje A.M., Doctor of Jurisprudence, Professor, Dean of Faculty of Law, Adyghe State University.

Culturology:

Badmaev V.N., Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Science, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov;

Lyausheva S.A., Head of Department of Postgraduate Study and Dissertation Councils, Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University;

Khanakhu R.A., Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe Republican Research Institute of the Humanities named after T.A. Kerashev.

Editorial Council:

Chairman:

Khunagov R.D., Doctor of Sociology, Professor of Philosophy and Sociology Department, Director of Research Institute of Complex Problems of Adyghe State University.

Members of Editorial Council:

Afasizhev T.I., Doctor of Sociology, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University;

Babeshko V.A. Academician of the Russian Science Academy, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Head of the Department of Mathematical Modeling of the Kuban State University, Director of the Research Center for Forecasting and Prevention of Geoecological and Technogenic Catastrophes, Kuban State University;

Bolshakov V.N., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Biological Sciences, Professor of Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;

Vasilyeva N.V., Doctor of Philology, Chief Scientist of Institute of Linguistics of the Russian Science Academy;

Gerasimov G.A., Doctor of Medicine, Professor of National Institute of Health in the USA;

Gluzman A.V., Academician of National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Doctor of Pedagogy, Professor, Director of the Humanitarian pedagogical Academy (branch) of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky", Yalta;

Dabagov S.B., Doctor of Physics and Mathematics, Professor of National Research University of Nuclear Physics MEPhI, Director of XLab Frascati laboratory of the Italian Institute of Nuclear Physics, Rome;

Zalikhanov M.Ch., Doctor of Physics and Mathematics, Doctor of Engineering, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of Mountain Geophysical Institute of Hydrometeorology and Monitoring of Environment of Roshydromet;

Knosel P., Doctor of Law, University of Applied Sciences, Potsdam, Germany;

Krylatykh E.N., Academician of the Russian Science Academy, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of National Economy and Public Service at the Russian President, Chief Scientist of the Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after A.A. Nikonov of the Russian Agrarian Academy;

Lyakh V.I., Doctor of Pedagogy, Professor, Bronisław Czech University School of Physical Education (Cracow, Poland);

Mironov A.V., Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Moscow Pedagogical State University, editor-in-chief of the journal "Social and Humanitarian Knowledge», Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation;

Ostoj Jan, Doctor, Professor, Wyzszej Szkoly Finansow I Prawa w Bielsku-Bialej, Polska / Poland;

Sen Yu., Doctor of Education in Teaching English as a Foreign Language, Faculty of Education, Department of English Language Teaching, Duzce University, Director of Hakime Erciyas School of Foreign Languages, Duzce University, Turkey;

Sovinsky J., Doctor of Law, Palacký University, Olomouc, the Czech Republic;

Terzic, Slavenko, Doctor of History, Corresponding Member of the Department of Historical Sciences of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Serbia to the Russian Federation;

Kharisov F.F. Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Education Academy, Head of the Center of Federal Institute of Education Development, editor-in-chief of the journal of Health Saving Education;

Shestakova L.L. Doctor of Philology, Leading Scientist of the Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

И.Л. Бабич	Страницы биографии дипломата В.Н. Гаджемукова	15
Л.В. Бурыкина	Адаптационные ресурсы молдавских колонистов в формировании экономического и социокультурного пространства Северо-Западного Кавказа в пореформенный период	23
Р.Х. Емтыль	К вопросу о статусе адыгской (черкесской) женщины в обществе (XVII-XIX вв.)	32
А.С. Иващенко	Производство и распространение наркотиков в странах Азии во второй половине XX – начале XXI вв.: причины интенсификации и противодействие	37

СОЦИОЛОГИЯ

И.С. Бочарникова	Фотография как способ самопрезентации молодежи в социальных сетях	49
Н.А. Вялых	Модели социального поведения в сфере здравоохранения как предмет социологических исследований на Юге России	58
З.А. Жаде, З.Х. Гучетль	Политическая идентичность как ресурс интеграции полиэтничного пространства Юга России	67
Д.С. Крылов	Теоретико-методологические подходы к исследованию домашнего насилия	76
Е.М. Куликов, А.А. Нурахмедова	Эмпирические исследования аудитории массовой коммуникации: возможности интеграции количественной и качественной стратегий	81
Т.М. Ойдуп	Исследование правовой идентичности тувинско-монгольского приграничного сообщества: социологический анализ	89
В.В. Плотников, А.Р. Каспаров	К вопросу о социальных факторах проявления экстремизма	100
Т.А. Рунаев	Виртуальные кладбища как коммеморативные практики: разновидности и векторы развития	111

Н.В. Хлабыстова, Е.Н. Нетребко	Трансформация ценности образования в системе взаимодействия «вуз – абитуриенты – студенты – рынок труда»	120
В.С. Чагин Ф.К. Тугуз	Суицид как особая форма девиантного поведения молодежи: теоретический аспект	127
М.М. Шахбанова	Религиозная идентичность горских евреев: индикаторы воспроизводства	132
Ю.Б. Щемелева	Smart city: вчера, сегодня, завтра	141

Наши авторы 149

Требования и правила оформления статей для публикации в научном журнале «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология».
Публикационная этика журнала. 154

TABLE OF CONTENTS

HISTORY

I.L. Babich	Pages of biography of diplomat V.N. Gadzhemukov	15
L.V. Burykina	Adaptation resources of Moldovan colonists in economic and sociocultural space of the North-West Caucasus in the post-reform period	23
R.Kh. Emtyl	Sultan Khan-Girey: on the status of Adyghe (Circassian) women in society	32
A.S. Ivashchenko	Production and distribution of drugs in Asia in the second half of the 20th and early 21st centuries: reasons for intensification and countermeasures	37

SOCIOLOGY

I.S. Bocharnikova	Photography as a way of students' self-presentation in social networks	49
N.A. Vyalykh	Social behavior patterns in health care as a subject of sociological researches in the South of Russia	58
Z.A. Zhade, Z.H. Guchetl	Political identity as an integration resource of the multiethnic space in the South of Russia	67
D.S. Krylov	Theoretical and methodological approaches to the study of domestic violence	76
E.M. Kulikov, A.A. Nurakhmedova	Empirical researches of mass communication audience: opportunities to integrate quantitative and qualitative strategies	81
T.M. Oidup	Study of the legal identity of the Tuva-Mongolian border community: sociological analysis	89
V.V. Plotnikov, A.R. Kasparov	On the social factors of extremism	100
T.A. Runaev	Virtual cemetery as a commemorative practice: varieties and development vectors	111
N.V. Hlabystova, E.N. Netrebko	Transformation of the value of education in the system of «university – undergraduate applicants – students – labor market» interaction	120

V.S. Chagin, F. K. Tuguz	Suicide as a special form of deviant behavior of young people: theoretical aspect	127
M.M. Shakhbanova	Religious identity of mountain Jews: indicators of reproduction	132
Yu.B. Schemeleva	Smart city: yesterday, today, tomorrow	141

Our authors 149

Requirements to papers submitted for publication in scientific journal "The Bulletin of the Adyghe StateUniversity, series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies". Publication ethics of the journal. 154

ИСТОРИЯ

УДК 94(=352.3):327.8
ББК 63.3(=602)-8
Б 12

И.Л. Бабич,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва, тел.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ДИПЛОМАТА В.Н. ГАДЖЕМУКОВА[1]

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена судьбе первого адыгского дипломата-востоковеда В.Н. Гаджемукова, который работал в Османской империи до 1917 г. После революции он вместе со своей семьей эмигрировал во Францию. Это первая работа о В.Н. Гаджемукове, основанная на материалах частного (семейного) архива потомков известного адыга, хранящегося в Париже (Франция), и проведенных с потомками интервью. В статье прослеживается история семьи Гаджемуковых. Отец В.Н. Гаджемукова в возрасте 11 лет был отдан в качестве аманата в Черноморское казачье войско. Это определило его собственную судьбу и судьбу его детей (7 чел.). В статье рассматриваются основные этапы дипломатической карьеры Василия Николаевича до 1917 г. С 1904 по 1916 гг. он работал в различных консульствах на Ближнем Востоке (Османской империи). Он стал опытным дипломатом и востоковедом, получил чин надворного советника. В 1916 г. бы призван в армию в чине полковника и стал разведчиком. В 1917-1919 гг. он начал общественно-политическую работу, став членом Кубанской Краевой Рады. В годы Гражданской войны участвовал в боях в составе Белой армии. В 1920-1922 г. стал консулом в Российской дипломатической миссии в Константинополе. В статье прослеживается жизнь В.Н. Гаджемукова во Франции с 1923 по 1956 гг. Автор пришел к выводу, что блестящая карьера первого адыгского дипломата-востоковеда, по сути, оборвалась с революционными событиями в стране и установлением советской власти, которые вынудили Василия Николаевича Гаджемукова вместе с его семьей эмигрировать во Францию. Долгие годы он жил в Марселе тихо, без работы и без общественно-политической деятельности, несмотря на то, что ему было чуть более 40 лет.

Ключевые слова: адыги, Российская империя, Кавказ, востоковедение, дипломатия, Франция, Османская империя.

I.L. Babich,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, ph.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net

PAGES OF BIOGRAPHY OF DIPLOMAT V.N. GADZHEMUKOV

Abstract. The article is devoted to the fate of the first Adyghe diplomat-orientalist V.N. Gadzhemukov, who worked in the Ottoman Empire before 1917.

[1] Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

After the revolution, Gadzhemukov with his family came out to France. This article is the first work about V.N. Gadzhemukov, based on interviews with descendants (Paris, France). The aim of this article is to describe the history of the Gadzhemukov family. At the age of eleven, his father was given as an amanate to the Black Sea Cossack army. This determined his own fate and the fate of his children (7 people). This work discusses the main stages of V.N. Gadzhemukov's diplomatic career until 1917. The article is study of the life of V.N. Gadzhemukov in 1917-1920 (Caucasus), in 1920-1922 (Constantinople, Turkey), and finally, during the emigration in France (1923-1956, Marseille, Sainte-Genevieve-des-Bois). From 1904 to 1916, V.N. Gadzhemukov worked in the various Consulates in the Middle East (The Ottoman Empire). He became an experienced diplomat and orientalist. In 1916, he was the Colonel in Russian Army. In the years 1917-1919, he began sociopolitical activity: V.N. Gadzhemukov became a member of the Kuban Regional Council. During the Civil War, he participated in battles as a Colonel of the White Army. In 1920-1922, he worked as a Consul in Constantinopole in the Russian Diplomatic Mission. The aim of this article is also to study the life of V.N. Gadzemukov in France from 1922 to 1956. The author has drawn a conclusion that the good career of the first Adyghe diplomat and orientalist was broken with the revolutionary events in the Russian Empire and the establishment of Soviet power, which forced Vasily Nikolaevich Gadzhemukov to come out to France. For many years, he lived in Marseille quietly, without work and social and political activity despite he was a bit more than 40 years old.

Keywords: Adyghes, Russian Empire, Caucasus, Oriental studies, diplomacy, France, Ottoman Empire.

Василий Николаевич Гаджемуков первым среди адыгов Северного Кавказа стал профессиональным дипломатом. Он сумел сделать дипломатическую карьеру еще в Российской империи. После революции Гаджемуков вместе со своей семьей эмигрировал во Францию. В предлагаемой статье мы рассмотрим страницы биографии дипломата В.Н. Гаджемукова в России и в эмиграции. В научной литературе исследований, посвященных жизни и деятельности В.Н. Гаджемукова, не было. Это первая работа по этой теме. Статья подготовлена на основе введения в научный оборот различных видов новых источников: архивных (материалов семейного архива, который сохранился во Франции у потомков В.Н. Гаджемукова), а также полевых этнографических материалов (интервью с потомками Гаджемуковых, проживающими во Франции).

История семьи

Фамилия Гаджемуковых началась от предка, совершившего хадж: «хаджи мук» – сын хаджи. Василий Николаевич Гаджемуков происходил из западных адыгов. По социальному статусу отец В.Н. Гаджемукова – Темтеч (1848–1907 гг.) – принадлежал к «пши» (т.е. князьям). В 1859 г. в возрасте 11 лет он был отдан в Черноморское казачье войско в качестве аманата. Там он обучался в войсковой гимназии и затем поступил на службу в конный полк Кубанского казачьего войска. Темтеч принял православие и получил имя Николай Николаевич [1]. Женился он на казачке Елизавете Васильевне Колокольцевой (1875 г.). Вначале семья проживала в С.-Петербурге, потом обосновалась в Екатеринодаре, где супруги построили собственный дом. Многие годы Николай Николаевич состоял на российской службе [2]. В семье родилось семеро детей: четыре сына – Василий, Владимир, Александр, Виталий и три дочери – Мария, Ксения и Елизавета. В 1907 г. Николай (Темтеч) умер.

Дипломатическая карьера В.Н. Гаджемукова до 1917 г.

Василий Гаджемуков родился 10 апреля 1880 г. в С.-Петербурге. В

1904 г. он окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета с дипломом 2-й степени и начал служить в I-м Департаменте Министерства иностранных дел Российской империи, получив чин губернского секретаря (12-ю степень в табеле о рангах) [3]. В 1906 г. Гаджемукова отправили в первую заграничную командировку. Он начал работать в Посольстве России в Константинополе. В 1907 г. получил чин коллежского секретаря (10-я степень). В 1908 г. Гаджемуков посылается драгоманом в Генеральное консульство в Иерусалим. В 1910 г. получает чин титулярного советника (9-я степень). В дальнейшем его отправляли в качестве дипломата в различные консульства Востока: вице-консулом в Яффу, управляющим Консульством в Ускюбе (Скопье), управляющим Консульством в Митровице, исполняющим обязанности секретаря Генерального Консульства в Бейруте[1]. В 1912 г. Гаджемуков был назначен первым драгоманом Генерального Консульства в Константинополе. В 1913 г. получил чин коллежского асессора (8-я степень). В 1914 г. Турция стала участником Первой мировой войны, и в стране было закрыто Российское Посольство. Гаджемукова назначают Вице-Консулом в Деде-Агач (портовый город на границе Греции и Турции). За время дипломатической работы В.Н. Гаджемуков был не раз награжден: в 1913 г. ему предоставлено право ношения на груди на ленте белого, желтого и черного цветов в память 300-летия царствования дома Романовых. Он получил ордена: Османский IV ст., Греческого Спасителя, Иерусалимского креста, Станислава II ст., Владимира с мечами, сербского Св. Саввы. До революции Гаджемуков стал опытным дипломатом и востоковедом.

В 1916 г. В.Н. Гаджемуков был переведен в ставку Верховного Главнокомандующего Кавказской армии в звании полковника, а затем в Штаб I Кавказской армии. Он начал выполнять разведывательную деятельность в различных местах Османской империи, участвуя в походах вместе с Кавказской армией против турок в период Первой мировой войны [3].

В июле 1916 г. Русская армия взяла Эрзинджан и Дерсим. В октябре того же года командир 1-го Кавказского армейского корпуса, генерал от кавалерии П.П. Калитин назначил В. Гаджемукова временным начальником завоеванных Россией турецких территорий – Эрзинджанского и Дерсимского военных районов. В мае 1917 г. – российским консулом и начальником Дерсиманского района (турецкой провинции Тунджели). К этому времени он получил чин надворного советника (7-я ступень) [3].

В.Н. Гаджемуков в годы Гражданской войны (1917–1919 гг.)

В начале революционных событий 1917 г. Гаджемуков вернулся на Кавказ: вначале в Тифлис, а затем – в Екатеринодар (где проживал по адресу: ул. Бурзаковская, 20), и включился в общественно-политическую жизнь. Безусловно, он имел пророссийские взгляды [5]. На момент революции В.Н. Гаджемуков, с одной стороны, был назначен Временным исполняющим обязанности Дипломатического чиновника при Е.И.В. князе Николае Николаевиче и выполнял различные обязанности при комиссаре Временного правительства (г. Тифлис), с другой, он начал общественно-политическую деятельность на Кубани: 28 октября 1917 г. адыгами Кубани он был избран в состав Кубанской Краевой Рады. Одновременно с этим весь 1918 г. Гаджемуков был участником Гражданской войны на стороне Белой армии. С 28 февраля по 20 августа 1918 г. он состоял в Штабе 1-го Конного Черкесского полка в чине полковника и принимал участие во всех боях против большевиков (в том числе и

[1] Все эти территории в то время были в составе Османской империи.

Фото 1. *В.Н. Гаджемуков [4]*

в «Корниловском» (или «Ледяном») походе, за который он был награжден знаком отличия на георгиевской ленте и с мечами). 27 августа 1918 г. Главнокомандующий Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев поручил В.Н. Гаджемукову отправляться на «выполнение особой задачи» – провести переговоры о приобретении обмундирования и снаряжения для Добровольческой армии в обмен на хлеб [3]. 28 октября 1918 г. Гаджемуков вновь был избран в состав Кубанской Краевой Рады (от адыгов Кубани). Как член Кубанской Краевой Рады в 1919 г. в Екатеринодаре он задумал издавать газеты для горцев на национальных языках: «Адыгэ газета» (на черкесском яз.), «Карачай» (на карачаевском яз.), а также газету для мусульман Северного Кавказа «Нур» («Свет») (на арабском яз.). Пресса подчеркивала, что В.Н. Гаджемуков все время «заботиться о горцах и мусульманах» [6]. В период с 1 марта по 3 августа 1919 г. В.Н. Гаджемуков числился добровольцем в составе Черкесской конной дивизии [3].

Еще до революции дипломат успел жениться на дочери адмирала обрусевшего немца Николая Карловича Рейценштейна *Марии*. В семье родились дети: Николай (1917 г., Тифлис), Измаил (1919 г., Екатеринодар), Нина (1921, Константинополь), Александра (1924, Марсель). Первый ребенок – Николай – был крещен 26 мая 1917 г. в Александро-Невском военном соборе в Тифлисе. Восприемниками мальчика стали коллега В.Н. Гаджемукова – дипломатический чиновник на Кавказе Владимир Степанович Щербина, сестра жены Марии – Ольга. 17 августа 1919 г. в Екатеринодаре родился сын Измаил [3].

В.Н. Гаджемуков в Константинополе (1920–1922 гг.)

В 1920 г. советская Россия признала независимость Турции и предложила установить дипломатические и консульские отношения. 7 ноября 1920 г. в Анкаре появилось советское Посольство. В то же время Главнокомандующий вооруженными силами М.В. Алексеев восстановил Посольство Российской империи в Константинополе –

т.н. «Дипломатическую миссию» [7; Ф. Р-5705. Оп.1. Д.1-36]. В апреле 1920 г. приказом генерала П.Н. Врангеля послом был назначен А.А. Нератов. В миссии работали: Константин Михайлович Ону – советником, Сергей Владимирович Тухолка – первым драгоманом. Василий Николаевич Гаджемуков вместе со своими родственниками в 1920 г. был эвакуирован из Новороссийска на корабле «Борис» в Константинополь. 18 апреля 1920 г. Управлением иностранных дел Главнокомандующего вооруженными силами Белой армии В.Н. Гаджемуков был назначен 1-м драгоманом Дипломатической миссии в Константинополе и проработал в ней до ее закрытия – до конца 1922 г. [3]. В его функции входил прием беженцев в Константинополь. Сохранился Бюллетень о прибытии кораблей 17 июня 1920 г., подготовленный Гаджемуковым. В семейном архиве есть документы, подтверждающие, что он работал там (за подписью П.М. Крупенина). Например, к Гаджемукову обращались адыгские беженцы, которые хотели остаться в Турции. В нашем распоряжении оказалось письмо 26 военных – западных адыгов (черкесов), которые вместе с русскими войсками эмигрировали в 1920 г. на о. Лемнос [3], на имя консула миссии западного адыга В.Н. Гаджемукова. В письме содержалась просьба разрешить им поселиться в Турции – в черкесских аулах близ Пандермы. Среди подписавших был его родной брат Александр и двоюродный брат – Магомет.

В Константинополе В.Н. Гаджемуков продолжил свою общественно-политическую деятельность. В 1921 г. был создан Кавказский комитет в составе трех генералов и дипломата – Я. Хабаева, С. Мальсагова, Ф. Бекович-Черкасского и В. Гаджемукова [8], целью которого была поддержка движения Врангеля. Комитет являлся представителем «русских мусульман, находящихся за границей, и признан как таковым генералом Врангелем». Программа комитета состояла в следующем: признание генерала Врангеля Главнокомандующим, соблюдение полного нейтралитета по отношению к политике Антанты и Кемалистов, организация, при более благоприятных условиях, армии из турецких мухаджиров, выходцев с Северного Кавказа для движения на Кавказ против большевизма.

Вместе со своей семьей В.Н. Гаджемуков проживал на территории самой миссии. В период его жизни в Константинополе, 19 декабря 1921 г. (1 января 1922 г.), у него родилась дочь Нина. Она была крещена в церкви Св. Николая Константинопольской церкви Русского округа (при общежитии № 6). Крестил протоиерей Михаил Васильев. Восприемниками девочки стали первый драгоман Дипломатической миссии в Константинополе Сергей Владимирович Тухолка и жена советника Посольства Екатерина Константиновна Ону [3].

В.Н. Гаджемуков в Марселе (1923-1951 гг.)

Свои первые французские документы Василий Николаевич, его мать Елизавета Колокольцева и остальные члены семьи заполнили в Марселе в службе для эмигрантов 22 декабря 1922 г. У В.Н. Гаджемукова был дипломатический паспорт. 10 декабря 1920 г. дипломатический паспорт получила его жена Мария, в который был вписан только сын Измаил (двое детей умерли), за подписью консула Дипломатической миссии в Константинополе А.А. Нератова [3].

В 1920-е гг. в Марселе было три лагеря армянских беженцев, в одном из которых – «Виктор Гюго» – поселились Гаджемуковы[1]. Через некоторое время они переселились в

[1] В эмиграции оказались: два родных брата Гаджемуковых – Василий и Александр; их сестры – Ксения, Мария и Елизавета, их мать Елизавета Колокольцева. Вместе с ними были их супруги и дети.

другой лагерь – на пляже Le Regali. Впоследствии рядом с лагерем ему удалось приобрести небольшой домик прямо у моря в этой же стороне по адресу: 2 impass du Chaudron Estaque Plage, в котором он прожил до переселения в 1951 г. в Русский старческий дом в Сент-Женевьев-де-Буа [4].

Важным событием для любого беженца из России было получение документа, разрешающего жить во Франции. Большинство эмигрантов получало Нансеновские паспорта, меньшинство – французское гражданство. Василию Николаевичу удалось получить французское гражданство одному из первых – 11 мая 1926 г. Очевидно, что его дипломатический статус помог ему это сделать [2, 4].

Как жил Василий Николаевич Гаджемуков в эмиграции? Ему было 43 года. В эмиграции он сделал себе визитку. На ней не было указано никакой профессии, а было только написано – бывший консул России [2]. По семейным преданиям, Василий Николаевич объединился с русскими эмигрантами, чтобы открыть лавку для продажи пирожков, но неудачно [2]. Потом Василий построил около своего дома будку для переодевания и сдавал ее отдыхающим. Во время Второй мировой войны его сын Измаил, работавший на местном заводе, устроил туда своего отца работать сторожем [2]. Таким образом, у нас нет сведений, что он имел во Франции работу, связанную с его профессией до революции. У В.Н. Гаджемукова была склонность к аналитическому мышлению. Еще до революции он опубликовал работу под названием «Экономическое состояние Оттоманской империи с 1908 по 1914 гг.» [9]. Поэтому неудивительно, что в эмиграции В.Н. Гаджемуков начал писать воспоминания о Гражданской войне под названием «Закубанские черкесы в первых двух Кубанских походах 1918 года» [10]. В 1954 г. он отправил свою статью «Теоретические основы большевизма» на американский конкурс «Свобода против большевизма», но не получил приза. Впоследствии эта статья была опубликована в эмигрантском журнале в США «Вестник первопроходника». Почему же он не вел общественно-политическую деятельность в эмиграции? Во Франции было много пророссийских и монархических организаций, между тем ни в одной из них он не был замечен. И это тоже довольно странно для такой деятельной натуры, каким был Василий Николаевич Гаджемуков. Возможно, это было связано с тем, что он жил в Марселе, а общественно-политическая жизнь кипела главным образом в Париже.

Что же делали его коллеги по константинопольской Дипломатической миссии? Все они обосновались в Париже или его пригородах. Его начальник А.А. Нератов участвовал в работе Совещания послов, был членом ряда общественных организаций. С.В. Тухолка писал мемуары, иногда работал переводчиком. К.М. Ону занимался общественной работой. Его брат А.М. Ону также был членом Объединения бывших воспитанников Императорского Александровского лицея [11]. В Париже жили и его начальники по Добровольческой армии – П.П. Калитин и А.М. Драгомиров. П.П. Калитин работал на автомобильном заводе, был председателем Союза Георгиевских кавалеров. А.М. Драгомиров занимался только общественной деятельностью [11].

17 октября 1924 г. у Василия Николаевича родилась дочь Александрина (Александра). 12 декабря она была крещена в местной церкви Воскресения Христова священником Авениром Дьяковым. Восприемниками стали Елизавета Васильевна (т.е. бабушка девочки) и коллега Андрей Ону.

Последние годы В.Н. Гаджемукова (1951–1956 гг.)

В конце 1948 г. у Василия в возрасте 88 лет умерла мама. Ее отпевал

в храме Георгия Победоносца протоиерей Павел Вильчевский. Она была похоронена на кладбище Св. Жерома в Марселе. К этому времени дети Василия разъехались: Александрина вышла замуж и жила в Тулоне, а Измаил – в пригороде Парижа – Кламаре. Брат В.Н. Гаджемукова – Александр – в пригороде Париже – в Ванве, сестры: Ксения – в Ницце, Елизавета – в Англии, а Мария вернулась в СССР. На следующий год В.Н. Гаджемуков подал запрос в Префектуру о разрешении переехать в Русский старческий дом в Сент-Женевьев-де-Буа [3]. Префектура Марселя дала согласие на это. 20 июля 1951 г. В.Н. Гаджемуков вместе с женой Марией переехал в старческий дом, где прожил до своей смерти (Василий Николаевич умер в 1956 г., а его жена Мария – в 1967 г.). Оба были похоронены на местном русском кладбище.

Заключение

Таким образом, мы видим, что блестящая карьера первого адыгского дипломата-востоковеда, по сути, оборвалась с революционными событиями в стране и установлением советской власти, которые вынудили Василия Николаевича Гаджемукова вместе с его семьей эмигрировать вначале в Константинополь (Турцию), а затем – во Францию. Долгие годы он жил в Марселе тихо, без работы и без общественно-политической деятельности, несмотря на то, что ему было чуть более 40 лет.

Примечания:

1. Короленко П.П. Род черкесов, владетельных черкесских князей Гаджемуковых // Кубанские ведомости. 1902. № 30.

2. Полевые материалы автора. Интервью с Себастьяном Гаджемуковым, 2012 г., Париж (Франция).

3. Семейный архив Гаджемуковых, Париж (Франция).

4. Liste Alphabetique des personnes ayant acquis ou Perdu La Nationalite Francaise par decret // Archives Préfecture de police de Paris, France.

5. Гаджемуков В.Н. Черкесы и большевики // Вестник первопроходника. Лос-Анджелес, 1965. № 50.

6. Адыг. Горская жизнь. Горцы и князь Гаджемуков // Кубанская Воля. 1919. № 24.

7. Государственный архив Российской Федерации.

8. Кавказский комитет // Общее дело. 1921. № 186.

9. Гаджемуков В.Н. Экономическое состояние Оттоманской империи с 1908 по 1914 гг. // Восточный сборник. Санкт-Петербург, 1916. Кн. 2.

10. Гаджемуков В.Н. Закубанские черкесы в первых двух Кубанских походах 1918 года // Возрожденные полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. Москва, 2002.

11. Российское зарубежье во Франции: 1919-2000: биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Москва: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008-2010.

References:

1. Korolenko P.P. The genus of Circassians, sovereign Circassian Gadzhemukov princes // Kubanskie Vedomosti. 1902. No. 30.

2. Field materials of the author. Interview with Sebastian Gadzhemukov, 2012. Paris (France).

3. The Family Archive of the Gadzhemukovs. Paris (France).

4. Liste Alphabetique des personnes ayant acquis ou Perdu La Nationalite Francaise par decret // Archives Préfecture de police de Paris, France.

5. Gadzhemukov V.N. Circassians and Bolsheviks // Bulletin of the pioneer. Los Angeles. 1965. No. 50.

6. Adyghe. Mountain life. Highlanders and Prince Gadzhemukov // Kubanskaya Volya. 1919. No. 24.

7. The State Archive of the Russian Federation.

8. The Caucasus Committee // Obshcheee delo. 1921. No. 186.

9. Gadzhemukov V.N. The economic condition of the Ottoman Empire from 1908 to 1914 // Oriental collection. SPb., 1916. Book 2.

10. Gadzhemukov V.N. Trans-Kuban Circassians in the first two Kuban campaigns of 1918 // Revived regiments of the Russian army in the White struggle in the South of Russia. M., 2002.

11. Russian Abroad in France: 1919-2000: Biographical Dictionary. In 3 vol. / general ed. by L. Mnukhin, M. Avril, V. Losskaya. M.: Nauka; House-Museum of Marina Tsvetaeva, 2008-2010.

УДК [94(470.6):323(470)]»18»
ББК 63.3(235.7)5
Б 91

Л.В. Бурыкина
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +7(8772)548765, +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru

АДАПТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ МОЛДАВСКИХ КОЛОНИСТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируется проблема колонизации Северо-Западного Кавказа молдавскими переселенцами в пореформенный период. Время, причины и обстоятельства их появления на данной территории различны. Важной особенностью переселенческого движения на Северо-Западный Кавказ было то, что в регионе проживало местное (полиэтническое) население, и молдавские мигранты, по конфессиональной принадлежности – православные, перемещались параллельными или совместными группами с волнами мигрантов из европейской части России. Вместе с тем представители более ранних переселенческих потоков нередко воспринимали вновь прибывающих колонистов с позиций старожилов, что дополнительно обостряло социальные отношения в регионе. Миграционные процессы вызвали сложные социокультурные трансформации на Северо-Западном Кавказе, как среди аллохтонного, так и автохтонного населения.

Характерной чертой пореформенного периода является определённая двойственность имперской власти в решении переселенческой проблемы. Свидетельством подобного поведения являются законодательные акты, в которых выражается намерение тщательно контролировать переселенческое движение в силу признания его необходимости, и документы, фактически ему противоречащие.

В статье выявляются трудности процесса адаптации мигрантов, рассматривается вклад молдаван в экономическое и социокультурное развитие региона. Многолетнее функционирование немногочисленной молдавской диаспоры на Северо-Западном Кавказе объяснялось, прежде всего, сохранением культурной самобытности молдавских колонистов, которая поддерживала жизнеспособность данного этнического организма и проявлялась в сохранении родного языка, этнонациональной культуры, конфессиональной принадлежности, этнического самосознания. Дистанцированность от родины предков восполнялась гипертрофированным желанием сохранить национальную культуру, поддерживать ее развитие и персистентность к ассимиляции.

Автор подчёркивает, что ведущей тенденцией здесь были не массовые заимствования, а межэтническая интеграция, приводившая к формированию единого экономического и социально-политического пространства. Изучение хода миграции молдавского населения на Северо-Западный Кавказ, выявление механизмов идентификации и процессов этнического узнавания, сопутствовавших переселенческому движению, далеко не завершено и является важной задачей современной исторической науки.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный Кавказ, пореформенный период, переселенческое движение, молдаване, адаптационные процессы.

L.V. Burykina
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: +78772548765, +79184282825, e-mail: mila.burykin @ mail.ru

ADAPTATION RESOURCES OF MOLDOVAN COLONISTS IN ECONOMIC AND SOCIOCULTURAL SPACE OF THE NORTH-WEST CAUCASUS IN THE POST-REFORM PERIOD

Abstract. The article analyzes the problem of colonization of the North-West Caucasus by Moldovan settlers during the post-reform period. The time, reasons and circumstances of their appearance in this territory vary. An important feature of the resettlement movement to the North-West Caucasus was that the region had a local (multiethnic) population, and Moldovan migrants, by confessional affiliation – Orthodox, moved in parallel or joint groups with waves of migrants from the European part of Russia. However, representatives of earlier resettlement flows often perceived the newly arriving colonists from the perspective of old residents, which further exacerbated social relations in the region. Migration processes have caused complex sociocultural transformations in the North-West Caucasus among both allochthonic and autochthonous populations.

A characteristic feature of the post-reform period is the definite duality of imperial power in solving the resettlement problem. Evidences of such behavior are legislative acts expressing the intention to carefully control the resettlement movement because of its need, and documents that are in fact contrary to it.

The article identifies the difficulties of the process of migrant adaptation, and considers the contribution of Moldovans to the economic and socio-cultural development of the region. The long-standing functioning of the small Moldovan diaspora in the North-West Caucasus was primarily due to the preservation of the cultural identity of Moldovan colonists, which supported the viability of this ethnic organism and was manifested in the preservation of the native language, ethnonational culture, denominational affiliation and ethnic identity. The distance from the homeland of ancestors was made up for by a hypertrophic desire to preserve the national culture, to support its development and to be persistent towards assimilation.

The author emphasizes that the leading trend here was not mass borrowing, but inter-ethnic integration, which led to the formation of a single economic and sociopolitical space. The study of the migration of the Moldovan population to the North-West Caucasus, the identification of the mechanisms of identification and the processes of ethnic recognition that accompanied the resettlement movement is far from complete and is an important task of contemporary historical science.

Keywords: Russian Empire, North-West Caucasus, post-reform period, resettlement movement, Moldovans, adaptation processes.

После окончания Кавказской войны и вынужденного махаджирства адыгов в Османскую империю происходила трансформация традиционной для Северо-Западного Кавказа этнической структуры. Социально-экономическая и национальная политика, проводимая Российской империей, способствовала миксациям в этнокарте региона. Границы этносов в этот период отличались мобильностью и неустойчивостью.

Исследование этнодемографической истории Северо-Западного Кавказа, детерминированной различными факторами как естественного, так и политического, экономического и социального характера, приобретает в пореформенный период особый смысл, поскольку российское правительство начинает планомерное заселение региона мигрантами христианского вероисповедания – русскими, украинцами, белорусами, армянами, греками, немцами, поляками, чехами, болгарами, молдаванами и эстонцами. Миграционные процессы обостряют проблему этнического узнавания и взаимопознания и делают её наиболее острой: ведь переезд на долгий срок в новые условия и адаптация к ним требуют постоянного «подтверждения» существующей или складывания новой идентичности [1; 2]. В ходе переселения наиболее выразительно демонстрируются стандартные матриксы восприятия представителями различных этнических групп друг друга, а процесс взаимопознания проявляет себя в качестве адаптационного инструментария, позволяющего избегать этнических конфликтов и взаимного неприятия [2; 140].

Молдавские колонисты являлись одним из компонентов процесса колонизации Северо-Западного Кавказа. Время, причины и обстоятельства их появления на данной территории различны. Характерной чертой переселенческого движения на Северо-Западный Кавказ было то, что в регионе проживало местное (полиэтническое) население, и молдавские мигранты, по конфессиональной принадлежности – православные, перемещались параллельными или совместными группами с волнами мигрантов из европейской части России. Вместе с тем представители более ранних переселенческих потоков нередко воспринимали вновь прибывающих колонистов с позиций старожилов, что дополнительно обостряло социальные отношения в регионе.

Начало периоду неофициального самостоятельного переселенческого движения фактически положил императорский Манифест от 19 февраля 1861 г. Анализируя причины переселений различных этносов в регион, Н.Г. Волкова отмечает, что все они имели чётко выраженный социально-экономический и политический характер [3; 193]. Основными причинами переселения молдаван на Кавказ являлись малоземелье на родине, бедность, периодические неурожаи, то есть доминировали социально-экономические мотивы. В Бессарабии доля юридически свободных безземельных крестьян (цараней), прикреплённых к своим сёлам, была преобладающей среди сельского населения. Кардинальному решению земельной проблемы не помогло и проведение земельной реформы 1868 г., предоставившей возможность крестьянам за выкуп получить небольшие наделы земли. В результате малоземелье подвигло молдавских крестьян как к организованному правительством, так и к неофициальному переселению на Кавказ уже в 1868-1869 гг. [4; 32].

Характерной чертой пореформенного периода является определённая двойственность имперской власти в решении переселенческой проблемы. Свидетельством подобного поведения являются законодательные акты, где высказывается желание тщательно контролировать переселенческое движение в силу признания его необходимости, так и документы, фактически ему противоречащие.

Первая линия была представлена в Указе императора Александра II от 10 мая 1862 г. о заселении предгорий западной части Кавказа семейными добровольцами всех сословий, Циркуляре Министерства внутренних дел «О порядке переселения крестьян на свободные казенные земли» от 13 апреля 1868 г., по которому право на

миграцию получили все категории крестьян с заблаговременного разрешения правительственных структур. Обнародование этого документа стимулировало рост миграционных потоков, в том числе и в Бессарабии. В Циркуляре же Министерства внутренних дел от 4 мая 1868 г. губернаторам поручалось ограничивать переселенческие настроения крестьян, поскольку в 1870 г. завершался 9-летний срок временнообязанного состояния крестьян, и правительство опасалось непрогнозируемого роста миграций. Специальный Циркуляр Министерства внутренних дел от 5 ноября 1868 г. приостанавливал действие Циркуляра от 13 апреля 1868 г. В итоге до конца 1870-х гг. в Российской империи не было единого логичного законодательства, регулирующего миграционные процессы. Закон о переселении был принят 13 июня 1889 г. и расширен и видоизменен законами от 15 марта и 27 декабря 1896 г. Однако и в новых документах присутствовала определённая алогичность: с одной стороны, правительство не стремилось в принудительном порядке требовать возвращения стихийных мигрантов на родину, этим подтверждая признание итогов переселенческого движения; с другой стороны, желало чётко контролировать переселенческое движение, что привело к введению имущественного ценза, так называемого «переселенческого капитала», и чрезвычайной бюрократизации всего процесса при прохождении по различным инстанциям вплоть до согласования в Переселенческом управлении МВД России в Санкт-Петербурге [5; 127]. Следует подчеркнуть, что местные власти на Северо-Западном Кавказе были заинтересованы в переселенцах, испытывая острую потребность в рабочих руках.

В эти годы первая группа молдаван переселилась на Кубань, где в нагорной полосе ею был основан посёлок Шабано-Тхамахинский [6]. В 1871-1876 гг. молдаване обосновались в селении Пеленково, в 1869-1975 гг. – в Весёлом и Молдовке (Адлере), в 1873-1875 гг. – Молдаванском [7; 165].

Отбор кандидатов для поселения в Черноморском округе нельзя было считать обоснованным, поскольку требовались «особые элементы, совершенно особенные характеры, характеры предприимчивые, стойкие и упорные, вроде тех, которые когда-то отправлялись на север из Новгорода, и которые занимали и расширяли бы русскую землю по направлению к востоку и югу» [8; 46].

Молдаване, как и другие колонисты, по мнению Н. Шаврова, не имели никакого понятия о крае, его почве, климате и местных условиях будущей земледельческой культуры и смотрели «по-своему на своё водворение и будущность образуемых ими поселений» [9; 28]. Адаптационный процесс для всех колонистов протекал тяжело. Наибольшие проблемы возникали при заселении Черноморской прибрежной полосы. Пособия, выдаваемые переселенцам от правительства, имели крайне преувеличенное значение в глазах мигрантов.

При выборе мест для организации поселений в прибрежной полосе в большинстве случаев не учитывались геолокационные характеристики местности, предназначенной для дальнейшего проживания мигрантов, а также выбор участка для постройки жилищ. Места для будущих населённых пунктов были установлены по карте, а посетить намеченные земли не удосужился ни один чиновник [10; 26]. В итоге большинство деревень устраивались на дне долин по течению рек, в местах низменных, заболоченных, ареалах выплода малярийных комаров. Для оздоровления этих поселений необходимо было привлечь значительные финансовые ресурсы с целью расчистки зарослей и осушения болот, что было несовместимо с финансовыми возможностями колонистов.

Могучая растительность, которой отличалось восточное побережье Чёрного моря, препятствовала земледельческим работам. Влажный и тёплый климат с резкими перепадами температур был вреден для здоровья. Жизнь в шалашах до постройки удобных жилищ и заведения какого-нибудь хозяйства вызывала болезни. Повальное заболевание малярией, если не приводило к летальному исходу, то настолько истощало организм, что люди впадали в состояние депрессии и теряли работоспособность [11; 126].

Усугубляло и без того тяжёлое положение молдавских колонистов отсутствие удобных путей сообщения, поскольку их постройка через многочисленные хребты и отроги гор, разделённых множеством горных ручьёв и рек, требовала колоссальных сумм, не соответствовавших скромной задаче, поставленной правительством, о заселении Черноморского побережья несколькими тысячами новых колонистов. С другой стороны, безуспешная борьба первых партий поселенцев с природной средой восточного берега Чёрного моря выявила и другой факт: без затраты крупных капиталов развитие интенсивного сельского хозяйства в данном регионе совершенно немыслимо.

Отсутствие дорог, трудности устройства хозяйства в болотистой или пустынной местности и высокая смертность от лихорадки надломили силы первых поселенцев – многие семьи поголовно вымерли, другие, не выдержав тяжёлых испытаний, возвращались в Бессарабию. Так, в селении Пеленковом до 1876 г. было поселено 79 семейств молдаван, из которых вымерло 15, ушло в другие места 38 и уцелело всего 26 семейств. В деревне Весёлой до 1875 г. поселилось 98 семейств молдаван, из них вымерло 29, ушло в другие места 28 и осталось в деревне только 41 семейство [12; 61]. В деревне Молдовка (Адлер) с 1869 г. по 1876 г. поселилось 48 молдавских семейств, из них вымерло 18, 15 отправилось в другие места и лишь 15 семейств выжило [4; 19]. К началу 80-х гг. XIX в. численность молдаван в Черноморском округе составляла тысячу человек [3; 241]. По данным первой всероссийской переписи населения 1897 г. 5,3 тыс. молдаван проживало в Екатеринодарском, Кавказском, Лабинском, Майкопском и Темрюкском отделах Кубанской области. Из них 3,4 тыс. – в Темрюкском отделе. В Туапсинском и Сочинском округах Черноморской губернии насчитывалось 700 молдаван [13; 10–38]. Молдавский язык относится к романской ветви, а молдаване называют себя молдовень.

Анализируя материалы Вольного экономического общества (1885 г.), Бороздин подчёркивал, что численность сельского населения в Черноморском округе достигла 8 тыс. человек, из которых преобладающая часть населения была представлена армянами, греками, немцами, чехами, поляками и молдаванами. Переселение колонистов обошлось российскому правительству ценой значительных затрат, хотя это пёстрое по этническому составу население находилось в «самом захудалом положении». Их казённые недоимки достигли 75 тыс. руб. [14; 130].

В условиях складывавшейся полиэтничности региона отдельные этнические группы населения продолжали сохранять национальные черты и традиции. В этнографических описаниях дореволюционных авторов даётся такая характеристика внешнего облика кубанских молдаван: «Верхнее платье хачхо – мужицкое, отличие же их, мужчина надевает сверх широких до неимоверности, как широкая тяжёлая юбка, шаровар длинную за колено рубаху, сверху по пояс часто выстеганную куртку, подпоясывается широким толстенным из красной преимущественно материи поясом, женщины в платьях и кофтах, по современному малороссийскому

образцу...» [15]. Язык, песенный и танцевальный фольклор, традиционная система питания формировались у молдаван под воздействием каждодневной практики, традиционной системы ценностей. Молдавскую кухню отличает богатый фруктовый и овощной ассортимент. К пищевкусовым предпочтениям молдавских колонистов относятся мамалыга (круто заваренная каша из кукурузной муки или круп) вместо хлеба, пироги плацинды с творогом и зеленью, борщ, брынза. Вдали от исторической родины они не забывали и о супе зама (разновидности куриного супа с лапшой, с добавлением специального кислого кваса — акру). Суп подавали и на свадебных торжествах, и на поминках, и при простуде [16].

Молдаване внесли свою лепту в экономическое развитие Северо-Западного Кавказа, возделывая пшеницу, кукурузу, ячмень, овёс, рожь, бобовые, картофель. Значительную роль в хозяйстве молдаван играло свиноводство и овцеводство. К концу XIX в. успешно развивались табаководство, огородничество, плодоводство, виноградарство. Среди промыслов процветали гончарный, пенькопрядильный [17; 147], а также обработка камня, плетение из растительного сырья, обработка дерева [18; 411]. Преодолев трудности процесса адаптации, жизнь мигрантов постепенно налаживалась.

Многолетнее функционирование немногочисленной молдавской диаспоры на Северо-Западном Кавказе объяснялось, прежде всего, сохранением культурной самобытности молдавских колонистов, которая поддерживала жизнеспособность данного этнического организма и проявлялась в сохранении родного языка, этнонациональной культуры (обрядов, традиций, жизненных устоев, домашнего уклада, праздников, фольклора и т.д.), конфессиональной принадлежности, этнического самосознания. Дистанцированность от родины предков восполнялась гипертрофированным желанием сохранить национальную культуру, поддерживать ее развитие и персистентность к ассимиляции [19; 119]. Новые условия жизнедеятельности и непривычное культурно-бытовое пространство на первых порах привели к некоторой обособленности молдаван от остального населения. Но в дальнейшем, по мере хозяйственной интеграции, между аллохтонным и автохтонным населением углублялось социокультурное взаимодействие, гарантированное высоким уровнем этнорелигиозной толерантности местного населения.

Как отмечает А.Ю. Шадже, Кавказ – это «ареал постоянного кросскультурного взаимодействия» [20; 38], который с начала колонизации Российской империей приобретает статус зоны тесного межкультурного сотрудничества и уникального пограничного региона в географическом и социокультурном отношениях [21; 237]. Миграционные процессы пореформенного периода кардинально изменили этнокарту Северо-Западного Кавказа и вызвали сложные социокультурные трансформации в регионе, как среди аллохтонного, так и автохтонного населения, вынужденного своевременно адаптироваться к новым условиям. Уникальность сложившейся ситуации состояла в том, что местное население, сохраняя базовые компоненты традиционной культуры, оказалось в положении адаптантов в новом социокультурном пространстве, поскольку значительная часть горского населения вынуждена была переселиться в Османскую империю.

Ведущей тенденцией, по мнению Н.Н. Великой, здесь были не массовые заимствования, а межэтническая интеграция, приводившая к формированию единого экономического и социально-политического пространства, к выработке ряда черт культурной гомогенности [22; 330]. Молдавские колонисты прошли

сложный путь социально-экономической адаптации и, не утратив своих культурных ценностей и национальной идентичности, смогли стать значимой частью полиэтничного и субкультурного пространства региона, оставив свой отпечаток в истории Северо-Западного Кавказа.

Таким образом, со временем представители ряда последовательных колонизационных потоков, в том числе и молдавская этнографическая группа, стали воспринимать Северо-Западный Кавказ как исконную территорию, и сосуществование различных культурно-исторических групп привело впоследствии к реальному диалогу культур. Однако не в полной мере изучены факторы, побуждающие к переселению и формирующие миграционные настроения конкретных молдавских семей, мотивация выбора направления миграций, ход переселения, исходные условия жизни на новом месте, способы модификации пространства и многие другие проблемы, прежде находившиеся вне поля исследовательского внимания. Нуждается в дальнейшем структурном анализе тема сохранения изначальной, собственно молдавской идентичности и её роли в трансформации этнических соседей молдавских переселенцев. В целом же изучение традиционно-бытовой культуры молдавского этноса на Северо-Западном Кавказе находится в состоянии становления.

Примечания:

1. Сергеев В.Н., Крючек П.С. Миграционное движение с территории Беларуси на Юг России во второй половине XIX века: контуры проблемы // Гуманитарный вестник. Москва: МВТУ им. Баумана, 2014. № 2. С. 1–13.

2. Панфёров В.Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопознания людей // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 139–141.

3. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. Москва: Наука, 1974. 273 с.

4. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX в. – начале XX вв.: монография. Сочи: М-во образования РФ, Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела, 2000. 186 с.

5. Кауфман А.А. Переселение и колонизация: государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. 440 с.

6. Кубанские областные ведомости. 1905. 30 октября.

7. Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краеведческий ежегодник. Краснодар, 1990. Вып. 2. С. 132-174.

8. Кавказский берег Черного моря // Отечественные записки. 1878. № 3. С. 34–51.

9. Шавров Н. Проекты колонизации восточного берега Чёрного моря // Северный вестник. Санкт-Петербург, 1886. Отд. 2. С. 20–48.

10. Гранкин Ю.Ю. Колонизационное освоение Северного Кавказа в пореформенный период // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2011. № 132. С. 22–33.

11. Тхагапсова Г.Г. Демографическая политика России на Западном Кавказе (конец XIX в.) и её этноэкологические последствия // Информационно-аналитический вестник отдела истории АРИГИ. Майкоп, 2001. Вып. 4. С. 116–129.

12. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. 200 с.

13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 65: Кубанская область / ред. Н.А. Тройницкий. Санкт-Петербург: Изд. центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1905. 263 с.

14. Бороздин К.М. Колонизация Кавказа // Наблюдатель. Санкт-Петербург, 1885. № 5. С. 129-147.

15. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 722. Оп. 1. Д. 166. Л. 52.

16. Симионел В. Цена земли. История молдаван в Краснодарском крае. Краснодар: Simionel, 2018. 240 с.

17. Батюшков П.Н. Бессарабия. Историческое описание. Санкт-Петербург: Товарищество «Общественная польза», 1892. 322 с.

18. Молдаване / отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Деркачёв; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт культурного наследия А.Н. Молдовы. Москва: Наука, 2010. 542 с.

19. Зейналова С. Этнодемографические изменения на Кавказе: формирование европейских этнических общин (XIX – начало XX вв.) // Кавказ. Глобализация. 2009. Т. 3, вып. 4. С. 108–120.

20. Шадже А.Ю. Кавказская цивилизация или кавказская культура // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 34–38.

21. Триус Л.В. Создание на Северном Кавказе зоны межэтнического взаимовлияния горцев, казаков и российских переселенцев (конец XVIII – начало XIX вв.). Университетские чтения – 2009, 12-13 января 2009 г.: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. Ч. 12. С. 233–238.

22. Великая Н.Н. Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII–XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2001. 519 с.

References:

1. Sergeev V.N., Kryuchek P.S. Migration movement from Belarus territory to the South of Russia in the second half of the 19th century: the contours of the problem // Humanitarian Bulletin. M.: MVTU of Bauman, 2014. No. 2. P. 1-13.

2. Panfyorov V.N. Cognitive standards and stereotypes of mutual knowledge of people // Problems of Psychology, 1982. No. 5. P. 139-141.

3. Volkova N.G. Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries. M.: Nauka, 1974. 273 pp.

4. Tveritinov I.A. Socio-economic development of the Sochi district in the second half of the 19th – early 20th centuries: a monograph. Sochi: Ministry of Education of the Russian Federation. Sochi State University of Tourism and Resort Business, 2000. 186 pp.

5. Kaufman A.A. Resettlement and Colonization [Text]: state policy and peasant land ownership in post-reform Russia. M.: LIBROCOM, 2011. 440 pp.

6. Kuban Regional Sheets. 1905. October 30.

7. Bondar N.I. What do we know about each other? Ethnographic essay on the peoples of the Kuban area // Kuban Ethnographer. A yearbook. Krasnodar, 1990. Iss. 2. P. 132-174.

8. The Caucasian coast of the Black Sea // Domestic Notes. 1878. No. 3. P. 34-51.

9. Shavrov N. Projects of colonization of the eastern coast of the Black Sea // North Bulletin. SPb., 1886. Dep. 2. P. 20-48.

10. Grankin Yu.Yu. Colonization development of the North Caucasus in the post-reform period // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. SPb., 2011. No. 132. P. 22-33.

11. Tkhagapsova G.G. Demographic policy of Russia in the Western Caucasus (end of the 19th century) and its ethno-ecological consequences // Information and Analytical Bulletin of the History Department of ARIGI. Maikop, 2001. Iss. 4. P. 116-129.

12. Matveev O.V., Rakachev V.N., Rakachev D.N. Ethnic migrations in the Kuban area: history and modernity. Krasnodar, 2003. 200 pp.

13. The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897. Vol. 65. Kuban region / Ed. by N.A. Troinitsky. SPb.: Publ. Center of the State Com. of the Ministry of Int. Affairs, 1905. 263 pp.

14. Borozdin K.M. Colonization of the Caucasus // Observer. SPb., 1885. No. 5. P. 129-147.

15. The State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 722. Op.1. D. 166. L. 52.

16. Simionel V. The price of land. History of Moldavians in the Krasnodar Territory. Krasnodar: Simionel Publishing house, 2018. 240 pp.

17. Batyushkov P.N. Bessarabia. Historical description. SPb.: Tovarishch. "Obshchestvennaya polza", 1892. 322 pp.

18. The Moldavians / ex. ed. by M.N. Guboglo, V.A. Derkachyov; Institute of Ethnology and Anthropology of N.N. Miklouho-Maclay RAS; Institute of Cultural Heritage of A.N. Moldova. M.: Nauka, 2010. 542 pp.

19. Zeynalova S. Ethno-demographic changes in the Caucasus: the formation of European ethnic communities (19th – early 20th centuries) // The Caucasus. Globalization. 2009. Vol. 3. Iss. 4. P. 108–120.

20. Shadzhe A.Yu. Caucasian civilization or Caucasian culture // Scientific Thought of the Caucasus. 2000. No. 2. P. 34–38.

21. Trius L.V. Creation in of the zone of interethnic mutual influence of highlanders, Cossacks and Russian immigrants the North Caucasus (late 18th – early 19th centuries). University Readings. 2009. January 12-13, 2009: materials of the scientific method. readings of PSLU. Pyatigorsk: Publishing house of PSLU, 2009. Part 12. P. 233-238.

22. Velikaya N.N. Political, socio-economic and ethnocultural processes in the Eastern Ciscaucasia (18th – 19th centuries): Diss. for the Cand. of History degree. Stavropol, 2001. 519 pp.

УДК 39(=352.3):316.66-055.2
ББК 60.521(=602)
Е 60

Р.Х. Емтыль,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, тел.: +79184210552, e-mail: razieta@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ АДЫГСКОЙ (ЧЕРКЕССКОЙ) ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ (XVIII-XIX ВВ.)

(Рецензирована)

Аннотация. В статье с опорой на иностранные свидетельства, устное народное творчество и творчество С. Хан-Гирея рассматривается статус адыгской женщины в XIII-XIX вв. Основу ретроспективного исследования, которое осуществлено адыгским просветителем и фольклористом, составляет рассмотрение процесса трансформации «женского вопроса» в работах иностранных ученых и путешественников. Существовавший ранее миф об адыгской женщине как о социальном субъекте, лишенном правового статуса, был подвергнут пересмотру посредством предоставления этнографических и исторических материалов. Отмечая первостепенную роль женщины в выполнении хозяйственно-экономических задач, адыгский просветитель последовательно отстаивает идею о невозможности сохранения традиционного семейного быта адыгов. Он оппонирует сторонникам мнения, которое сложилось из-за амбивалентно трактуемой традиции выплаты калыма за невесту, предполагающей развитие отношений в русле полного подчинения и абсолютной зависимости жены от мужа и его родственников. Понимание статусно-ролевой диспозиции женщины усугубляется функциональными требованиями адатов и норм мусульманского права. Женщина в представлении С. Хан-Гирея обладает всеми атрибутами полноправного члена адыгского общества и реализует свою субъектность через принципы почтительности, уважения и рыцарского отношения к ней. Более того, почтительное отношение к женщине встроено в структуру этнического менталитета адыгов и репрезентируется в духовном пространстве адыгского общества с экстраполяцией на современность. На основе анализа данных материалов автор делает вывод о почтительном и уважительном отношении мужчин к женской части общества, что противоречит устоявшемуся мнению о бесправии и униженности черкешенок.

Ключевые слова: творчество, С. Хан-Гирей, социальный статус, адыгский этикет, семейные традиции, черкешенка, женщина, обычаи, нравы, уважение, адыги, общество.

R.Kh. Emtyl,
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of History of the Adyghe Republican Institute of Humane Studies named after T.M. Kerashev, Maikop, ph.: +79184210552, e-mail: razieta@yandex.ru

SULTAN KHAN-GIREY: ON THE STATUS OF ADYGHE (CIRCASSIAN) WOMEN IN SOCIETY

Abstract. The article, based on foreign evidence, oral folk creativity and the works of S.Khan-Girey, considers the status of the Adyghe woman in the 13th

through 19th centuries. The process of transformation of the "women's issue" in the works of foreign scientists and travellers has become the basis for the retrospective study, which was carried out by the Adyghe educator and folklorist. The earlier myth of Adyghe woman as a social entity deprived of legal status underwent reassessing through the provision of ethnographic and historical materials. Noting the primary role of a woman in the performance of economic tasks, the Adyghe educator consistently advocates the idea that it is impossible to preserve the traditional family life of Adyghes. He opts for the supporters of the opinion that has developed due to the ambivalently interpreted tradition of payment of kalym for the bride, involving the development of relations in line with the complete subordination and absolute dependence of the wife on the husband and his relatives. The understanding of a woman's status-role disposition is exacerbated by the functional requirements of the adates and norms of the Muslim law. The woman in the representation of S. Khan-Girey possesses all attributes of a full member of the Adyghe society and realizes her subjectness through the principles of reverence, respect and chivalry towards her. Moreover, respectful attitude towards women is built into the structure of the ethnic mentality of Adyghes and is presented in the spiritual space of Adyghe society with extrapolation to modernity. Based on the the analysis of these materials, the author concludes that men have a respectful attitude towards the female part of society, which is contrary to the well-established view of the disenfranchisement and humiliation of Circassian women.

Keywords: creativity, S. Khan-Girey, social status, Adyghe etiquette, family traditions, Circassian women, woman, customs, morals, respect, Adyghes, society.

В нашем исследовании затрагивается «женский вопрос»: статус женщины в Черкесии, ее роль как матери, сестры, жены – хранительницы семьи и рода. Проблема рассматривается на основе трудов Султана Хан-Гирея, горского эпоса и свидетельств иностранных путешественников и ученых о Северном Кавказе. Такой материал привлекается в силу ряда причин. В первую очередь учитываются и такие характерные черты адыгской и кавказской культуры в целом, как высокая доля устойчивости к стороннему воздействию, способность к самосохранению и саморегуляции. В этом плане опора на работы Хана-Гирея более чем оправдана: то отношение к женщине и ее месту в обществе, которое он отразил в своем творчестве, остается актуальным до настоящего времени, и его изучение позволит понять социальные реалии сегодняшнего дня.

С. Хан-Гирей, родившись в своем отечестве и в адыгской семье, наблюдая жизнь адыгской женщины (черкешенки) воочию, также не мог не уделить и не описать красоту адыгских женщин и их душевный мир: «Увлеченный примером потомков гордого поколения, героиню чистосердечного моего творения представляю я себе высокого роста, с талию чрезвычайно стройную, с нежной белизной тела, с роскошною грудью и шеей, с маленькими ножками, с прекрасными полными ручками, с каштановыми волосами, с глазами голубыми, как небо, полными небесного огня и жизни, т.е. с такими глазами, в которых любовь дышит очарованием, таятся высокие, нежные чувства кротости и взгляд которых проникает вас до глубины сердца, оставляя в душе вашей непостижимую приятную тревогу...» [1; 326]. Здесь ярко проявились эстетические идеалы адыгов, для которых понятие красивого (дахэ) подразумевало не только внешнюю форму, внешний облик явлений, человека, но и их внутреннюю сущность, их содержание, значение для человека, для общества.

К середине XIX в. был накоплен обширный материал о Северном Кавказе, однако система взаимоотношений в горском обществе не была

изучена в полной мере, как не были изучены внутренний мир женщины, ее характер, образ жизни, семейный быт и т.д. Для этого необходимо было полное погружение в жизнь народа, как это удалось Хан-Гирею. Изучение истории черкесов позволило ему почувствовать все особенности их исторического развития, традиций и обычаев. Свою роль также сыграли языковой барьер и различие в культуре и менталитете, что стало причиной распространения ошибочных представлений о Черкесии и черкесах, черкешенках, в том числе и о низком статусе женщины. Определенное влияние здесь оказало и неправомерное соотнесение черкешенок, пользовавшихся уважением и почитанием, и иным положением женщин в Европе и арабских странах. В таком контексте наиболее полная и объективная информация представлена в устном народном творчестве и работах адыгских просветителей, фольклористов и историков, таких как С. Хан-Гирей, Ш. Ногмов, Б.Х. Бгажноков. Будучи истинными радетелями своей земли, они наблюдали, всесторонне изучали и описывали характер, образ жизни, быт черкешенок. Исследователи подчеркивали, что на Кавказе статус женщины всегда был высок, что обосновывалось традициями и этикетом. Проявление такого уважения отразил в своих трудах известный современный этнограф, фольклорист Б.Х. Бгажноков: «По обычаю, женщине уступали правую сторону. Когда она проходила мимо сидящих глубоких стариков, они вставали, приветствуя её». Как хранительница мира, «женщина могла приостановить кровавую схватку двух мужчин или группы, бросив между ними свой головной убор, и пред обнаженной головой женщины прекращалась всякая борьба или драка, стоило только ей сказать: «Разве не заслуживает уважения женский платок?», и прикоснуться правой рукой к платку на голове» [2; 53, 106].

Женщина старшего возраста находилась на особом положении и пользовалась большим уважением, отмечали и С. Хан-Гирей, и Б.Х. Бгажноков.

Еще более яркая, многогранная картина предстает в творчестве С. Хан-Гирея, в частности в повести «Вера, нравы, обычаи и образ жизни черкеса». Проанализировав собственные наблюдения, свидетельства очевидцев, исторические и этнографические материалы, С. Хан-Гирей наблюдал, что для мужчины обязательным считалось предупредительное, почтительное отношение к женщине. «Переступивший закон уважения к прекрасному полу, проявляет агрессию к жене, матери или дочери, он делается предметом посмеяния и заслуживает презрения», заключает С. Хан-Гирей [1; 247].

С. Хан-Гирей развенчивает миф о низком, рабском положении адыгской женщины: «У черкесов жены в совершенной зависимости от воли мужей, но из этого не следует заключать, что женщины у них рабыни, более того, черкесы отличаются величайшим уважением к женщинам. Напротив того и обхождение мужа с женой основывается на строгих правилах приличия. К этому присовокупить должно и то обстоятельство, что жена-красавица всегда владеет сердцем мужа» [1; 248]. Так писатель спорит с устоявшимся мнением, которое, по-видимому, сложилось из-за неверно понятой традиции выплаты калыма за невесту, предполагающей развитие отношений в русле полного подчинения и абсолютной зависимости от мужа и его родственников. Однако это в корне не верно: «адаты и нормы мусульманского права трактовали калым по-разному: адаты – как выкуп родителям невесты, шариат – как дар самой жене». Хотя у черкесов на долю женщины выпали самые тяжелые домашние работы, но это явление принадлежало обычаям народа, а не происходило от жестокости нравов. Случаи сурового обращения

с женщинами бывали очень редко, и там, где они встречались, почти всегда виною тому бывала сама женщина. Черкесы чрезвычайно щекотливы относительно женской добродетели, её нравственности, и мстили за оскорбление женщины жестоко [3; 96].

В продолжение анализа института семьи следует отметить, что выбор спутника жизни далеко не всегда определялся родителями или старшими родственниками. Напротив, юноши и девушки обладали определенной свободой в проявлении симпатий: «Молодые черкесы, имея с девицами свободное обращение, имели случай понравиться друг другу и дать понять свои чувствования. После такого объяснения мужчина просит в жены себе избранную девицу у её родителей через своих поверенных» [1; 425].

И к таким отношениям подходили со всей серьезностью. Связано это было с той ролью хранительницы домашнего очага, заботящейся о супруге и детях, которая отводилась женщине. Именно такая женщина может стать опорой, честью и достоинством мужа и отца, брата. Об это свидетельствуют высказывания выдающегося мудреца Жабаги Казаноко: «Муж настолько доблестен, насколько позволяет ему жена»; «Доблестный муж с женой ласков, а муж-баба драчлив с женой»; «Мужа творит жена, жену творит муж»; «От жены зависит благополучие и добрая слава супруга» [1; 107, 118, 165]. Такое представление о её роли воспитывалось среди адыгов с детства, что отразилось в народной мудрости и традициях, не потерявших актуальности до настоящего времени.

Именно с таких позиций – почтительности и уважения, рыцарского отношения – и описывает статус женщины-черкешенки в адыгском обществе С. Хан-Гирей. И наиболее полно это воплощается в образе одной из черкешенок. Она представлена нам как прекраснейшее создание, чья прелесть сохранилась в песнях и преданиях: «С улыбкой неуловимою на прекрасных розовых устах представляю я себе знаменитую красавицу. Однако же, при всей своей очаровательности, она, как говорит предание, казалась недоступною, гордою, созданной повелевать, а не повиноваться!» [4; 325-326].

Созданный образ отражает одновременно нежность, красоту и силу. Подобная женщина способна стать вровень с мужчиной, и ни у самого С. Хан-Гирея, ни у тех, кто воплотил историю в легенду, подобное не вызывает отторжения, только чувство гордости и восхищения. Это лишь подтверждает: положение черкешенок не было бесправным, униженным. Они пользовались почетом и уважением, их оберегали, поддерживали.

Таким образом, статус женщины в адыгском обществе был довольно высоким, чему мы находим немало подтверждений в фольклоре, в требованиях этикета, в наблюдениях исследователей, в том числе и работах С. Хан-Гирея. Сопоставление источников внутренних и внешних дало возможность оценить ситуацию с различных точек зрения и увидеть грани восприятия, определяемые менталитетом. Обращение к подобным материалам стало основой формирования иного взгляд на роль адыгской женщины в противовес устоявшемуся мнению о ее бесправном, приниженном положении. Такой подход уже прослеживается в ряде социокультурных и историко-культурных исследований и требует дальнейшей разработки и пристального внимания ученых.

Примечания:

1. Хан-Гирей С. Избранные труды и документы / сост. М.Н. Губжоков. Майкоп, 2009.

2. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.

3. Дубровин Н. Черкесы (Адыге). Краснодар, 1927.
4. Казаноко Жебаги / сост. А.Т. Шортанов. Нальчик,1984.

References:

1. Khan-Girey S. Selected works and documents / Compiled by Gubzhokov M.N. Maikop, 2009.
2. Bgazhnokov B.Kh. The Adyghe etiquette. Nalchik, 1978.
3. Dubrovin N. The Circassians (Adyghe). Krasnodar, 1927.
4. Kazanoko Zhebagi / Comp. by Shortanov A.T. Nalchik, 1984.

УДК [392.85:351.761](5)»19/20»
ББК 63.52(5)
И 24

А.С. Иващенко,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79189224998, e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru

ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАРКОТИКОВ В СТРАНАХ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ПРИЧИНЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена одному из важнейших вызовов человеческого общества вообще и азиатских народов в частности, а именно – проблеме противодействия производству и распространению наркотиков в странах Азии во второй половине XX – начале XXI вв. В исследовании представлены масштабы производства наркотиков в странах Азии, а также размер доходов, который получают наркоторговцы. Кроме того, автор обращает внимание на степень наркотической угрозы не только для развития стран Азии – основных производителей наркотиков (Афганистан, Мьянма, Лаос), но и для всего мирового сообщества. В статье анализируются причины интенсификации производства и распространения наркотиков в азиатских странах зоны «Золотого полумесяца» и «Золотого треугольника», а также в мире в целом. Особое внимание в исследовании уделяется факторам, которые вывели Афганистан в лидеры по производству такого наркотика растительного происхождения, как опий. Автор в статье также делает акцент на меры противодействия в странах Азии процессу производства и распространения наркотиков. В исследовании отмечается важная роль международного сообщества, ряда международных организаций, которые помогают странам Азии бороться с наркобизнесом. В статье проводится сравнение, в частности, законодательства Китая и России относительно наказания за вовлечение в употребление наркотиков. Автор представляет промежуточные результаты, достигнутые некоторыми странами Азии в борьбе с наркоугрозой. В заключительной части статьи анализируются те трудности и проблемы, которые мешают ряду стран Азии заметно продвинуться в борьбе с противодействием производству и распространению наркотиков. Делается вывод, что заметного перелома в борьбе с производством и распространением наркотиков достигли лишь те страны Азии, у лидеров которых есть явно выраженная политическая воля решить вышеназванные проблемы, которые последовательно борются с коррупционными явлениями в госаппарате, инициируют совершенствование антинаркотического законодательства и ведут широкую разъяснительную работу по борьбе с наркотиками.

Ключевые слова: производство, наркотики, распространение, Афганистан, борьба, Таиланд, опиум, героин, Мьянма, Лаос.

A.S. Ivashchenko,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Faculty of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79189224998, e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru

PRODUCTION AND DISTRIBUTION OF DRUGS IN ASIA IN THE SECOND HALF OF THE 20TH AND EARLY 21ST CENTURIES: REASONS FOR INTENSIFICATION AND COUNTERMEASURES

Abstract. The article deals with one of the most important challenges of human society in general and Asian peoples, in particular, the problem of counteracting the production and distribution of drugs in Asian countries in the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century. The study presents the scale of drug production in Asian countries, as well as the amount of income received by drug traffickers. In addition, the author draws attention to the extent of the drug threat not only to the development of the major drug-producing countries of Asia (Afghanistan, Myanmar, Laos), but also to the entire world community. The article analyzes the reasons for the intensification of drug production and distribution in the Asian countries of the Golden Crescent Zone and the Golden Triangle, as well as in the world as a whole. The study focuses on the factors that have led Afghanistan to produce a plant-based drug such as opium. The author also emphasizes measures to counter the production and distribution of drugs in Asia. The study notes the important role of the international community and a number of international organizations that help Asian countries to combat drug trafficking. The article compares, inter alia, the legislation of China and Russia concerning punishment for involvement in drug use. The author presents the intermediate results achieved by some Asian countries in combating the drug threat. The final part of the article analyzes the difficulties and problems that prevent a number of Asian countries from making significant progress in combating the production and distribution of drugs. The author arrives at a conclusion that those countries in Asia whose leaders have a clear political will to solve the above-mentioned problems, and which consistently combat corruption phenomena in the state apparatus, initiate the improvement of anti-drug legislation and carry out wide-ranging awareness-raising work on the fight against drugs, have achieved a marked turning point in the fight against the production and distribution of drugs.

Keywords: production, drugs, distribution, Afghanistan, fight, Thailand, opium, heroin, Myanmar, Laos.

Одним из серьёзных вызовов, перед которым во второй половине XX – начале XXI вв. столкнулось мировое сообщество, является увеличившееся производство и распространение наркотиков. В условиях глобализации мира эта проблема ещё более актуализировалась. По данным ООН и Международного валютного фонда (МВФ), на начало XXI в. объём прибыли от незаконного торгового оборота наркотиков в мире в год составил около 600 млрд долл., или 7,6% от мировой торговли. Более того, «грязные деньги», полученные в мире от торговли наркотиками, приходят в легальную экономику и таким образом «отмываются». Эта сумма исчисляется 1,5 трлн долл. и соответствует 5% мирового ВВП. По некоторым оценкам ООН, наркотики в мире употребляют более 200 млн чел. в возрасте от 15 до 64 лет, это 5% населения всей Земли [1].

Значительное количество наркотиков производится и распространяется в Азии. Так, на страны Азии приходится две трети всех потребителей таких синтетических наркотиков, как амфетамин и метамфетамин. Лидерами по производству метамфетамина, например, являются Мьянма, Китай и Филиппины.

В этой части света также исторически сложились два всемирно известных центра по выращиванию, главным образом, опийного мака, его переработке и распространению продукции, полученной из этого наркотического сырья. Это так называемая зона стран «Золотого

полумесяца». В эту зону входят территории Афганистана, Пакистана и Ирана. И государства «Золотого треугольника», в частности Мьянма, Лаос и Таиланд, с 90-х гг. XX в. к этому «треугольнику» стали причислять гористую часть северо-восточного Вьетнама и южную провинцию Китая – Юньнань.

Самым распространённым наркотиком в мире является героин, затем следуют кокаин и марихуана.

Лидерство по производству опийного мака, из которого изготавливается героин, как в Азии, так и в мире, принадлежит Афганистану. В 2004 г. нелегальные посевы опиума в Афганистане уже были во всех 34 провинциях страны. Так, по данным на 2014 г., на это государство пришлось более 90% опия, выращенного во всём мире. Лишь в одной афганской провинции Гильменд наркотиков производится больше, чем во всей Колумбии [2]. По информации Международного комитета по контролю над наркотиками, площади посевов опийного мака в Афганистане на 2013 г. составили 209 тыс. га. Агентство по контролю за наркотиками в Таджикистане отмечало, что только на севере Афганистана действует более 100 лабораторий по переработке опия в героин. Афганцы не только активно выращивают опийный мак, но и сами пристрастились к употреблению наркотиков опийной группы. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, до 3% афганцев в возрасте от 15 до 64 лет употребляют наркотики, это самый высокий показатель в мире [3].

Ведущие позиции Афганистана в выращивании, производстве и распространении наркотиков опийной группы объясняются рядом причин. С конца 70-х гг. XX в. и на протяжении следующего десятилетия противостояние между афганским центральным правительством левых сил и вооружённой оппозицией Афганистана значительно обострилось. Этому способствовал и ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. с целью помочь удержаться у власти афганскому левому режиму. Развернувшееся военное противоборство между сторонами в Афганистане имело негативные последствия для сельского хозяйства страны. В этих условиях афганские крестьяне отказались от выращивания традиционных сельскохозяйственных культур в стране и перешли к культивированию неприхотливого, но весьма прибыльного растения – опийного мака.

Вывод советских войск из Афганистана в 1989 г. не привёл к стабилизации внутриполитического положения в стране, так как представители афганской вооружённой оппозиции начали борьбу за обладание единоличной властью. Гражданская война в Афганистане, развернувшаяся с 1989 г. и продолжавшаяся на протяжении 90-х гг., ещё более ухудшила экономическое положение в стране и подтолкнула афганских крестьян к увеличению производства опиума для своего физического выживания. Как результат – в 90-е гг. XX в. Афганистан превратился в главного поставщика нелегального опиума на мировой рынок.

Кроме того, политика движения «Талибан», которое пришло к власти в Афганистане с 1996 г., по сути, была направлена на поощрение выращивания опиума.

Афганские банки, ввиду прибыльности выращивания опийного мака, без проблем предоставляли крестьянам в Афганистане кредиты на его культивирование.

Либеральное отношение режима талибов к выращиванию опийного мака в Афганистане объяснялось также тем, что деньги, вырученные от продажи афганских наркотиков, шли на финансирование террористической деятельности. Ведь в 90-е гг. XX в. в Афганистане обосновалась «Аль-Каида» во главе с Усамой Бен Ладеном.

Антитеррористическая операция, которую начали США и их

союзники в Афганистане в 2001 г., была направлена только лишь на борьбу с террористами и непосредственно не касалась противодействия наркопроизводству в этой стране.

Производство наркотиков в Афганистане составляет основу экономики страны и является единственной конкурентоспособной статьёй экспорта.

Заинтересованной стороной в производстве наркотиков в Афганистане являются афганские полевые командиры, которые получают доходы от этого незаконного бизнеса.

Дезинтеграция Афганистана и слабость государственной власти приводят к тому, что деньги, которые даёт международное сообщество на культивирование легальных сельскохозяйственных культур взамен опиума, уходят на другие цели [4; 62].

И, наконец, причина печального лидерства Афганистана в производстве опийных наркотиков связана с низкой себестоимостью афганского героина. На перевалочном пункте Читрал на пакистано-афганской границе себестоимость одного килограмма афганского героина равна 450 долл., а в Таиланде, где тоже производится героин, себестоимость того же объёма составляет 10000 долл.

Культивированием марихуаны в Азии занимаются: Казахстан, Киргизия, Ливан, Индия, Камбоджа, Таиланд и Филиппины.

В 80-е гг. XX в. произошло переключение наркоторговцев Пакистана от транспортировки наркотического сырья на его переработку и поставки конечного продукта в Европу и другие регионы мира. В начале 80-х гг. XX в. (иногда можно писать «в 1980-е гг.», чтобы не повторяться) в пакистанских городах Читрал и Карачи была создана сеть лабораторий по производству героина. Как результат, Пакистан постепенно стал крупным региональным производителем героина и прекурсоров, т.е. ингредиентов для изготовления вышеназванного наркотика.

После распада Советского Союза в 1991 г. и образования в Средней Азии суверенного государства Таджикистан его граждане стали активно расширять посевы опийного мака.

Рост производства и распространения наркотиков в конце XX – начале XXI вв., как в мире в целом, так и в Азии в частности, имеет также и другие причины. Во-первых, преступные сообщества прокладывают новые пути и модернизируют средства доставки наркотиков. Они используют в своих целях усиление в последние годы социально-экономической и политической интеграции мирового сообщества [5; 56].

Кроме того, международные наркокартели используют в своих целях научно-технические достижения и компьютерные технологии с целью противостояния правоохранительным органам стран мира, которые ведут борьбу с производством и распространением наркотиков.

Для удобства анализа есть смысл разделить меры стран Азии и мирового сообщества, направленные против выращивания и производства наркотиков в азиатских государствах, от усилий по их распространению. Хотя, без всякого сомнения, две эти компоненты очень тесно взаимосвязаны.

Успешную борьбу с производством наркотиков невозможно вести без разработки соответствующей законодательной базы. И это хорошо осознают лидеры стран Азии. Так, в Таиланде уже в 1959 г. вышел правительственный указ о запрете производства опиума. Афганское правительство Х. Карзая, которое пришло к власти после начала в Афганистане антитеррористической операции США и стран Запада в 2001 г., также стало на этот путь. В контексте политики по борьбе с наркотиками в январе 2002 г. был принят закон о запрете выращивания опийного мака, в феврале

2003 г. в Афганистане было создано Национальное агентство по борьбе с наркотиками, в апреле 2003 г. Кабулом был издан декрет о денежной компенсации крестьянам, уничтожившим посевы опийного мака. Более того, правительство Афганистана объявило амнистию тем, кто не будет заниматься в будущем производством наркотиков, и даже разрешило вкладывать в экономику страны деньги, заработанные на производстве наркотиков [6; 3].

Правящие круги стран Азии понимают, что одними запретами проблему производства наркотиков решить невозможно, и ведут среди населения широкую пропагандистскую кампанию по отказу от производства наркотиков и предлагают экономическую помощь по переходу к разведению других рентабельных сельскохозяйственных культур. Такую политику ещё с начала 70-х гг. XX в. стали проводить власти Таиланда. Они помогали тайским крестьянам, которые проживали в горных районах на севере Таиланда, перейти от выращивания опиума, чем они исторически традиционно занимались, к культивированию шелковицы, кофейных зёрен. Правительство Таиланда построило в этом регионе страны для тайских крестьян бетонные водохранилища для орошения полей. Армия и пограничная служба Таиланда контролировали уничтожение посевов опиумного мака и должны были подавлять социальные протесты тайских крестьян, которые не хотели этого делать [7; 316].

Аналогичная кампания по уничтожению плантаций опийного мака в 2003 г. началась и в Афганистане.

Власти Таиланда также постоянно проводили мониторинг мест выращивания опийного мака, создавали особые экономические зоны, свободные от наркотиков.

Достичь позитивного результата в противодействии производству наркотиков в странах Азии невозможно без координации усилий всего мирового сообщества, в том числе и при участии международных организаций. Широкое международное сотрудничество по борьбе с наркотиками началось после создания ООН. В 1961 г. в Нью-Йорке была подписана единая конвенция о наркотических средствах. Она предполагала, что все операции с наркотическими средствами, совершённые в нарушение постановлений конвенции, будут преследоваться в уголовном порядке [8]. Начало активного противостояния мировой общественности производству наркотиков было положено в 1973 г. Фондом ООН по борьбе со злоупотреблениями наркотическими средствами, который разработал специальную программу. Эта программа, в частности, предусматривала вытеснение посадок растений, содержащих галлюциногенные вещества, альтернативными растениями. Производству наркотиков, как и наркоторговле, противодействуют также следующие международные структуры: Управление ООН по борьбе с наркотиками и профилактике преступности, расположенное в столице Австрии Вене; Международное криминологическое общество; Международная ассоциация уголовного права; Интерпол и т.д. В 1998 г. была проведена специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по проблеме наркотиков в мировом масштабе. Во второй половине 90-х гг. XX в. ООН и другие международные организации постоянно требовали от правительства режима талибов в Афганистане запрета на выращивание опия.

Помощь странам Азии в борьбе с производством наркотиков оказывается и на двусторонней основе. Такую помощь в 90-е гг. XX в., например, получил Лаос, в частности от Таиланда, Австралии, Китая, США, а также от неправительственных зарубежных организаций. Эта помощь пошла на переселение крестьянских семей из горных местностей, где выращивался опий, на равнину, а

также на обустройство и приобщение к новой агротехнике. Усилия властей Лаоса по борьбе с производством наркотиков были поощрены принятием этого государства в 1997 г. в АСЕАН.

Помощь же Мьянме в борьбе с производством наркотиков оказали страны – члены АСЕАН, куда она также была принята в 1997 г. В 1999 г. страны – члены АСЕАН поставили перед собой задачу к 2015 г. сделать регион, где они расположены, свободным от наркотиков [9; 47].

Немалая помощь на двусторонней основе в борьбе с производством наркотиков оказывается и Афганистану. Так, в 2004 г. Англия выделила на эти цели 50 млн долл., а США – 127 млн долл. В феврале 2005 г. глава МИД Великобритании Дж. Стро в ходе визита в Афганистан заявил, что Лондон готов представлять Кабулу по 100 млн долл. ежегодно на противодействие производству наркотиков и наркоторговле. Вашингтон в том же году выделил Афганистану 780 млн долл. на борьбу с наркотической угрозой. 127 млн долл. из этой суммы направлялось на развитие альтернативных хозяйств (производство зерновых, огородных и садовых культур – А.И.). Остальные деньги пошли на уничтожение посевов опия и подготовку силовых структур, борющихся с наркобизнесом.

Посильную помощь Афганистану в борьбе с производством наркотиков оказывает и Россия. Так, в 2006 г. российские специалисты провели обучение сотрудников афганских правоохранительных органов по досмотру, обнаружению и закрытию подпольных лабораторий, а также методам борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Законодательство стран Азии, особенно государств, расположенных в её восточной и юго-восточной частях, весьма жёстко наказывает тех лиц, которые были уличены в изготовлении, транспортировке, контрабанде и продаже наркотиков. В Китае за эти противоправные деяния наступает уголовная ответственность, независимо от количества выявленных наркотиков. Об этом ясно говорится в статье 357 Уголовного кодекса КНР. В соответствии со статьёй 347 УК Китая, «контрабанда, продажа, перевозка, производство наркотиков» влекут за собой лишение свободы сроком до 15 лет, пожизненное заключение или смертную казнь. Статья 9 УК японского законодательства за преступления, связанные с наркотиками, также предусматривает наказание вплоть до смертной казни. Смертная казнь за торговлю наркотиками предусмотрена и в Таиланде, Малайзии, Иране с 1989 г. В Малайзии, кроме того, смертной казни подлежит тот, кто хранил 200 гр. марихуаны или 15 гр. героина. В Брунее перевозка и незаконный ввоз психотропных препаратов считается тяжким преступлением и наказывается лишением жизни [10]. Не менее жёстким является законодательство, связанное с преступлениями в сфере оборота наркотиков в Южной Корее и Монголии.

Уголовная ответственность в Китае наступает и за вовлечение, привлечение обманным путём третьих лиц к употреблению наркотиков перорально или путём инъекций в виде лишения свободы сроком до 3 лет, арестом или надзором и штрафом. В то же время в России деяния, связанные с вовлечением лиц к употреблению наркотиков, не охватываются уголовным законом, а лишь подпадают под административное законодательство.

В Китае также за вовлечение несовершеннолетнего лица в употребление новых, потенциально психически активных или одурманивающих веществ следует максимально суровое наказание из предусмотренных статьёй 353 УК КНР, а именно – 10 лет лишения свободы.

Учитывая, что в Восточной Азии наиболее популярными наркотиками являются препараты опийной

группы, японский законодатель отдельно выделяет «Преступления, относящиеся к опию». В соответствии со статьёй 139 УК Японии, лицо, курившее опиум, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до 3 лет. Китайские законы предусматривают принудительное лечение людей, зависимых от наркотиков, в наркологических диспансерах. Если же лицо, прошедшее курс принудительного лечения, вновь начинает употреблять наркотики, его направляют в исправительно-трудовое учреждение, где это лицо принудительно лечится и работает [11].

Как отмечал бывший директор международной организации «Европейские города против наркотиков» Т. Халльберг, в Японии проблема наркомании является вопросом морали. Контроль за зависимыми от наркотиков людьми в Японии имеет высший приоритет. Ибо, исходя из морали, наркотики – это зло. Может быть, и по этой причине проблема наркомании в Японии стоит не так остро, как в Европе и США.

Афганские власти также прилагают усилия по борьбе с распространением наркотиков. Так, в 2005 г. в Афганистане был принят закон о противодействии угрозе со стороны наркотиков. Он предписывал создание государственной комиссии по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, определял уголовные наказания за пособничество наркоторговцам в госорганах.

Лидеры ряда стран Азии не только скрупулёзно занимаются разработкой законодательной базы борьбы с распространением наркотиков, но и полны решимости предпринимать реальные шаги по борьбе с наркоторговлей. В качестве такого примера можно отметить действия властей Ирана. После революции 1979 г. иранские власти для пресечения транзита наркотиков из Афганистана в Турцию через Иран существенно обустроили свою границу с Афганистаном, в том числе заграждениями из колючей проволоки, глубокими рвами и средствами воздушного наблюдения.

В Иране создан специальный штаб по координации борьбы с наркотиками, его деятельность контролирует президент страны. Тегеран сотрудничает с Афганистаном по замещению посевов содержащих наркотики растений на традиционные сельскохозяйственные культуры. Особенно в приграничных с Ираном провинциях Афганистана. Тем не менее, 25% наркотиков на ирано-афганской границе захватывается Ираном в ходе вооружённых столкновений с афганскими торговцами наркотиками. За последние 20 лет в борьбе с афганскими наркоторговцами на границе с Ираном было убито более 3300 иранских сотрудников правопорядка и военных. Ежегодно на борьбу с наркоторговцами Тегеран выделяет более 800 млн долл.

В борьбе с наркотической угрозой Иран активно контактирует с ООН, другими международными организациями, в том числе неправительственными. Более того, Исламская Республика Иран (ИРИ) подписала протоколы о сотрудничестве по борьбе с наркотиками с Испанией, Италией, Англией, Германией, Венесуэлой, Филиппинами. В 2004 г. ИРИ подписала меморандум о пресечении наркоторговли с Афганистаном, Пакистаном, Таджикистаном, Узбекистаном, Туркменией и Китаем. Как результат активной политики борьбы Тегерана с наркоторговлей, Иран является государством-лидером в мире по изъятию опия и героина.

Жёсткие действия против наркоторговцев предпринимают и власти Таиланда. Так, в 1980 г. премьер-министру этой страны Прем Тинсуланону удалось вытеснить крупного торговца наркотиками Кхун Сы, который действовал в Таиланде, на территорию Мьянмы. Из пределов Таиланда был изгнан не только Кхун Сы, но и его вооружённые формирования.

Репрессивный курс в отношении наркоторговцев в Таиланде продолжил в феврале 2003 г. уже другой премьер-министр страны – Таксин Чинават. Он объявил тотальную «войну с наркотиками». За три месяца этой войны без суда и следствия было убито 2598 чел. По некоторым данным, были убиты даже дети. Такие действия Т. Чинавата были осуждены США и странами – членами ЕС, а также тогдашним королём Таиланда Рамой IX [7; 320].

Решительно боролась с наркоторговцами и Мьянма. Так, в 1990 г. в этой стране был арестован крупнейший торговец наркотиками Юго-Восточной Азии Кхун Сы.

В борьбе с распространением наркотиков, как и в противостоянии с их производством, очень важна координация усилий не только стран того или иного региона, а всего мирового сообщества в целом. Примером такой координации может служить совещание представителей правоохранительных органов стран Европы, Америки и Азии в таиландской столице – Бангкоке – в 2004 г. На этом совещании было принято решение об объединённых действиях Лаоса, Мьянмы и Таиланда по патрулированию прибрежных районов бассейна реки Меконг. Цель патрулирования – пресечь перемещение контрабандных опиатов. Кроме того, предполагалось оказание финансовой помощи и в подготовке кадров государствам «Золотого треугольника» по формированию вооружённых подразделений на приграничных территориях и укреплению самих границ. На совещании было принято решение разработать национальные программы по противодействию наркобизнесу; предусматривались меры по мониторингу потоков наркотиков; ужесточению пенитенциарной системы, относящейся к незаконной наркодеятельности; выявлению числа наркоманов; проведению превентивной работы среди молодёжи и безработных [9; 48].

В Китае, где количество наркозависимых, по данным Международного комитета по контролю над наркотиками, на 2013 г. составило 2,1 млн чел., в 2014 г. началась общественная кампания «Всекитайская мобилизация на борьбу с наркоманией в семьях».

Ощутимых позитивных результатов в борьбе с производством и распространением наркотиков к началу XXI в. добились страны «Золотого треугольника». Так, в Таиланде площади, засеиваемые опийным маком, сократились с 1961 по 2000 гг. с 12 тыс. га до 330 га, в Лаосе и Мьянме с 1998 по 2006 гг. посевы опия уменьшились на 78%. К концу XX в. в Таиланде была ликвидирована сеть предприятий по производству героина. В Мьянме к 2006 г. количество лабораторий по переработке опия-сырца сократилось с 19 до 6. Такого рода промежуточные итоги в борьбе с наркопроизводством дали основание международным организациям, занимающимся контролем за оборотом наркотиков, признать за Таиландом, Лаосом и Вьетнамом статус государств, «свободных от опиума».

Тем не менее, Мьянма и Лаос так и остались на 2 и 3 местах, соответственно, после Афганистана по производству наркотиков из натурального сырья. А по данным Института развития Таиланда на 2003 г., 5% населения этой страны употребляет метамфетамин.

Результаты борьбы Афганистана с наркобизнесом значительно скромнее. В 2004 г. правоохранительные органы страны изъяли 80 т. опия, уничтожили 75 лабораторий по производству наркотиков, ликвидировали несколько наркорынков, в том числе 2 крупных. Афганское правительство планировало к 2007 г. сократить производство наркотиков на 70%, а к 2012 г. полностью ликвидировать наркоиндустрию. Однако к

2007 г. только в 4 провинциях Афганистана опийный мак не выращивался. Это Логар, Пактия, Пактика, Панджшер. Эти провинции расположены в центре Афганистана возле Кабула, где всегда располагалось много военных. Они отличаются неблагоприятными климатическими условиями.

В 2004 г. опиума в мире было произведено на 747 млн долл., 80% – или около 600 млн долл. – из этой суммы пришлось на опиум, выращенный в Афганистане. В 2004 г. более 67% общемировых посевов опиума находилось в Афганистане. Земли, засеянные опиумом в Афганистане, увеличились с 80 тыс. га в 2003 г. до 131 тыс. га в 2004 г. В 2003 г. в Афганистане на доходы от производства наркотиков жили 1,7 млн чел., а в 2006 г. – уже около 3 млн чел. [5; 52].

В борьбе с производством и распространением наркотиков правительства стран Азии сталкиваются с немалым количеством трудностей и проблем. Одной из таких проблем является увеличение мобильности производителей наркотиков. В настоящее время известны случаи производства наркотиков в процессе движения специальных автомобилей, которые оборудованы под нарколаборатории.

Другой проблемой является увеличение на наркорынке доли продаж синтетических наркотиков. Синтетические наркопрепараты разнообразны. Специалисты-химики быстро синтезируют новые аналоги наркотиков, которые не входят в действующие национальные списки запрещённых и контролируемых. Процедура включения новых наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ в официальные списки сложна и длительна.

Наиболее выгодным для наркопроизводителей в соотношении «объём – цена» является производство и продажа кокаина. Это является одной из причин наибольшего уровня интеграции и жёсткого структурирования кокаиновой наркомафии в сравнении с поставщиками других видов наркотиков. Это также мешает успешной борьбе с ней.

Производство и продажа наркотиков являются весьма высокодоходной сферой преступной деятельности, и этот факт подталкивает немалое количество людей заняться такого рода преступным бизнесом.

Руководящие структуры наркокартелей глубоко законспирированы, и правоохранительным органам сложно с ними бороться, и нередко всё ограничивается лишь наказанием наркокурьеров.

Транснациональный характер деятельности наркоторговцев не даёт возможности правовым системам отдельных государств эффективно противостоять ему. Во Вьетнаме, например, местные наркоструктуры получали помощь от вьетнамской диаспоры, живущей в США.

Необходимо пресекать желание политической элиты, в частности стран – членов АСЕАН, привлекать наркоденьги для социально-экономического развития своих государств. Это особенно характерно для Таиланда.

Весьма негативно влияет на борьбу с наркобизнесом коррупционная составляющая, которая характерна для всех стран Азии. Так, в 70-90-е гг. XX в. в переправке наркотиков через территорию Таиланда были замешаны высокопоставленные тайские военные чины [7; 316]. Недостаток финансирования работы правоохранительных органов в Таиланде также подталкивает некоторых его представителей к искушению брать деньги от наркоторговцев. Так, зарплата офицера тайской полиции в среднем в месяц составляет 10000 батов. Эта сумма эквивалентна 300 долл. Только за одну партию наркотиков, пропущенную через границу, тайский офицер может получить взятку в несколько

его ежемесячных окладов – и это за один день.

В 2012 г. в Таджикистане была разоблачена преступная группа, в которую входили: начальник отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков ОВД Фарфорского района Ф. Умаров, начальник отдела Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков МВД майор милиции З. Мирзоев и начальник отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств УВД г. Душанбе подполковник милиции Т. Шеров.

Не лучше обстоит ситуация и в Киргизии. По свидетельству экспертов, в Киргизии имеют хождение два вида героина: «чёрный» и «красный», которые отличаются не по цвету, а по продавцам: первым торгует наркомафия, вторым – сотрудники правоохранительных органов [12].

Ещё хуже положение в Афганистане. Иностранные наблюдатели отмечали, что в афганском госаппарате при Х. Карзае работали крупные наркоторговцы. В октябре 2006 г. подал в отставку глава МВД Афганистана Али Ахмад Джалали. Он был одним из самых непримиримых борцов с наркоторговлей в стране. Свой шаг он объяснил тем, что слишком много людей во власти причастны к наркобизнесу и ему ничего не удаётся с этим сделать. Высшие афганские чиновники в частном порядке признают, что до 80% служащих МВД страны, от местных начальников полиции до высших чинов, получают доходы от наркоторговли.

При всей остроте проблемы борьбы с наркобизнесом в Афганистане из 48 тыс. афганских полицейских производству и распространению наркотиков противостоит всего лишь 750 чел.

Афганская государственная власть в целом и её правоохранительные органы в частности настолько слабы и несостоятельны, что, даже арестовав крупных наркопроизводителей, их почти сразу же отпускают в обмен на согласие сотрудничать с афганской властью в борьбе с террористическими организациями.

Экономические трудности и сложная внутриполитическая обстановка в странах Средней Азии не дают им возможности выделять необходимые средства для борьбы с наркопроизводством. Так, руководство Туркмении в последние годы перестало информировать мировое сообщество о ситуации с наркобизнесом. С 1998 г. Ашхабад по собственной инициативе денонсировал соглашение с РФ об охране туркменских пограничных рубежей с Афганистаном российскими военнослужащими [4; 67].

Таким образом, глобализирующийся мир не только интенсифицирует торгово-экономические, социально-политические и культурно-цивилизационные контакты между странами и сближает народы, но и с высокой скоростью и тотальностью распространяет в социумах все его пороки, к которым относится употребление наркотиков. И выстоять в этом жёстком столкновении с негативными пороками человеческого общества могут лишь социумы и государства, готовые оказать высокую степень резистентности им. Факты, приведённые в статье, убедительно доказывают, что заметного перелома в борьбе с производством и распространением наркотиков достигли лишь те страны Азии, у лидеров которых есть явно выраженная политическая воля решать вышеназванные проблемы, которые последовательно борются с коррупционными явлениями в госаппарате, инициируют совершенствование антинаркотического законодательства и ведут широкую разъяснительную работу по борьбе с наркотиками. Особенно явственно заметно, как борются и чего достигают в противостоянии наркоугрозе, в Китае, Японии, Таиланде и каков результат – в Афганистане, Таджикистане и в Киргизии.

Примечания:

1. Хатаев А. Мировой наркобизнес. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/149 (дата обращения: 25.03.2019).

2. Боришполец К.П. Наркотрафик центрально-азиатской зоны: 25.05.10. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/154202/ (дата обращения: 25.03.2019).

3. Мировой опыт в борьбе с наркотиками // РИА Новости. 2014. 26 июня. URL: https://ria.ru/20140626/1013636752.html (дата обращения: 25.03.2019).

4. Хохлов И.И. Развитие наркобизнеса в условиях контртеррористической операции в Афганистане // Мировая экономика и международные отношения (МЭМО). 2006. № 6.

5. Щенин Р., Сулейманова Г. Наркобизнес – глобальная проблема XXI в. // Мировая экономика и международные отношения (МЭМО). 2006. № 6.

6. Старчак М. Противодействие наркопроизводству в современном Афганистане: оценка эффективности // Мировая экономика и международные отношения (МЭМО). 2008. № 4.

7. Пугачёва Е.В. Наркобизнес в механизме функционирования политических решений Таиланда // Основные тенденции политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. Санкт-Петербург: Студия ИП – Принт, 2011.

8. Настоящее состояние наркотизации в мире. URL: https://vuzlit.ru/1382545/nastoyaschee_sostoyanie_narkotizatsii_mire (дата обращения: 25.03.2019).

9. Иоанесян С.И. Россия и ситуация с наркотиками в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Исторические науки. 2007. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-situatsiya-s-narkotikami-v-yugo-vostochnoy-azii (дата обращения: 25.03.2019).

10. Запрещённые наркотики стран Юго-Восточной Азии. URL: https://www.mir-geo.ru/yigov-aziya/mezhd-probl/zapr-nark (дата обращения: 25.03.2019).

11. Анисифорова-Бучнева М.В. Опыт стран Восточной Азии в сфере противодействия злоупотреблению наркотиками: 28 марта 2017 г. URL: http://отраслиправа.рф/article/23527 (дата обращения: 25.03.2019).

12. Комиссина И.Н. Северный маршрут смерти. URL: http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0114/12269923/detail.shtml (дата обращения: 25.03.2019).

References:

1. Khataev A. World drug business [Electronic resource]. Access mode: https://interaffairs.ru/jauthor/material/149 (access date: 25.03.2019).

2. Borishpolets K.P. Drug trafficking in the Central Asian zone: 25.05.10 [Electronic resource]. Access mode: https://mgimo.ru/about/news/experts/154202/ (access date: 25.03.2019).

3. World experience in the fight against drugs: RIA Novosti, June 26, 2014 [Electronic resource]. Access mode: https://ria.ru/20140626/1013636752.html (access date: 25.03.2019).

4. Khokhlov I.I. The development of the drug business under the counter-terrorism operation in Afghanistan // World Economy and International Relations (MEMO). 2006. No. 6.

5. Shchenin R., Suleymanova G. Drug business: a global problem of the 21st century // MEMO. 2006. No. 6.

6. Starchak M. Counteraction to drug production in modern Afghanistan: an assessment of effectiveness // MEMO. 2008. No 4.

7. Pugachyova E.V. Drug business in the mechanism of functioning of the political decisions in Thailand // Main trends of the political and economic development of the countries of modern Asia and Africa. SPb.: IP – Print Studio, 2011.

8. The current state of narcotization in the world [Electronic resource]. Access mode: https://vuzlit.ru/1382545/nastoyaschee_sostoyanie_narkotizatsii_mire (access date: 25.03.2019).

9. Ioanesyan S.I. Russia and drug situation in Southeast Asia [Electronic resource] // South- East Asia: actual problems of development. Historical sciences. 2007. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-situatsiya-s-narkotikami-v-yugo-vostochnoy-azii (access date: 25.03.2019).

10. Illicit drugs of the countries of South-East Asia [Electronic resource]. Access mode: https://www.mir-geo.ru/yigov-aziya/mezhd-probl/zapr-nark (access date: 25.03.2019).

11. Anisiforova-Buchneva M.V. Experience of East Asia countries in the field of counteraction to drug abuse: March 28, 2017 [Electronic resource]. Access mode: http: //industry-prava.rf/article/23527 (access date: 25.03.2019).

12. Komissina I.N. Northern route of death [Electronic resource]. Access mode: http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0114/12269923/detail.shtml (access date: 25.03.2019).

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.774-053.6:77
ББК 60.56
Б 86

И.С. Бочарникова,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Астраханского государственного университета, г. Астрахань, тел.: +79276613345, e-mail: omcnk@list.ru

ФОТОГРАФИЯ КАК СПОСОБ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

(Рецензирована)

Аннотация. Актуальность темы определяется тем, что цифровая эпоха, инновационные технологии расширяют и изменяют поле взаимодействия между людьми. Исследователи все чаще говорят об информационном обществе, в котором главенствует визуальная коммуникация. Информационное пространство современного молодого человека невозможно представить без визуальной коммуникации и социальных сетей, порой виртуальной жизни он отдает предпочтение, избегая реального общения. Онлайн-взаимодействия расширяют возможности для создания собственной идентичности, предоставляют молодому человеку широкий спектр возможностей для самопрезентации себя другим участникам онлайн-пространства. В частности, одним из самых популярных инструментов самопрезентации являются личные фотографии, размещенные на персональных страницах участников социальных сетей. При этом следует отметить, что фотография представляет собой визуальный язык сообщения (заявления) окружающим о себе. Самопрезентация посредством визуализации является неповторимым способом реакции на окружающий мир, способом идентификации, стремлением быть понятым и принятым определенным сообществом. Визуальная коммуникация становится неотъемлемой частью жизни современного молодого человека, при этом в интернет-пространстве стремительно стирается демаркационная линия «приватное/ публичное».

Результаты исследования показали, что социальные сети – это не столько способ общения со старыми друзьями, сколько способ для приобретения новых знакомств. Благодаря социальным сетям, как выше было сказано, фотография из интимно-личного пространства переходит в пространство публичное, она становится средством для заявления о себе социуму. Мы выкладываем в социальные сети самые различные, но значимые для нас, фотографии: от мелких семейных событий до профессиональных достижений, от домашних любимцев до созерцания природы.

Следует отметить, что человек, как в реальном, так и в виртуальном мире, при общении в первую очередь обращает внимание на внешний образ человека. Но не все пользователи социальных сетей остаются откровенными и честными перед своей аудиторией и в качестве главной фотографии своей страницы (аватара) используют не только личные фотографии. При этом возникает уникальная возможность – «управление мнением о себе». Путем манипулирования конструируется желаемый образ «супермена» или «роковой красотки», этим и определяется особенность виртуальной самопрезентации.

Ключевые слова: *молодежь, фотография, self, самопрезентация, социальные сети Instagram, «ВКонтакте», контент-анализ, интернет-пространство.*

I.S. Bocharnikova,
Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Sociology Department, Astrakhan State University, Astrakhan, ph.: +79276616645, e-mail: omcnk@list.ru

PHOTOGRAPHY AS A WAY OF STUDENTS' SELF-PRESENTATION IN SOCIAL NETWORKS

Abstract. The relevance of the topic is determined by the fact that the digital age, innovative technologies expand the field of interaction between people, which undergoes qualitative changes. The information society with dominating visual communication has become a point of great scientific interest. Information space of a modern young man cannot be imagined without visual communication and social networks. Sometimes he prefers virtual life, avoiding real communication. Online interactions expand the possibilities for creating one's own identity, and provide a young man with a wide range of opportunities for self-presentation to other participants in on-line space. In particular, one of the most popular self-presentation tools are personal photos posted on personal pages of social networks. The author notes that photography is a visual language of a person's message to others. Self-presentation through visualization is a unique way to response to the outside world, a way of identification, a desire to be understood and accepted by a certain community. Visual communication is becoming an integral part of life of a modern youth, while the private / public demarcation line is rapidly erasing in Internet space.

The results of the study have shown that social networks are not only a way to communicate with old friends, but also a way to make new friends. Thanks to social networks, as was said above, photography from an intimate personal space passes into public space, and it becomes a mean for society to declare itself. We post on social networks the most diverse but significant for us photos: from small family events to professional achievements, from pets to nature contemplation.

A person, both in real and in virtual world, primarily draws attention to the external image of a person. However, all users of social networks remain open and honest in front of their audience and use not only personal photos as the main photo of their page (avatar). In this case, a unique opportunity to manage opinions about himself arises. By manipulation, the desired image of "superman" or "fatal beauty" is constructed, which determines the peculiarity of virtual self-presentation.

Keywords: youth, photography, selfie, self-presentation, social networks "Instagram", "VKontakte", content analysis, Internet space.

Интернет-пространство в информационном обществе является наиболее важной площадкой для самовыражения личности, фотография же, помещенная в данное пространство, – главный инструмент самопрезентации пользователя в интернет-реальности, и особенно – в социальных сетях. Следует отметить, что социальные сети позволяют общаться не только с родными, друзьями, так сказать с ближним кругом, но и реализовывать новые знакомства, связи, тем самым актуализируется необходимость самопрезентации и самоподачи в интернет-пространстве.

Данные и методика их анализа. Для решения исследовательской задачи был проведен контент-анализ фотографий 100 активных пользователей социальных сетей Instagram и «ВКонтакте». Отобрано 825 фотографий, выложенных владельцами страниц за последние полгода (634 фотографии 50 рандомно отобранных пользователей в Instagram и 191 фотография 50 пользователей

в «ВКонтакте» различных половозрастных категорий, проживающих на территории Астраханской области). Важно отметить, что все отобранные фотоснимки находятся в открытом режиме и доступны онлайн-окружению той или иной социальной сети.

Количество отобранных фотографий за последние полгода определялись популярностью той или иной сети. Поскольку при анализе фотографий необходимо учитывать не только внутренние особенности самого изображения, но и специфику социокультурного контекста визуальной коммуникации, были определены следующие категории: хобби (развлечения), семья, друзья, предметы престижа (телефоны, машины, цветы), уличные, отдых (или отпуск), self, еда, животные, интерьер и другое.

Результаты исследования. Повседневность современного молодого человека невозможно представить без телефона, видеокамеры, фотокамеры, которые фиксируют его жизненное пространство, пристрастия, достижения, увлечения, иными словами, фотография сопровождает человека каждый день. Ни один праздник не обходится без фотографий, ни одно путешествие, ни одно более или менее значимое в жизни событие. Достаточно часто можно встретить человека, который фотографирует животных, друзей и даже еду. Для абсолютного большинства пользователей фотографии являются бесценными нематериальными артефактами, свидетельствами истории личной жизни, размещенной в интернет-пространстве и доступной онлайн-окружению.

Поскольку пользователи социальных сетей достаточно активно делятся приватной и публичной информацией, то интересно было выделить предпочтения типу и виду фотографирования и образам, запечатленным на снимках. В ходе анализа фотоконтента пользователей сетей выяснилось, что лидирующую позицию среди категорий фотографий пользователей обеих сетей занимают снимки, сделанные в режиме self (их доля среди всей совокупности фотографий в Instagram составила 23,7%, в «ВКонтакте» – 34,4%). Эти предпочтения определяются тем, что данный вид фотографирования достаточно прост, он не требует посредника и отражает авторское «себявидение».

Говоря о гендерных различиях, можно сделать вывод о том, что женщины делают self чаще мужчин, что доказывают результаты исследования: за последние полгода в социальной сети Instagram женщины выставили на 50% больше self, чем мужчины, в «ВКонтакте» женских «себяшек» – 74,3%.

Далее по частоте размещения фотографий в социальной сети Instagram – фотографии, сделанные в кругу семьи (14%). По мнению П. Бурдье, «фотографическая практика существует и поддерживается в большую часть времени благодаря ее семейной функции или скорее функциям, дарованными ей семейной группой – празднованию и увековечиванию высших точек семейной жизни, укреплению семейной группы» [1].

Таким образом, можно сказать, что фотография запечатлевает самые важные моменты в жизни человека и «семейной группы», такие как обряды инициации, рождение, взросление, поступление в школу, вступление во взрослую жизнь, свадьба и т.д. Однако сегодня человек имеет возможность фотографировать гораздо чаще и больше, чем в прошлом. Если раньше фотография использовалась для фиксации значимых событий, то сегодня она выступает, в основном, как средство самовыражения. Вследствие чего палитра фотографируемого также дополняется новыми красками: к значимым событиям жизни прибавляются и события менее значимые, мимолетные. Женщины выставляют фотографии, сделанные в кругу

семьи, в социальную сеть Instagram чаще мужчин – на 70,8%. Очевидным лидером сети «ВКонтакте» среди пользователей по гендерному признаку, выложивших большее число фотографий в кругу семьи, являются женщины, чье количество (96,3%) превышает в 26 раз выставляющих такие фотографии мужчин. Нельзя однозначно сказать, что семья для женщин важнее, чем для мужчин, скорее всего женщины традиционно проводят больше времени со своей семьей.

Коммуникация фотографий – это обмен визуальной информацией с другими людьми о событиях, фактах, о том, чем они заняты в данный момент, можно сказать, что селфи стали новой формой общения, фотографии развивают возможности социального диалога, выступая в качестве своего рода приглашения к дискуссии [2]. Фотография выступает своеобразным нарративом и может служить некой заменой текста, вместо описания своей активности с помощью текста человек может сделать фотографию и отправить ее в сообщество единомышленников. Поэтому так популярны фотографии (12,6%) в Instagram, сделанные во время отдыха (отпуска), на фоне моря или каких-либо достопримечательностей. Поездка пользователя в другую страну дает ему возможность подтвердить посредством фотографий то, что он действительно был в этом месте, путем фиксации узнаваемых образов на снимках для того, чтобы потом ими можно было поделиться. В центре таких фотографий, как правило, располагается сам пользователь на фоне символического (значимого) объекта либо узнаваемая достопримечательность, указывающая на пребывание в данном месте. По-прежнему большее количество фотографий, сделанных во время отдыха, принадлежит именно женскому полу (72,5%).

Когда Интернет только начинал проникать в нашу повседневную жизнь, контент создавался самим владельцем сайтов. Тогда как в начале XXI в. пользователи имеют возможность быть не только потребителями контента, но и его создателями. Это трансформация стала возможной благодаря переходу «к использованию цифровых камер и активному развитию нового подхода к организации интернет-контента Web 2.0, в результате чего основной функцией любительской фотографии становится самопрезентация, направленная на создание образа творчества» [3]. Тем самым фотоснимки становятся привлекательным способом презентовать себя, повествовать о своей жизни, своих приключениях и увлечениях.

Замыкает тройку лидеров наиболее популярных категорий – хобби. На 11,5% снимков изображены пользователи сети Instagram во время занятия любимым делом (хобби): в спортивном зале, танцевальном кружке, рисованием, пением. Мужчины чаще делятся своими развлечениями (54,7%). Пользователи социальной сети «ВКонтакте» также не упускают возможности показать подписчикам свои развлечения. Число фотографий, относящихся к данной категории, по гендерному признаку разделилось почти поровну: 46% и 54%. Возможно, это связано с желанием показать, что у мужчин помимо работы тоже есть досуг, насколько он разноплановый и интересный человек, обладающий уникальными способностями.

Количество так называемых «уличных» фотографий в Instagram составляет 7,4%. Эту группу объединяют «повседневные» снимки, на которых изображен пользователь на фоне городского ландшафта: в скверах и парках, на улицах и площадях, во дворах и на стадионах, их можно охарактеризовать как спонтанные и неформальные. Почти в 8,5 раза число «уличных» фотографий в Instagram у женщин (89,4%) превышает число фотографий у мужчин. Наличие телефона со встроенной камерой дает возможность

пользователю в любой ситуации и в любой момент расширить свою фотографическую практику: запечатлеть интересный сюжет и поделиться им в онлайн-пространстве.

Одной из важных функций фотографии является функция отражения социальной идентичности. «Ни один человек не застрахован от влияния других людей и социальных групп, которые встречаются ему на пути...». Анри Тэшфел утверждает, что во многих ситуациях человек выступает не как индивидуум, а как член группы, с которой он себя отождествляет [4]. Пользователь, фиксируя на снимке те или иные аксессуары, вещи, предметы, соответствующие определенной социальной группе, хочет, чтобы его окружение соотносило его с желаемой социальной группой.

Каждый десятый пользователей Instagram делится фотографиями в компании друзей/знакомых. На таких фотографиях пользователи сетей стремятся показать свою дружбу, фотографии запечатлевают поход куда-либо (кино, прогулка, музей), документируют совместное времяпровождение с близким окружением. Чаще на фотографиях с друзьями оказываются мужчины (58,9%), можно предположить, что свободное время мужчины тратят на общение с друзьями. Фотографии друзей в «ВКонтакте» встречаются чаще, чем в Instagram. Однако в «ВКонтакте» именно женщины выставляют больше фотографий в компании близких (58,9%).

Отдельной группой выступают фотографии с изображением предметов престижа – 6,8%. Среди них можно встретить машины, телефоны, дорогостоящую одежду и аксессуары, огромные букеты цветов и большие игрушки. Делятся такими фотографиями в Instagram чаще всего женщины. Предметы престижа в «ВКонтакте» также чаще показывают своим подписчиками представительницы женского пола (85,8%). Можно предположить, что это связано с желанием женщин показать материальный достаток или вызвать некую зависть у своих подписчиц.

К данной группе можно отнести категорию «интерьер» (5,7%), в исследовании к ней отнесены фотографии окружающей обстановки, на которых изображений самих пользователей не было: какое-либо заведение, картины, фотографии дома и т.п. Возможно, женщины чаще обращают внимание на внешние окружающие детали, поэтому они чаще (86,2%) делятся именно такими фотографиями, чем мужчины.

Не забывают пользователи сети и своих домашних любимцев (2,7%). Почти в равной мере фотографии животных выставляют в Instagram мужчины и женщины (41,2% и 58,8%). А вот в «ВКонтакте» домашних любимцев – животных – чаще можно встретить на фотографиях у мужчин. Так, в исследовании среди 50 пользователей фотографии животных были найдены только у мужчин. Эти фотографии открывают в человеке новые черты, показывают новые грани личности.

Интересен тот факт, что в социальной сети «ВКонтакте» еда становилась объектом для фотографии исключительно у мужчин.

Научный центр социально-экономического мониторинга в 2012 г. под руководством С.Г. Ушкина провел социологический анализ визуальных образов пользователей социальной сети «ВКонтакте». Исследование показало, что «публичное пространство используется в том случае, когда необходимо максимально изолировать себя от других людей. Интимная зона используется реже других, поскольку она имеет сакральное значение, потому что воспринимается человеком как личная собственность. В эту зону могут входить только самые близкие – супруги, родители, любовники, дети, близкие друзья, родственники, домашние животные» [5].

Несмотря на то, что анализ фотографий – процесс достаточно гибкий, в котором нет раз и навсегда заведенных правил, в данном исследовании анализ шел от отдельных деталей изображенных элементов к интерпретации их внутренней смысловой нагрузки в условиях заданного контекста. Что позволило определить следующее:

– визуальная коммуникация является неотъемлемой частью жизни современного молодого человека;

– стремительно стирается демаркационная линия «приватное / публичное»;

– гендерные особенности просматриваются только в определенных категориях фотографий: в таких как здоровый образ жизни (фитнес, хобби и т.п.), друзья – превалируют мужчины; в категориях отдых, семья, еда – лидируют женщины.

Для повышения валидности и надежности результатов эмпирического исследования был применен метод триангуляции – комбинирование количественных методов (контент-анализ и опрос в форме анкетирования студентов Астраханского государственного университета, n=110 чел., возраст респондентов – 17-26 лет).

В ходе данного анкетирования выяснилось, как часто студенты делают фотографии; любят ли они больше фотографировать и что именно или быть сами объектом фотографии; знакомы ли они с понятием «self» и если да, то как часто они делают его и с какой целью. Было интересно узнать, что изображено на главной фотографии их страниц в социальных сетях; считают ли они фотографию способом самопрезентации в социальных сетях. А также выявить мнение о том, что при онлайн-знакомстве сначала студенты внимательно рассматривают фотографии человека, и если у пользователя на «страничке» мало фотографий, то это значит, что он стесняется или не умеет фотографироваться, фотографию же в социальных сетях используют для того, чтобы показать свой статус окружающим; и о том, что у одних достаточно красивые фотографии, а другие считают себя нефотогеничными.

В исследовании было важно понять, какую роль больше предпочитают студенты: роль модели (фотографироваться сами) или же фотографа (фотографировать). Большинство опрошенных (62,7%) любят больше фотографировать. В их объектив чаще всего попадает пейзаж – так ответило большинство респондентов (32%) на вопрос о том, что чаще всего студенты фотографируют. Можно предположить, что именно эти люди больше всего времени проводят на улице, гуляют и любуются видами природы. Чуть меньший процент ответивших (23,3%), по моему мнению, дружелюбные и общительные студенты, ведь больше всего они любят фотографировать друзей. Меньше всего среди участников опроса было автолюбителей. Всего 2,7% респондентов ответили, что любят фотографировать машины.

Данные исследования показали, что лишь 13,6% опрошенных делают фотографии каждый день, тогда как 27,3% делают их крайне редко. Однако наибольший процент опрошенных (38,2%) делают фотографии достаточно часто (несколько раз в неделю).

Сегодня понятие «self» знакомо каждому, что подтверждают результаты опроса: все 100% студентов, участвующих в исследовании, знают, что такое self. Но как часто они пользуются этим видом фотографирования? Ответы респондентов разделились: 39,1% респондентов делают self крайне редко (один-два раза в месяц), значит ли это то, что эти люди не принимают самолюбование или вовсе не видят смысла в этом; 30,9% студентов ответили, что делают self достаточно часто (несколько раз в неделю). Можно предположить, что чаще всего self делает именно более молодое поколение

– подростки, и скорее всего это связано с тем, что молодые студенты имеют больше свободного времени, нежели те, кто старше. Данный вывод подтверждают результаты исследования, которые показали, что 50% опрошенных, которые делают self очень часто (каждый день), – это студенты 18 лет; несколько раз в неделю делают self 41,2% опрошенных – студенты 19 лет; один раз в неделю – 25,9% – студенты 20 лет, также некоторые 20-летние студенты (25,6%) делают self крайне редко.

Бытует мнение о том, что self – это один из примеров самолюбования. Четверть студентов (25%) делают self, когда очень себе нравятся. Каждый пятый из опрошенных (20%) делают так называемые «себяшки» только с теми людьми, чьи фото хотят оставить на память, это опять же говорит о том, что среди респондентов достаточно общительных студентов. Ответы некоторых студентов разделилась: одни делают self с акцентом на интересную обстановку вокруг них, другие хотят запечатлеть вдохновляющие моменты. Среди респондентов оказалось мало студентов, увлекающихся спортом, которые делают self для того, чтобы подписчики оценили их спортивный интерес (0,9%).

Социальные сети сегодня являются основной платформой виртуального общения. Все 100% участников опроса зарегистрированы в какой-либо социальной сети. Не секрет, что знакомства в Интернете сегодня превышают количество знакомств в реальном мире. И первое, на что следует обращать внимание при общении, как в реальном мире, так и в виртуальном – это внешний образ человека. Не все пользователи социальных сетей остаются откровенными и честными перед своей аудиторией и в качестве главной фотографии своей страницы (аватара) используют не личные фотографии, а иногда и вовсе картинки. Среди опрошенных 15,5% студентов относятся к последней категории людей, однако подавляющее большинство (84,5%) в качестве аватара используют все же свои личные фотографии. По результатам опроса выявлена закономерность: чем старше курс, тем больше вероятность увидеть на аватаре в социальной сети личную фотографию, соответственно, чем ниже, тем чаще встречаются картинки из Интернета.

Большинство студентов (84,5%) считают, что фотография является способом самопрезентации в социальных сетях, это говорит о том, что студенты придают большое значение фотографии как способу самовыражения, что подтверждает основной и важный аспект исследования.

Сегодня знакомства в социальных сетях все больше набирают популярность. При общении друг с другом обращают внимание на внешность человека, визуальные черты. Фотографии в социальных сетях являются неким портретом личности. Выставляя ту или иную фотографию в Интернет, человек показывает себя с определенной стороны, вкладывая в фотографию определенный смысл. Большинство опрошенных студентов (90%) при знакомстве в социальной сети сначала внимательно рассматривают фотографии человека, а затем решают, начинать ли общение с ним. Однако 6,3% опрошенных считают, что внешность – это не так важно, и изображение на фотографии, размещенной в социальных сетях, не имеет глобального значения.

Говоря о значимости фотографий в социальных сетях, следует обратить внимание на их количество. Важно понимать, студенты используют социальные сети для различных целей: общения, работы, учебной деятельности, знакомств. Действительно ли наличие небольшого количества фотографий в социальной сети говорит о том, что человек стеснительный или вовсе не умеет фотографироваться. Мнения разделились: 39,1% опрошенных согласны с этим высказыванием,

а 56,4% все же считают, что количество фотографий в социальной сети никак не может говорить о качествах личности, его стеснительности или неумении позировать.

Современные молодые люди свое представление о социальном статусе, прежде всего, связывают с изменениями социальных ролей, обретением имущества, наличием предметов престижа. Сегодня желанием показать все, что имеется, обладают многие студенты. Было интересно узнать мнения студентов о том, используют ли они фотографию в социальных сетях с целью показать свой социальный статус окружающим. Мнения респондентов разделились поровну: 42,8% опрошенных согласны с этим утверждением, однако 46,3% – нет.

Большинство студентов (50,9%) считают, что у них достаточно красивые фотографии в социальных сетях. 29,1% ответивших считают себя нефотогеничными людьми, у которых мало фотографий в социальных сетях. Стереотип о том, что женщины более щепетильны в вопросе о своей внешности, не подтвердился, гендерные особенности не выявлены: 51,6% женщин и 47,3% мужчин считают, что у них достаточно красивые фотографии, размещенные в социальных сетях.

Таким образом, результаты исследования помогли выяснить и ответить на главный вопрос: студенты считают, что фотография является способом самопрезентации в социальных сетях. Молодые люди предпочитают больше фотографироваться, чем фотографировать, и делают это достаточно часто (несколько раз в неделю). Среди снимков студентов чаще всего встречаются фотографии пейзажа и друзей. У большинства опрошенных на главных фотографиях (аватарах) в социальных сетях выставлены их личные фотографии. При знакомстве в социальной сети большинство респондентов сначала внимательно рассматривают фотографии человека, однако количество этих фотографий не говорит о качествах личности. Мнения студентов о том, что фотографию в социальных сетях используют с целью показать свой социальный статус окружающим, разделились поровну.

Вместе с тем современные социологи отмечают, что «цифровая среда сформировала принципиально новые условия социальной идентификации, самовыражения и стиля жизни молодежи, имеющие двойственный характер. С одной стороны, она принципиально изменила соотношение приватной и публичной сфер жизни человека, что, в свою очередь, привело к формированию новых путей идентификации личности: наблюдается возрастающая степень индивидуализации, концентрации молодого человека на собственном стиле жизни. С другой стороны, общаясь в виртуальной реальности, молодежь получила возможность формировать в частной сфере свой индивидуальный стиль, который во многом предопределен вкусами и стилями извне» [6].

Социальные сети предоставляют большие возможности для самопрезентации и самоидентификации, но они достаточно ограничены и стандартизованы, поэтому самоопределение пользователя максимально доступно и зависит от степени креативности личности. Вместе с тем технические средства социальных сетей создают определенные рамки в виде готового клише – анкеты с формализованными вариантами ответов для заполнения предлагаемых полей личной страницы – с помощью которого и осуществляется самопрезентация пользователя.

Подобно тому, как в реальной жизни облик собеседника зачастую определяет наше первое впечатление о нем, фотографии в социальной сети зачастую сообщают о владельце страницы больше, чем сопровождающий их текст.

Таким образом, интернет-пространство прочно вошло в наши повседневные практики, и молодому

человеку оно жизненно необходимо, поскольку открывает пользователю широкие возможности для коммуникации и взаимодействия в оффлайн-онлайн-пространстве как с близкими, так и с незнакомыми людьми. При этом самопрезентация должна быть понята и принята целевой аудиторией, это неким образом посыл к идентификации, маркер – «я свой», и молодые люди выбирают различные стратегии для самопрезентации, с помощью которых создается тот или иной образ.

Примечания:

1. Круткин В.Л. Пьер Бурдье: фотография как средство и индекс социальной интеграции. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pier-burdie-fotografiya-kak-sredstvo-i-indeks-sotsialnoy-integratsii (дата обращения: 15.05.2019).

2. Лучко А. Наука селфи: в чем секрет их популярности? URL: http:// www.lookatme.ru/mag/live/interweb/202555-selfie (дата обращения: 17.05.2019).

3. Ерофеева М.А., Федоров А.А. Производство и потребление изображений в цифровую эпоху. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvo-i-potreblenie-izobrazheniy-v-tsifrovuyu-epohu (дата обращения: 18.05.2019).

4. Киреева И. Социальное влияние: теория социальной идентичности в веб-дизайне. URL: https://blog.sibirix.ru/2014/09/11/social-identity/ (дата обращения: 15.05.2019).

5. Ушкин С.Г. Визуальные образы пользователей социальной сети «ВКонтакте». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-obrazy-polzovateley-sotsialnoy-seti-vkontakte (дата обращения: 10.05.2019).

6. Максимова О.А., Шандрик Е.О. Социальные сети как пространство самоидентификации молодежи. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-prostranstvo-samoidentifikatsii-molodezhi (дата обращения: 20.05.2019).

References:

1. Krutkin V.L. Pierre Bourdieu: Photography as a means and index of social integration. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pier-burdie-fotografiya-kak-sredstvo-i-indeks-sotsialnoy-integratsii (access date: 15.05.2019).

2. Luchko A. Science of selfie: what is the secret of their popularity? URL: http: // www.lookatme.ru/mag/live/interweb/202555-selfie (access date: 17.05.2019).

3. Erofeeva M.A., Fyodorov A.A. Production and consumption of images in the digital age. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvo-i-potreblenie-izobrazheniy-v-tsifrovuyu-epohu (access date: 18.05.2019).

4. Social influence: theory of social identity in web design / I. Kireeva. URL: https://blog.sibirix.ru/2014/09/11/social-identity/ (access date: 15.05.2019).

5. Ushkin S.G. Visual images of users of the social network “Vkontakte”. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-obrazy-polzovateley-sotsialnoy-seti-vkontakte (access date: 10.05.2019).

6. Maksimova O.A., Shandrik E.O. Social networks as a space for youth self-identification. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-prostranstvo-samoidentifikatsii-molodezhi (access date: 20.05.2019).

УДК 316.628:614
ББК 60.561.6
В 99

Н.А. Вялых,
кандидат социологических наук, доцент, докторант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79518467937, e-mail: sociology4.1@yandex.ru

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ[1]

(Рецензирована)

Аннотация. В Указе Президента РФ «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» наряду с позитивными показателями динамики здравоохранения очерчены значимые вызовы национальной безопасности в сфере общественного здоровья, среди которых особое место занимают неудовлетворенность населения доступностью и качеством медицинской помощи, замещение бесплатных медицинских услуг платными. Вдобавок, в контексте пенсионной реформы и проблемы старения общества актуализируется необходимость активации социальных резервов человеческого капитала и обеспечения условий активного долголетия населения России. Стихийно формирующиеся практики медицинской активности населения на сегодняшний момент едва ли можно назвать позитивными, т.е. способствующими положительной динамике здоровья отдельного человека, большинства социальных групп и социума в целом. Потребность в социологическом разрешении существующих разногласий в понимании социальной коннотированности медицинской активности, ее факторов и моделей в условиях трансформации института здравоохранения отражает научную значимость предметной области представленной статьи. В статье рассматриваются основные направления научных исследований социального поведения в сфере здравоохранения на Юге России. Здравоохранительное поведение определяется, прежде всего, как результат интерпретации людьми социальной ситуации проблем со здоровьем и «приписывания» своему статусу здоровья ценностей и смыслов в социокультурном контексте системы здравоохранения. Актуальность статьи продиктована необходимостью определения теоретического и прикладного бэкграунда социальных исследований в сфере здравоохранения для лучшего понимания ключевых задач и миссии социологии в решении проблем здравоохранения на Юге России. Несмотря на зарождение региональных точек роста в исследовании социальных проблем здравоохранения и активное включение опытных и молодых ученых в этот процесс, о научной школе социологии здравоохранения на Юге России говорить пока преждевременно. Вместе с тем, при условии кооперации представителей различных наук Юга России, можно прогнозировать в обозримом будущем институционализацию научной школы, специализирующейся на междисциплинарном изучении социальных процессов и моделей поведения в сфере здравоохранения в южном макрорегионе.

[1] Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ МК-4089.2018.6 «Социальная сущность и механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в российском обществе» (Соглашение № 075-15-2019-1051).

Ключевые слова: здравоохранение, модели поведения, медицинская помощь, потребление медицинской помощи, Юг России, доступность медицинской помощи, трансформация института здравоохранения, социальная структура общества.

N.A. Vyalykh,
Candidate of Sociology, Associate Professor, Doctoral Candidate, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph: +79518467937, e-mail: sociology4.1@yandex.ru

SOCIAL BEHAVIOR PATTERNS IN HEALTH CARE AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCHES IN THE SOUTH OF RUSSIA

Abstract. The Edict of the President of the Russian Federation "On the Strategy for the Development of Health Care in the Russian Federation until 2025" outlines significant challenges to national security in the field of public health along with positive indicators of the health care dynamics. These challenges include the dissatisfaction of the population with the availability and quality of health care, the substitution of free health care by paid services etc. Moreover, the need to activate social reserves of human capital and to ensure the conditions for active longevity of the Russians becomes actual in terms of the pension reform and the problem of aging of the society. The spontaneously formed existing practices of medical activity of the population can hardly be called positive, i.e. contributing to the positive dynamics of the health status of an individual, the members of most social groups and the society as a whole. The scientific significance of the subject area of the article is determined by the need to overcome the existing differences in understanding the social connotation of medical activity, its factors and models in terms of the transformation of the healthcare institution. In the article, the author discusses the main directions of scientific research of social behavior in health care in the South of Russia. The health protection behaviour is seen primarily as the result of people's interpretation of the social situation of health problems and "attributing" to it the values and meanings in a socio-cultural context of health care system. The relevance of the article is due to the need to determine theoretical and applied background of social research in health care in order to understand the key tasks and mission of sociology in solving the health care problems in the South of Russia. It is too early to define the scientific school of health sociology in the South of Russia despite generation of regional growth points in the research of social problems in health care and that the experienced and young scientists are involved in this process. At the same time, if the representatives of various sciences of the South of Russia cooperate, it will cause the institutionalization of a scientific school specializing in the interdisciplinary research of social processes and social behavior patterns in health care in the southern macroregion.

Keywords: Public health service, behavior patterns, health care, health care consumption, South of Russia, availability of health care, transformation of healthcare institute, social structure of society.

Опыт социальной диагностики проблем, существующих в системе российского здравоохранения, показывает, что лишь незначительная доля предложений и рекомендаций внедряется лицами, принимающими управленческие решения. Однако это не означает, что социологические исследования, в том числе теоретико-методологического плана, в области здравоохранения бесперспективны и лишены смысла. Руководители системы здравоохранения должны располагать вариантами решения различных проблем и понимать, как эксперты оценивают эти

варианты. Изучение моделей потребления медицинской помощи социологическими методами должно способствовать повышению научной обоснованности управленческих решений в региональных системах здравоохранения, что нельзя не признать необходимым шагом в условиях хронического дефицита финансовых ресурсов. Особого внимания в данном контексте заслуживает Юг России как один из самых конфликтогенных макрорегионов, поскольку любые несправедливые социальные неравенства, по крайней мере, воспринимаемые населением как несправедливые, могут послужить импульсом к эскалации тлеющих социальных конфликтов и социальной напряженности. Чем выше будет социальное благополучие на Юге России, тем менее острыми будут противоречия и в других сферах общественной жизни, и как следствие – ниже уровень деструктивного для регионального социума потенциала протестной активности.

Весомый вклад в изучение социальных проблем здоровья и здравоохранения внесли научные труды представителей ростовской региональной социологической школы. Традиционными объектами социологических исследований ростовских ученых выступают: здоровье российской студенческой молодежи в контексте национальной безопасности, ценностная и социальная обусловленность самосохранительного поведения молодых людей, социально-правовые аспекты существования рынка отдельных видов медицинских (и смежных с ними) услуг [1].

Ростовскими социологами всесторонне исследованы социальные представления о здоровье, здоровьесбережении и здоровом образе жизни студенческой молодежи. В этом направлении особо хочется выделить научные труды В.И. Филоненко, М.А. Никулиной, Э.В. Патракова [2, 3]. Результаты эмпирических исследований последних десяти лет позволили авторам выявить противоречивую динамику самосохранительного поведения молодежи: с одной стороны, студенты обладают базовыми навыками и знаниями в сфере здоровьесбережения, признают необходимость и важность соблюдения здорового образа жизни, с другой стороны, демонстрируют преимущественно пассивные практики сохранения и укрепления здоровья, связанные в основном с представлениями о здоровье как физическом благополучии.

По справедливому мнению А.В. Верещагиной, Н.Х. Гафиатулиной, С.И. Самыгина, ценность индивидуального здоровья в нынешних социально-экономических условиях возрастает, но только в качестве инструментальной ценности, т.е. как средство достижения различного рода жизненных благ: престижной работы, полезных связей, материального благополучия и пр. [4].

При анализе поведения в сфере здравоохранения важно учитывать многофакторную модель детерминированности здоровья, складывающуюся, согласно Н.Х. Гафиатулиной, из тесно взаимосвязанных и взаимообусловленных институциональных, системных (внешних) и рефлексивных (внутренних) факторов [5]. Особого внимания заслуживают дети и молодежь как культурный, трудовой и популяционный потенциал развития российского общества. С.И. Самыгин, П.С. Самыгин, М.Ю. Попов справедливо утверждают, что улучшение показателей здоровья современной российской молодежи, ее приобщение к здоровому и спортивному образу жизни требует решения целого комплекса задач, направленных на «модернизацию системы здравоохранения, усовершенствование школьного и студенческого физического воспитания, повышение физкультурной и спортивной грамотности населения, борьбу с получившими широкое распространение в молодежной среде вредными привычками» [6].

По мнению Л.В. Сажиной и И.В. Шараурова, исследование детерминант здоровья и жизни, а также взаимодействий по поводу здоровья в социуме, «не может быть ограничено сферой и интересами здравоохранения. Медицина не может самостоятельно, без комплексного подхода, осуществить необходимое теоретико-прикладное исследование здоровья, превентивного поведения, трудового долголетия, а также предложить ряд мер для оптимизации воздействия на обозначенную область» [6; 323]. Схожей позиции придерживается М.А. Никулина, подчеркивающая, что «существующие сегодня стереотипы ценностей медицинской профессии, основанные на монопольном положении клинических парадигм, должны энергично дополняться социальными и этико-аксиологическими компонентами...» [7; 138].

Несмотря на широкое освещение в зарубежных и российских изданиях научных вопросов социологии медицины и социологии здоровья, социальные модели поведения в сфере здравоохранения на Юге России еще не стали предметом специальных социологических исследований. Сложившаяся методологическая ситуация актуализирует необходимость критического анализа практики воспроизводства данных моделей и их детерминации ментальными программами, а также возможность теоретического моделирования трансформации этих моделей в условиях турбулентности социально-экономической и политической ситуации в южном макрорегионе. Первый шаг в этом направлении сделал коллектив Южного федерального университета, проведя в рамках реализации гранта Российского научного фонда «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе» масштабное социологическое исследование методом личного анкетирования в шести субъектах Юга России (Ростовской области, Краснодарском крае, Ставропольском крае, Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской республике, Республике Крым). Исследование было направлено на реконструкцию содержания ментальных программ социального поведения на Юге России и выявление его модальных моделей в экономической, правовой, политической и социальной (образование и здравоохранение) сферах жизнедеятельности людей, которые могут быть определены как либерально-ориентированные, консервативно-ориентированные, гибридные (либерально-государственнические, государственнически-либеральные) модели [8].

Сосуществование различных моделей объясняется сложностями перехода в России от бюджетной системы здравоохранения к бюджетно-страховой, которые обусловлены не только дефицитом финансовых ресурсов в фондах обязательного медицинского страхования и медицинских организациях, бюрократизацией системы управления здравоохранением в российском обществе, но и спецификой ментальных программ потребителей медицинской помощи, не особенно восприимчивых к рыночным инновациям в этой сфере. По результатам социологического обследования, большинство жителей Юга России в настоящее время придерживаются государственнически-либеральной модели социального поведения в сфере здравоохранения, как и в социальной сфере в целом. В ментальной программе этой модели отнюдь не отвергается идея платной медицины. Напротив, люди осознают, что именно они являются главными «агентами здоровья», и постепенно привыкают к новым правилам игры в здравоохранении. Однако для этой модели поведения характерна некоторая амбивалентность общественного сознания: с одной стороны, наблюдается стремление иметь достаточно ресурсов, чтобы получить необходимую медицинскую помощь «здесь и сейчас», с другой – отторжение законов

рыночной экономики здравоохранения и соответствующих установок, а также склонность перекладывать ответственность за личное здоровье на других агентов. Нельзя не отметить тот факт, что население Юга России, как и России в целом, демонстрирует низкий уровень позитивной медицинской активности. Примерно 15-25% жителей Юга России придерживаются либеральной модели поведения в сфере здравоохранения. Эти данные подтверждаются поддержкой идеи смешанной («платно-бесплатной») медицинской помощи, довольно внушительным объемом прямых расходов населения на медицинскую помощь, а также частотой обращений в платные медицинские центры и коммерческие врачебные кабинеты в случае заболевания. Однако в чистом виде о наличии либеральной модели поведения в сфере здравоохранения говорить нельзя, поэтому корректнее назвать ее гибридной либерально-государственнической [9].

Особое внимание исследователей-гуманитариев Юга России в настоящее время приковано к Республике Крым, претерпевающей в течение пяти лет ряд объективных особенностей трансформации института здравоохранения. Процесс перехода системы здравоохранения Республики Крым на новую модель носит системный характер, рассчитан на долгосрочную перспективу и сопряжен с изменениями в социальной сфере. Позитивные эффекты, равно как и издержки трансформации здравоохранения полуострова, анализируются в научных трудах А.Ф. Абибулаева [10], А.А. Бобошко [11], О.С. Третьяковой [2].

Следует отметить, что для каждого субъекта Юга России свойственен определенный исследовательский фокус, обусловленный логикой развития конкретного региона и потребностями социально-территориальной общности. К примеру, ученые из Республики Адыгеи активно решают научные вопросы, связанные с проблемами и возможностями информатизации регионального здравоохранения в условиях преобразования социально-экономической структуры территориального социума [12]. К важному выводу о необходимости интенсивной инфосоциализации всех акторов здравоохранения Республики Адыгеи пришла Е.В. Шишкина [13], ибо переход к новому типу коммуникации в пространстве здравоохранения вызывает неоднозначную реакцию населения (особенно это касается представителей старших возрастных когорт).

В плане приращения научных знаний о методологии и методике проведения медико-социологических исследований большую роль играют труды представителей волгоградской научной школы социологии медицины (Н.Н. Седова, М.Е. Волчанский, Т.К. Фомина) [14, 15]. Однако следует учитывать, что в российской социологии медицины модели поведения в сфере здравоохранения исследуются преимущественно в контексте нозологической проблематики, вопросов социальной гигиены и общественного здоровья, медико-социальной экспертизы и медико-социальной реабилитации. В рамках же социологической специальности «Социальная структура, социальные институты и процессы» изучаются главным образом факторы социального неравенства в доступе к медицинской помощи, роль здравоохранения как социального института в трансформации социальной структуры общества, проблемы адаптации различных групп к социальным изменениям в сфере здравоохранения.

Проанализировав широкий спектр научных публикаций, мы приходим к выводу о том, что интерес научного сообщества к социальным проблемам медицины и здравоохранения на Юге России увеличивается, ученые проводят как инициативные социологические исследования, так и исследования

с грантовой поддержкой в этой области. Значимым событием стало открытие специализированного научного издания «Национальное здоровье» в г. Краснодаре, достаточно быстро получившего статус рецензируемого научного журнала, рекомендованного ВАК Минобрнауки. В этом журнале концентрируются труды по философским, психологическим и медицинским аспектам функционирования здравоохранения в южнороссийском макрорегионе. С каждым годом на Юге России растет число диссертаций по философским и социологическим наукам, в которых содержатся значимые для развития российской и региональных систем здравоохранения практические выводы и теоретико-методологические положения. Так, за последние девять лет только в диссертационных советах при Южном федеральном университете и Краснодарском университете МВД России было защищено более пятнадцати диссертаций по здравоохранительной тематике и научным проблемам общественного здоровья. Особенно хочется отметить работы Н.А. Вялых [16], К.А. Богма [17], Т.В. Чуприной [18], И.Б. Олехнович [19], Е.В. Александровой [20], К.Х. Демир [21], Е.А. Логачевой [22], Ю.Г. Харченко [23].

Вместе с тем о научной школе социологии медицины, здоровья и здравоохранения на Юге России в целом (если не брать в расчет богатый опыт волгоградской школы социологии медицины) говорить пока преждевременно. Скорее в данный момент наблюдается зарождение региональных точек роста в исследовании здравоохранения, накопление научно-исследовательского потенциала, включение опытных и молодых ученых в этот процесс. Учитывая позитивные предпосылки, при условии кооперации представителей различных наук Юга России и поддержке медико-социальных исследований грантовыми фондами, можно прогнозировать в обозримом будущем институционализацию научной школы, специализирующейся на междисциплинарном изучении социальных процессов и моделей поведения в сфере здравоохранения на Юге России и его отдельных регионах.

Примечания:

1. Актуальные социально-правовые аспекты существования рынка психолого-психотерапевтических услуг / Б.Е. Олехнович, С.И. Самыгин, И.Б. Олехнович, Б.Б. Олехнович // Вестник Донского государственного технического университета. 2012. Т. 12, № 3 (64).

2. Третьякова О.С. Здравоохранение Крыма в оценках его участников // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. 2018. № 2. С. 74–76.

3. Представления о здоровье и здоровьесбережении у студенческой молодежи / В.И. Филоненко, М.А. Никулина, Э.В. Патраков, О.П. Ковтун // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 152-157.

4. Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Проблемы формирования здоровья российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности: социологический дискурс // Национальное здоровье. 2015. № 1. С. 58.

5. Гафиатулина Н.Х. Многофакторная модель детерминированности социального здоровья молодежи российского общества // Инженерный вестник Дона. 2014. № 3.

6. Сажина Л.В., Шарауров И.В. Детерминанты здоровья индивида: начало социологического анализа // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2.

7. Никулина М.А. Социоанализ методологических стратегий современной биоэтики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-2 (36).

8. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России / Н.А. Вялых, А.В. Лубский, Л.Ш. Крупеникова [и др.]. Москва; Ростов-н/Д, 2017. 452 с.

9. Беспалова А.А., Вялых Н.А. Социальные особенности потребления медицинской помощи на Юге России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. Вып. 4 (229). С. 94-102.

10. Абибулаев А.Ф. Исследование основных проблем в сфере здравоохранения республики Крым // Инструменты и механизмы современного инновационного развития: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Уфа, 2018. С. 27–28.

11. Бобошко А.А. Изменение социального статуса медицинского работника в процессе реформирования системы здравоохранения Крыма и Севастополя // Health and Education Millennium: The Journal of scientific articles. 2017. Vol. 19, No 12.

12. Обмачевская С.Н., Хутыз Б.И. Результаты и проблемы внедрения медицинских информационных технологий в разрезе социально-экономического развития региона // Новые технологии. 2017. № 2. С. 79-85.

13. Шишкина Е.В. Инфосоциализация пациентов в условиях информатизации здравоохранения (по материалам социологических исследований) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. Вып. 1 (113). С. 165-169.

14. Волчанский М.Е., Фомина Т.К. Основные направления современных исследований в медицинской конфликтологии // Социология медицины. 2012. № 2 (21).

15. Седова Н.Н. Проблематика, методология и практический смысл инициативных исследований в отечественной социологии медицины // Там же.

16. Вялых Н.А. Механизмы социальной дифференциации в сфере доступа к услугам здравоохранения: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2012.

17. Богма К.А. Социальные оценки эффективности управления процессом модернизации системы здравоохранения в России (на примере Ростовской области): дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2017.

18. Чуприна Т.В. Актуализация способностей человека с ограниченными возможностями в современном спорте: социально-информационные аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2016.

19. Олехнович И.Б. Зависимая личность в современном российском обществе: формирование, проявление, социальная адаптация: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2015.

20. Александрова Е.В. Адаптивная физическая культура и спорт как фактор профессионально-ориентированной социализации студентов-инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2014.

21. Демир К.Х. Организационные и управленческие ресурсы повышения рекреационного потенциала лечебно-оздоровительного туризма в России: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2014.

22. Логачева Е.А. Здоровый образ жизни студенческой молодежи среднего российского города: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2014.

23. Харченко Ю.Г. Управленческое поведение руководящего персонала в лечебно-профилактическом и научном учреждении здравоохранения регионального уровня: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2011.

References:

1. Olekhnovich B.E., Samygin S.I., Olekhnovich I.B., Olekhnovich B.B. Actual social and legal aspects of the existence of the market for psychological and

psychotherapeutic services // Bulletin of the Don State Technical University. 2012. Vol. 12. No. 3(64).

2. Tretyakova O.S. Crimean healthcare in assessments of its participants // ORGZDRAV: news, opinions and training. 2018. No. 2. P. 74–76.

3. Filonenko V.I., Nikulina M.A., Patrakov E.V., Kovtun O.P. Concepts of health and health saving among students // Sociological Studies. 2018. No. 7. P. 152-157.

4. Vereshchagina A.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. Problems of health formation of Russian youth in the context of national security ensuring: a sociological discourse // National Health. 2015. No. 1. P. 58.

5. Gafiatulina N.Kh. A multi-factor model of determinism of the social health of young people in the Russian society // Engineering Journal of Don. 2014. No. 3.

6. Sazhina L.V., Sharaurov I.V. Determinants of individual health: beginning of the sociological analysis // Humanitarian and Social Sciences. 2014. No. 2.

7. Nikulina M.A. Socioanalysis of the methodological strategies of modern bioethics // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Problems of theory and practice. 2013. No. 10-2 (36).

8. Vyalykh N.A., Lubsky A.V., Krupenikova L.Sh., Kolesnikova E.Yu., Serikov A.V., Voitenko V.P., Chernobrovkina N.I., Zaitseva A.A., Lubsky R.A., Bespalova A.A. Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia. M.: Social and humanitarian knowledge, 2017.

9. Bespalova A.A., Vyalykh N.A. Social features of the medical care consumption in the south of Russia // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 1: Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science and Cultural Studies. 2018. No. 4 (229). P. 94-102.

10. Abibulaev A.F. Study of the main problems in the health sector of the Republic of Crimea // Tools and mechanisms of modern innovative development: collection of articles based on the results of the International scientific-practical conference. 2018. P. 27-28.

11. Boboshko A.A. Change of the social status of a medical worker in the process of health system reform of the Crimea and Sevastopol // The Journal of scientific articles “Health and Education Millennium”. 2017. Vol. 19. No 12.

12. Obmachevskaya S.N., Khutyz B.I. Results and problems of implementation of medical information technologies in the context of socio-economic development of the region // New Technologies. 2017. No. 2. P. 79-85.

13. Shishkina E.V. Infosocialization of patients in conditions of healthcare informatization (based on sociological research) // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 1: Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science and Cultural Studies. 2013. No. 1 (113). P. 165-169.

14. Volchansky M.E., Fomina T.K. The main directions of modern research in medical conflictology // Sociology of Medicine. 2012. No. 2 (21).

15. Sedova N.N. Problems, methodology and practical meaning of initiative research in the domestic sociology of medicine // Sociology of Medicine. 2012. No. 2 (21).

16. Vyalykh N.A. Mechanisms of social differentiation in the field of access to healthcare services: Diss. for the Cand. of Sociology degree: 22.00.04. Rostov-on-Don, 2012.

17. Bogma K.A. Social assessments of the effectiveness of management of the process of modernization of the healthcare system in Russia (based on the Rostov region): Diss. for the Cand. of Sociology degree: 22.00.08. Rostov-on-Don, 2017.

18. Chuprina T.V. Actualization of the abilities of a person with disabilities in modern sport: socio-informational aspects: Diss. for the Cand. of Philosophy degree: 09.00.11. Rostov-on-Don, 2016.

19. Olekhnovich I.B. Dependent person in the modern Russian society: formation, manifestation and social adaptation: Diss. for the Cand. of Philosophy degree: 09.00.11. Rostov-on-Don, 2015.

20. Aleksandrova E.V. Adaptive physical culture and sport as a factor in professionally-oriented socialization of disabled students with disorders of the musculoskeletal system: Diss. for the Cand. of Sociology degree: 22.00.04. Rostov-on-Don, 2014.

21. Demir K.Kh. Organizational and management resources of increasing the recreational potential of medical tourism in Russia: Diss. for the Cand. of Sociology degree: 22.00.08. Rostov-on-Don, 2014.

22. Logacheva E.A. A healthy lifestyle of students of an average Russian city: Diss. for the Cand. of Sociology degree: 22.00.04. Rostov-on-Don, 2014.

23. Kharchenko Yu.G. Managerial behavior of managerial staff in the medical-prophylactic and scientific healthcare institution of the regional level: Diss. for the Cand. of Sociology degree: 22.00.08. Rostov-on-Don, 2011.

УДК 316.613:32
ББК 60.561.3
Ж 15

З.А. Жаде,
доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru

З.Х. Гучетль,
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, тел.: +79184266556, e-mail: zuchraguchetl@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС ИНТЕГРАЦИИ ПОЛИЭТНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ЮГА РОССИИ[1]

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируется потенциал политической идентичности в консолидации российской гражданской нации и интеграции полиэтничного пространства Юга России. Распад некоторых и формирование новых, часто конкурирующих идентичностей, не только этнического и религиозного, но и регионального содержания, а также перестройка сложившегося общественного порядка, наполняют политическую жизнь региона специфическим смыслом. Политическая идентичность как уровень социальной идентичности рассматривается в качестве интегративной и динамичной характеристики человека в политическом пространстве. Формирование и конструирование политической идентичности – это сложный процесс, в ходе которого индивид, социальная группа или государство могут стать субъектами политических отношений и взаимодействий. С одной стороны, ее конструирование во многом является результатом целенаправленной деятельности государства, политики идентичности, с другой стороны, опирается на определенные стихийно сформировавшиеся политические ценности, традиции и идеи.

По мнению авторов, выявление основных факторов, влияющих на динамику идентификационных процессов, сможет содействовать разработке механизмов и технологий укрепления российской идентичности и ее гармонизации с другими, часто конкурирующими, уровнями идентичности.

Авторы обращают внимание на то, что политическая идентичность и основанные на ней интеграционные процессы играют ключевую роль в консолидации региона, способствуют функционированию Юга России как полноценной региональной единицы.

В статье подчеркивается, что интеграция в полиэтничном южно-российском обществе – это многосоставной процесс, который охватывает, с одной стороны, географическое пространство, с другой стороны, различные сферы общественной жизни. Интеграционные процессы определяются логикой социально-экономического, политико-правового, социокультурного развития, которая стимулирует полиэтничные регионы Юга России к активному взаимодействию и сближению

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

с целью обеспечения региональной безопасности. Рассматривается бесспорное значение упрочения политической идентичности, главной целью которого является консолидация общества для интеграции полиэтничного региона. Делается вывод о том, что социокультурная и политическая интегрированность региона является важнейшим основанием стабильности на Юге России.

Ключевые слова: российская гражданская нация, политическая идентичность, политическая самоидентификация, политика идентичности, конструирование идентичности, интеграционные процессы, консолидация, Юг России.

Z.A. Zhade,
Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Theory and History of the State and Law and Political Science, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru

Z.H. Guchetl,
Candidate of Sociology, Leading Researcher of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe Republican Institute of Humane Researches named after T.M. Kerashev, Maikop, ph.: +79184266556, e-mail: zuchraguchetl@mail.ru

POLITICAL IDENTITY AS AN INTEGRATION RESOURCE OF THE MULTIETHNIC SPACE IN THE SOUTH OF RUSSIA

Abstract. The article analyzes the potential of political identity in the consolidation of the Russian civil nation and integration of the multiethnic space in the South of Russia. The disintegration of some and the formation of new, often competing identities, not only with ethnic and religious, but also with regional content, as well as the restructuring of the established social order fill the political life of the region with specific meaning. Political identity as a level of social identity is eplored as an integrative and dynamic characteristic of a person in a political space. The formation and design of a political identity is a complex process in which an individual, social group or state can become subjects of political relations and interactions. On the one hand, its design is largely the result of the purposeful activities of the State, and identity politics, and, on the other hand, it is based on certain spontaneously formed political values, traditions and ideas.

According to the authors, the identification of the main factors affecting the dynamics of identification processes will contribute to the development of mechanisms and technologies to strengthen Russian identity and its harmonization with other, often competing, levels of identity.

The authors draw attention to the fact that political identity and integration processes based on it play a key role in the consolidation of the region, and contribute to the functioning of the South of Russia as a complete regional unit.

The article emphasizes that integration in a multiethnic South Russian society is a full-fledged process that covers, on the one hand, geographical space, and, on the other hand, various spheres of social life. Integration processes are determined by the logic of socio-economic, political-legal, and sociocultural development, which encourages the multiethnic regions of the South of Russia to actively interact and converge in order to ensure regional security. The article shows the undisputed importance of strengthening political identity, the main purpose of which is to consolidate society for the integration of the multiethnic region. The authors arrive at a conclusion that the sociocultural and political integration of the region is the most important basis for stability in the South of Russia.

Keywords: Russian civic nation, political identity, political self-identification, identity politics, identity design, integration processes, consolidation, South of Russia.

В условиях геополитических угроз, реализации основных направлений внутренней и внешней политики повышается роль политической идентичности в сохранении суверенной государственности России. Противостояние современным вызовам и угрозам диктует необходимость обеспечения национальной интеграции на основе исторически сложившихся традиций и ценностей. В ситуации активизации миграционных процессов подвергаются испытаниям традиционные системы ценностей, что актуализирует задачу сохранения общенациональной идентичности.

Растущая изменчивость мира сегодня ставит особенно остро вопрос о необходимости обеспечения гражданского согласия и стабильности в полиэтничных регионах страны. Наиболее ярко такая необходимость ощущается на Юге России, где в процессе модернизации традиционного уклада жизни народов и социокультурной трансформации сложившаяся этническая картина подвергалась некоторой деформации. Именно поэтому важным направлением в процессе формирования интегративной идентичности является модификация и развитие механизмов социальной интеграции. В связи с этим в случае возникновения синтетических форм идентичности для понимания тенденций развития южнороссийского общества необходимо обратиться к осмыслению роли политической идентичности в консолидации российской гражданской нации и интеграции политического пространства макрорегиона.

На Юге России уже сложились академические традиции исследования историко-культурных, этнографических и других проблем развития народов региона, которые стали платформой для изучения, продвижения и конструирования идентичности [1; 134]. Один из авторов данной статьи многократно отмечала актуальность решения проблем консолидации общества через формирование политической идентичности [2].

Юг России очень разнообразен, являясь этномозаичным и многоконфессиональным регионом, представляет различные варианты стратегий идентификации. Распад некоторых и формирование новых, часто конкурирующих идентичностей, не только этнического и религиозного, но и регионального содержания, а также перестройка сложившегося общественного порядка, наполняют политическую жизнь региона специфическим смыслом.

В организации прогрессивной модели жизни, связанной с межнациональными взаимодействиями, при переходе от традиционных общепризнанных мерок к инновационным, как и в переоценке базисных ценностей, наращивается динамизм. Эти процессы в конкретной степени подрывают традиционные социокультурные устои Юга РФ, но, несмотря на это, не содействуют ослаблению значимости этнического фактора, который до сих пор остается доминирующим. Обозначенные обстоятельства актуализируют необходимость поиска более оптимального соотношения нововведений и традиций и еще соответствующих механизмов самоорганизации на Юге РФ.

Следует еще раз подчеркнуть, что, с одной стороны, в южно-российском обществе утрачивается большинство традиционных идентификационных моделей, с другой стороны, вырабатываются различные стратегии формирования и конструирования идентичности. На наш взгляд, выявление основных факторов, влияющих на динамику идентификационных процессов, сможет содействовать разработке механизмов и технологий укрепления российской идентичности и ее гармонизации с другими, часто конкурирующими, уровнями идентичности.

Обеспечение единства российской нации в условиях многообразия

страны и этнокультурного развития общностей и регионов является одной из актуальных проблем не только социогуманитарной науки, но и современной этнополитики. В последние годы эту проблему активно обсуждает политическая элита, а также представители научного и академического сообщества.

В этой связи возникает необходимость сконцентрировать внимание на концепции российской нации, которая, по нашему представлению, является главным инновационным ресурсом «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» [3]. В России, объединяющей множество этносов, национальная политика является важнейшим компонентом государственной политики. В полиэтничной России существенно отличаются по своему менталитету, психологии, социокультурным особенностям населяющие ее народы. Эти отличия наряду с интеграционными процессами, обусловленными преимуществами объединения различных народов в едином политическом пространстве, объективно порождают различные центробежные тенденции. В подобной ситуации ведущей задачей политики идентичности выступает наибольшее способствование интеграционным направленностям, обеспечение гармонизации государственных интересов, последующее развитие всех этносов и народов в составе единой и неделимой РФ.

Проблема интеграции российской гражданской нации стала неотъемлемой частью политической повестки дня. С 2012 г. разрабатываются проекты по созданию российской нации, приняты существенные управленческие решения в сфере государственной национальной политики. На объединение стремлений органов власти, экспертов и национально-культурных объединений в этой сфере направлена работа созданного в этом же году Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. Принятие «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» стало ключевым шагом.

Для обеспечения целостности государства, консолидации и интеграции народа, а еще активизации и мобилизации всех ее ресурсов важна целенаправленная стратегия развития РФ. Необходимо подчеркнуть, что развитие российской нации имеет возможность быть обеспеченным на базе основополагающих духовных ценностей, развивающих в общественном сознании ощущение причастности к единому российскому государству. В передовых критериях данная задача видится одной из более важных, и вследствие этого она должна быть главной в государственной политике РФ, для которой приоритетным считается «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

В программных документах страны этим вопросам уделяется особое внимание. Так, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г.) указывается на «необходимость поддержки программ формирования единой российской гражданской нации, национально-государственной идентичности» [4]; в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» (утв. постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г.) отмечается, что «традиционные формы духовности и этнической культуры народов России являются основой общероссийской идентичности, поэтому укрепление единства российской нации, формирование общегражданской идентичности россиян, обеспечение динамичного этнокультурного и духовного развития народов России, противодействие этнополитическому и религиозно-политическому

экстремизму являются важными факторами дальнейшего устойчивого развития страны» [5].

На наш взгляд, интеграция российской нации считается одним из ведущих причин улучшения социально-политического развития и обеспечения государственной защищенности государства, главным объектом которой считается народ. Принимая во внимание, что РФ – полиэтничное государство, целеустремленный поиск путей оптимизации межэтнических отношений делается важным обстоятельством сохранения социально-политической прочности, межэтнической и межконфессиональной гармонии.

Это, несомненно, одна из ключевых задач целенаправленных системных государственных мер, без положительного решения которой вряд ли возможно динамичное функционирование и дальнейшее развитие страны. Следует особо подчеркнуть, что именно трансформирующаяся политическая идентичность является одним из значимых факторов консолидации российской нации и интеграции политического пространства России, которая становится условием выживания сообщества в ситуации повышающегося культурного многообразия.

Акцентируя внимание на современных направлениях изучения политической идентичности, подчеркнем, что в последние годы понятие идентичности подвергается все больше детальному обсуждению в социально-гуманитарной науке, и возможно заявить, собственно, что исследователи идентичности перешли к разработке практических назначений по их использованию. Более того, нужно отличать восприятие и практическое внедрение базисных идей об идентичности в определенных областях познания и их восприятие культурой в целом, социумом и практиками. В науке об идентичности возникли концепты, в которых синтезированы наработки разных социогуманитарных наук, и практически возможно говорить о синтетической модели междисциплинарного изучения идентичности.

Значительным опытом системной концептуализации политики идентичности, категорий политической идентичности и других значимых терминов, связанных с анализом идентичности в ее политической проекции, является словарь коллектива авторов под руководством И.С. Семененко [6]. В их следующем издании осмысливается проблема идентичности и исследуются новые подходы к ее концептуализации на современной научной основе. Авторами проанализирован концепт идентичности, его генезис и дискурсивные практики использования понятия в социальных и гуманитарных науках; осмыслен потенциал идентичности как ресурса общественного развития [7].

С одной стороны, вновь возникшие образы политической идентичности, вносят различные конфигурации в прежнее ценностное и идеологическое содержание, с другой – они складываются в противоборстве традиционализма и модернизации путем воззвания к предыдущему политическому опыту. В данной связи появляется вопрос о поиске коллективных идейных причин для консолидации нации, укрепления страны на базе основополагающих ценностей, которые разделяют все россияне.

Рассуждая о данном, мы разделяем концептуальные взгляды, сообразно которым политическая идентичность рассматривается как «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом. Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и реализуется в публичной сфере» [8; 89].

Опираясь на данное определение, мы рассматриваем политическую идентичность как интегративную характеристику личности в политическом пространстве. Главным инструментом построения такого уровня идентичности являются политические традиции. Политическая идентичность объединяет в единую систему все аспекты участия субъекта в политической жизни общества: политическое сознание, политический статус и политическое поведение личности. Формирование и конструирование политической идентичности – это сложный процесс, в ходе которого индивид, социальная группа или государство могут стать субъектами политических отношений и взаимодействий. С одной стороны, ее построение во многом является результатом целенаправленной деятельности государства, политики идентичности, с другой стороны, опирается на определенные стихийно сформировавшиеся политические ценности, традиции и идеи [9; 335].

Как мы ранее аргументировали в своих исследовательских работах, в современных обществах идентичность содержит многоуровневый характер. «Проблемой идентичности «болеют» сегодня страны, общества и люди. Проблема самоидентификации отражает взаимодействие разных уровней идентичности, и что человек может вбирать в себя множество идентичностей» [10]. По нашему воззрению, идентичность связана с наличием у человека ярко воплощенного самоопределения, которое включает в себя совокупность ценностей, направляющих человека в жизни.

Идентичность, которая постоянно модифицируется, синтезируется и видоизменяется в процессе преобразований, считается источником политической динамики общества. Для людей, живущих в едином политическом поле, нужен набор совокупных для всех идей и ценностей, который в целом обеспечивает образ жизни всех членов общества.

По нашему мнению, с одной стороны, формирование политической идентичности, с иной стороны, ее конструирование, содействуют укреплению солидарности россиян, легитимности политического строя и задают ценностные координаты действий. Установление новых векторов и ориентиров формирования политической идентичности считается одной из своевременных задач для России, изменившей во многом траекторию своего развития [9; 334].

Далее, возвращаясь к осмыслению роли политической идентичности в консолидации российской гражданской нации и интеграции политического пространства Юга России, подчеркнем, что, во-первых, специфика региона заключается в его повышенной полиэтничности и поликонфессиональности; во-вторых, интеграционные процессы в регионе затрудняются сложной социокультурной структурой региона и, как следствие, несовпадением социетальных ценностей этнотерриториальных сообществ.

Представляется оправданной позиция, согласно которой «разный структурный профиль идентификации южно-российских жителей обусловлен приоритетом модернистских или традиционных институтов в социальной жизни народов макрорегиона, а также уровнем межэтнической напряженности в субрегионе. Разновозрастное этнически русское население чаще всего является носителем универсалистского типа идентичности, однако в условиях межнациональной конкуренции (Адыгея, Ставропольский край) он усиливается этнокультурным компонентом. Для иноэтничных групп субрегионов с преимущественно русским населением и титульных этносов республиканского сегмента независимо от возраста, как правило, приоритетна этническая принадлежность.

Выявленное несовпадение структуры идентичности различных территориальных, этнических и

возрастных групп населения Юга России несет в себе дезинтеграционный потенциал. В этой связи усилия по утверждению общегражданской идентичности являются необходимым условием укрепления единой социетальной сферы российского общества, а формирование макрорегиональной идентичности может выступать как промежуточный этап формирования общегражданской идентичности и, одновременно, как ресурс ее «прочности» в условиях полиэтничных регионов» [11; 24].

Как уже отмечено выше, обозначенная нами проблема связана с критическим осознанием ценностных и мировоззренческих противоречий, основанных на изменениях политического пространства южно-российского региона. Более того, бесспорное значение для интеграции полиэтничного региона имеет упрочение политической идентичности, главной целью которого является консолидация общества. Важнейшим основанием стабильности на Юге России является социокультурная и политическая интегрированность региона.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Во-первых, политическую идентичность как уровень социальной идентичности следует рассматривать в качестве интегративной и динамичной характеристики человека в политическом пространстве. Инструментом формирования и конструирования данного уровня идентичности являются политические традиции и ценности.

Во-вторых, многосоставные интеграционные процессы на Юге России охватывают, с одной стороны, географическое пространство, с другой стороны, экономическую, социальную, политическую и культурную сферы общественной жизни. Исходя из этого, интеграционные процессы определяются логикой социально-экономического, политико-правового, социокультурного развития, которые стимулирует полиэтничные регионы Юга России к активному взаимодействию и сближению с целью обеспечения региональной безопасности.

В-третьих, политическая идентичность, которая является ресурсом интеграции полиэтничного социума, представляется одной из ведущих тем региональной политики, она требует тщательного исследования, так как для Российской Федерации от развития южно-российского вектора во многом зависит реализация государственной национальной политики и обеспечение региональной стабильности и безопасности. Политическая идентичность и основанные на ней интеграционные процессы играют ключевую роль в консолидации полиэтничного региона, способствуют его функционированию как полноценной региональной единицы. Думается, что эти выводы актуальны для Юга России, в которой региональная интеграция создает особое политическое и социокультурное пространство и синтезированные уровни идентичности.

Примечания:

1. Денисова Г.С., Лубский А.В., Войтенко В.П. Российская идентичность как предмет научно-исследовательских практик // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2018. Вып. 4. С. 127-138.

2. Жаде З.А. Государственная политика интеграции российской нации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70), № 1S. С. 172-176.

3. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: http: // Президент. РФ /news/17165 (дата обращения: 09.09.2019).

4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 09.09.2019).

5. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы): постановление Правительства РФ о федеральной целевой программе. URL: http://docs.cntd.ru/document/499040473 (дата обращения: 09.09.2019).

6. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семененко. Москва: РОССПЭН, 2012.

7. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. Москва: Весь мир, 2017.

8. Семененко И.С. Политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семененко. Москва: РОССПЭН, 2012.

9. Жаде З.А. Политико-правовая идентичность как сложносоставной концепт // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп: Изд-во АГУ. 2015. Вып. 2. С. 331-337.

10. Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, А.Ю. Шадже. Москва: Качество, 2006.

11. Клименко Л.В. Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Майкоп, 2016.

References:

1. Denisova G.S., Lubsky A.V., Voitenko V.P. Russian identity as a subject of research practices // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science and Cultural Studies. Maikop: ASU Publishing house. 2018. Iss. 4. P. 127-138.

2. Zhade Z.A. State policy of integration of the Russian nation // Scientific notes of the Crimean Federal University of V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2018. Vol. 4 (70). No. 1. P. 172-176.

3. Decree of the President of the RF of December 19, 2012 No. 1666 “On the strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025” / [Electronic resource] URL: http: // President. RF / news / 17165 (access date: 09.09.2019).

4. The concept of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020 / [Electronic resource] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (access date: 09.09.2019).

5. Decree of the Government of the Russian Federation On the federal target program “Strengthening the unity of the Russian nation and ethnocultural development of the peoples of Russia (2014-2020)” / [Electronic resource] URL: http://docs.cntd.ru/document/499040473 (access date: 09.09.2019).

6. Political identity and identity policy: in 2 vols. Vol. 1: Identity as a category of the political science: a dictionary of terms and concepts; Vol. 2: Identity and socio-political changes in the 21st century / ex. ed. by I.S. Semenenko. M.: ROSSPEN, 2012.

7. Identity: Person, society, politics. Encyclopedic Edition / ex. ed. by I.S. Semenenko. M.: Ves mir, 2017.

8. Semenenko I.S. Political identity // Political identity and identity politics: in 2 vols. Vol. 1: Identity as a Category of Political Science: Dictionary of terms and concepts / ex. ed. by I.S. Semenenko. M.: ROSSPEN, 2012.

9. Zhade Z.A. Political and legal identity as a composite concept // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Area Studies: Philosophy, History, Sociology,

Jurisprudence, Political Science and Cultural Studies. Maikop: ASU Publishing house. 2015. Iss. 2. P. 331-337.

10. Multilevel identity / Z.A. Zhade, E.S. Kukva, S.A. Lyausheva, A.Yu. Shadzhe. M.; Maikop: Kachestvo, 2006.

11. Klimenko L.V. The dynamics of the societal sphere of the South of Russia: sociocultural dimension: Diss. abstract for the Dr. of Sociology degree. Maikop: ASU, 2016.

УДК 316.356.2
ББК 60.561.5
К 85

Д.С. Крылов,
аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79183280525, e-mail: d9183280525@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

(Рецензирована)

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию феномена домашнего насилия в современном российском обществе. В статье анализируются различные теоретико-методологические подходы к изучению данной проблематики. Автор отмечает ряд теорий, разработанных современными исследователями, одной из которых является структурная теория Дж. Хирна, М. Шеллера, согласно которой культура патриархата имеет социоструктурные следствия, формируя и фиксируя константное различие статусных позиций мужчины и женщины в обществе и семье.

В статье также представлена гендерная теория, которая определяет гендер как структурированный паттерн социальных отношений между полами, находящий проявление как в межличностном взаимодействии внутри семьи, так и в институциональном строении общества.

Таким образом, гендерная теория рассматривает социальные отношения между мужским и женским, характерные для современного общества, как несущие на себе печать исторически сформировавшихся социокультурных стереотипов, культурный генезис которых уходит в глубокое прошлое.

В статье автор отмечает, что применение социокультурного подхода дает возможность более глубокого осмысления интегрированности отношения к домашнему насилию в широком культурном контексте. В рамках социокультурного подхода основной акцент делается не только на ценностях, лежащих в основании внутрисемейных и гендерных отношений, но и на структурных, институциональных и средовых факторах, совокупно влияющих на распространение или сокращение в обществе объема внутрисемейного насилия. По мнению автора, спецификой социокультурного подхода является объединение всех указанных факторов в единую методологическую конструкцию, позволяющую рассматривать практики семейного насилия в предельно широком контексте социальных и культурных процессов, а также долговременного наследия традиций построения и регулирования внутрисемейных отношений.

Использование социокультурного подхода, по мнению автора, дает возможность акцентировать внимание на интегрированности отношений к домашнему насилию в широком культурном контексте, а также оценить динамику отношения общества к данному феномену.

Ключевые слова: внутрисемейные отношения, гендерные группы, гендерная теория, домашнее насилие, семейные отношения, социокультурный подход.

D.S. Krylov,
Post-graduate student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183280525, e-mail: 79183280525@yandex.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF DOMESTIC VIOLENCE

Abstract. The presented article is devoted to the study of the phenomenon of domestic violence in modern Russian society. The article analyzes various theoretical and methodological approaches to the study of this issue. The author notes a number of theories developed by contemporary researchers, one of which is the structural theory of Jeff Hearn and M. Scheller, according to which the culture of patriarchy has sociostructural consequences, forming and recording a constant difference between the status positions of men and women in society and the family.

The paper also presents gender theory, which defines gender as a structured pattern of social relations between the sexes, manifested both in interpersonal interaction within the family and in the institutional structure of society.

Thus, gender theory considers the social relations between men and women characteristic of modern society as bearing the seal of historically formed sociocultural stereotypes whose cultural genesis goes back to the deep past.

In the article, the author notes that the application of a sociocultural approach provides an opportunity to better understand the integration of attitudes towards domestic violence in a broad cultural context. The sociocultural approach focuses not only on the values underlying intra-family and gender relations, but also on structural, institutional and environmental factors that collectively influence the spread or reduction of intra-family violence in society. According to the author, the specificity of the sociocultural approach is the integration of all these factors into a single methodological structure, making it possible to examine the practices of family violence in the broadest context of social and cultural processes, as well as the long-term legacy of traditions of building and regulating domestic relations.

The use of a sociocultural approach, according to the author, gives an opportunity to emphasize the integration of relations to domestic violence in a wide cultural context, as well as to assess the dynamics of the attitude of society towards this phenomenon.

Keywords: intra-family relations, gender groups, gender theory, domestic violence, family relations, sociocultural approach.

Проблема домашнего насилия является одной из наиболее актуальных для современного российского общества, представляя собой одно из наиболее острых социальных явлений. Являясь распространенным феноменом повседневной жизни семьи, домашнее насилие вызывает особый интерес ряда научных дисциплин, исследующих социальную жизнь, межличностные и внутрисемейные отношения. Исследование этого феномена наиболее интенсивно происходит в последние десятилетия с применением междисциплинарных средств.

Наиболее весомый вклад в исследование проблемы домашнего насилия внесли такие ученые, как А.А. Андреева, Ю.В. Градскова, А.В. Лысова, И.В. Попова, Т.В. Шипунова, О.П. Яковлева и др., представившие полную картину общего состояния данной проблемы в российском обществе.

В рамках психологического и социологического интеракционизма, как и конфликтологии, домашнее насилие объясняется объективным несовпадением целей и интересов членов семьи и рассматривается как один из способов разрешения конфликта интересов в свою пользу.

В свою очередь, в современной когнитивистской психологии семейное насилие, как и все другие феномены межличностных отношений, трактуется как следствие несовместимости субъективных когнитивных установок и интерпретаций участников отношений. Теории виктимного поведения объясняют

проявления насилия в семье психологическими и поведенческими особенностями жертвы, неосознанно провоцирующей другую сторону на насилие и подавление по отношению к себе.

Следует отметить, что при всей значимости психологических факторов, способствующих проявлению и распространению домашнего насилия, и при всей глубине психологических подходов к его объяснению невозможно отрицать наличие социальных и культурных условий, существенно влияющих на генезис и проявление насилия в семье. Исследование таких факторов осуществляется в предметном поле социологических дисциплин и основывается на интерпретации домашнего насилия как преимущественно социального явления, имеющего значительную долю социальной и культурной обусловленности [1].

Вместе с тем одной из распространенных в современной социологической науке интерпретаций домашнего насилия является структурная теория (Дж. Хирн, М. Шеллер), согласно которой культура патриархата имеет социоструктурные следствия, формируя и фиксируя константное различие статусных позиций мужчины и женщины в обществе и семье. В результате действия этих факторов гендерные группы приобретают характер и свойства социально-статусных, превращаясь в своего рода социально-экономические классы, между которыми имеют место отношения эксплуататоров и эксплуатируемых. С этой точки зрения, насилие в семейных отношениях порождено отношениями эксплуатации и является способом удержания главой семьи доминирующей позиции и сопряженных с ней выгод [2].

В свою очередь, к структурной интерпретации примыкает объяснение с позиций теории ресурсов, согласно которой мужчина прибегает к насилию в семье, чтобы установить свой контроль за распределением семейных ресурсов и лишить такого контроля женщину. Отечественный исследователь Н.В. Ходырева предлагает также ситуационное объяснение внутрисемейного насилия. В одной из своих работ она отмечает: «В жизни семьи часто наступает период острой экономической, социальной и психологической зависимости женщины от мужчины: временная нетрудоспособность во время беременности и ухода за маленьким ребенком. Мужчина может пользоваться зависимым положением женщины в семье и в распространенных ситуациях, когда женщина вынужденно пользуется жилищными и денежными ресурсами мужа и тоже попадает в зависимость от него» [3].

В настоящее время, как в зарубежной, так и в отечественной социологической литературе, доминирующие позиции в интерпретации домашнего насилия занимает гендерная теория, вписывающаяся по своим теоретическим предпосылкам в теорию радикального феминизма. В контексте гендерной теории в ситуациях домашнего насилия женщина обычно оказывается в роли жертвы, а мужчина в роли агрессора [4]. Тем самым проблема домашнего насилия превращается в проблему насилия мужчины над женщиной, и социологическая интерпретация явления осуществляется на основе представления о стабильном соотношении гендеров и односторонней объективации женщины мужчиной. Согласно гендерной теории, гендер представляет собой структурированный паттерн социальных отношений между полами, находящий проявление как в межличностном взаимодействии внутри семьи, так и в институциональном строении общества. Так, О.П. Яковлева в одной из своих работ отмечает: «Гендер рассматривается как одно из базовых измерений социальной структуры общества, который вместе с другими социально-демографическими и культурными характеристиками

(раса, класс, возраст) организует социальную систему» [5]. Авторы из Адыгеи А.Ю. Шадже, Н.А. Ильинова, Е.С. Куква [6; 168] также отмечают, что в условиях современности гендерная проблематика приобретает особую остроту. Это объясняется нарастанием неравенства мужчины и женщины и невостребованностью женского интеллекта.

И действительно, гендерное конструирование представляет собой неосознаваемое индивидами формирование социокультурных стереотипизированных представлений о социально приемлемых, т.е. «правильных», моделях поведения и характерологических качествах, ассоциируемых с «мужским» и «женским». Поскольку гендерные черты не заданы природой, а являются социальным конструктом, они рассматриваются гендерной теорией не как онтологические, а как акцидентальные, несущностные характеристики, допускающие отчуждение от биологического пола и трансформацию и определяемые социокультурной спецификой сформировавшего их общества.

Таким образом, гендерная теория рассматривает социальные отношения между мужским и женским, характерные для современного общества, как несущие на себе печать исторически сформировавшихся социокультурных стереотипов, культурный генезис которых уходит в глубокое прошлое. Существование и принятие большим количеством людей стереотипов такого рода предопределяет восприятие общественным мнением насилия над женщинами в семье как относительно социально оправданного и легитимного.

В этом отношении методология изучения домашнего насилия обязательно должна включать в себя подходы, фиксирующие внимание на социокультурном и ценностном аспекте проблемы, позволяющие рассматривать домашнее насилие не только как закономерные издержки гендерных стандартов патриархальной культуры, но как результат специфической иерархии ценностей, в которой соблюдение человеческих прав другой личности не обладает существенной ценностью, а отношения внутри семьи выстраиваются при доминировании стихийных начал и деформированных традиционных представлений.

Вместе с тем в рамках социокультурного подхода основной акцент делается не только на ценности, лежащие в основании внутрисемейных и гендерных отношений, но и на структурные, институциональные и средовые факторы, совокупно влияющие на распространение или сокращение в обществе объема внутрисемейного насилия. Спецификой социокультурного подхода является объединение всех указанных факторов в единую методологическую конструкцию, позволяющую рассматривать практики семейного насилия в предельно широком контексте социальных и культурных процессов, а также долговременного наследия традиций построения и регулирования внутрисемейных отношений.

Использование социокультурного подхода дает возможность четко увидеть интегрированность отношения к домашнему насилию в широкий культурный контекст, а также оценить динамику отношения общества к данному феномену.

Таким образом, из изложенного можно сделать следующие выводы.

Исследование домашнего насилия с методологической точки зрения должно иметь комплексный характер. Помимо того, что домашнее насилие является в первую очередь психологическим и социально-психологическим феноменом, представляя собой следствие как неосознаваемой психической травмы, так и агрессивности, порожденной фрустрацией базовых потребностей, оно имеет социокультурные корни.

Степень распространенности в обществе проявлений домашнего

насилия полностью обусловливается социокультурными факторами, доминирующим типом культуры, стратификационным и институциональным строением общества, уровнем развития, на котором конкретное общество находится. На уровне повседневности действие всех этих факторов синтезируется в социокультурную среду, в которой осуществляются непосредственные взаимодействия. Следовательно, изучение внутрисемейного насилия как социального факта требует более широкого изучения как результирующего социализацию типа личности, так и социокультурной среды, в которой совершаются повседневные взаимодействия «индивидуальных носителей» этого типа личности. Поэтому методология исследования домашнего насилия в современном российском обществе предполагает объединение социокультурного и средового подходов, что позволит осуществить анализ динамики изменений социокультурной среды, непосредственно связанных с тенденциями динамики распространения в современной России домашнего насилия.

Примечания:

1. Градскова Ю.В. Домашнее насилие как социально-психологическая и культурная проблема: к портрету женщины жертвы // Профессионалы за сотрудничество / гл. ред. А. Кулик. Москва: Добросвет, 2002. Вып. 5. 356 с.

2. Hearn J. The Gender of Oppression: Men, Masculinities and the Critique of Marxism. Wheatsheaf books, 1987.

3. Ходырева Н.В. Насилие в партнерских отношениях как травматическое событие. Гендерные основания механизмов и профилактики девиантного поведения личности и малых групп в XXI веке. Санкт-Петербург, 2005.

4. Андреева А.А. Насилие в семье как социальная проблема современного общества // Материалы VI Междунар. науч. конф., г. Уфа, март 2015 г. Уфа, 2015. С. 1-3.

5. Яковлева О.П. Гендерные аспекты восприятия домашнего насилия в России. URL: http://edu.znate.ru/docs/index-130564-1.html (дата обращения: 10.08.2019).

6. Шадже. А.Ю., Ильинова Н.А., Куква Е.С. Трансформация гендерных отношений на Северном Кавказе в социологическом измерении // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. Вып. 2. С. 157-170.

References:

1. Gradskova Yu.V. Domestic violence as a socio-psychological and cultural problem: on the portrait of a female victim // Professionals for cooperation. Iss. 5 / Chief ed. by A. Kulik. M.: Dobrosvet, 2002. 356 pp.

2. Hearn J. The Gender of Oppression: Men, Masculinities and the Critique of Marxism. Wheatsheaf books, 1987.

3. Khodyreva N.V. Violence in partnership relations as a traumatic event. Gender basis of mechanisms and prevention of deviant behavior of an individual and small groups in the 21st century, SPb., 2005.

4. Andreeva A.A. Domestic violence as a social problem of modern society [Text] // Materials of the VI Intern. scient. conf. (Ufa, March 2015). Ufa: 2015. P. 1-3.

5. Yakovleva O.P. Gender aspects of perception of domestic violence in Russia. [Electronic resource]. Access mode: http://edu.znate.ru/docs/index-130564-1.html (access date: 10.08.2019).

6. Shadzhe. A.Yu., Ilynova N.A., Kukva E.S. Transformation of gender relations in the North Caucasus in sociological measurement // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science and Cultural Studies. 2019. No. 2. P. 157-170.

УДК 316.77.001.12:008
ББК 60.56
К 90

Е.М. Куликов,
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, тел.: +79882480682, e-mail: sociograf@mail.ru

А.А. Нурахмедова,
соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79628625777, e-mail: aida@nxt.ru

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АУДИТОРИИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ СТРАТЕГИЙ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье отмечается, что перед эмпирическими исследованиями аудитории массовой коммуникации в настоящее время ставятся важные социально-управленческие цели и задачи, повышается уровень требований к результатам социологических проектов. Современная ситуация в системе массовой коммуникации выглядит достаточно сложной, что актуализирует интерес коммуникаторов к представителям практической социологической науки. В условиях информационной перегрузки и снижения эффективности воздействия сообщений на массовую аудиторию или какие-либо ее значимые сегменты эмпирическая социология призвана осуществлять поиск и последующее тестирование новых решений, моделей, алгоритмов действий коммуникаторов. Новые условия реализации эмпирических проектов диктуют необходимость грамотной интеграции количественной и качественной парадигм для достижения конечного социально-управленческого результата. Вместе с тем более интенсивному использованию эмпирических социологических исследований для анализа аудитории массовой коммуникации препятствует ряд актуальных стереотипов и предубеждений касательно сроков, стоимости, качества, а главное – утилитарности, эмпирических проектов для практики управления социальной коммуникацией. Еще одной существенной проблемой современного сотрудничества эмпирической социологии и практики социального управления в сфере массовых коммуникаций выступает слабая реализация социально-инженерного потенциала первичной социологической информации. Зачастую полученные данные не находят максимально эффективного применения в практике управления, так как социолог отстраняется (по разным причинам) от дальнейшего участия в принятии решений, а представители системы управления не обладают достаточными навыками и квалификацией. Одной из серьезных проблем выступает использование количественных и качественных исследований в рамках сравнительного эмпирического проекта. В статье демонстрируются сильные и слабые стороны количественных и качественных исследований применительно к анализу аудитории массовой коммуникации, а также определяются перспективные направления применения полученных данных для оптимизации сотрудничества социологов-исследователей и специалистов в сфере массовой коммуникации. На примере методически ориентированного исследования в статье показан характер первичной информации,

получаемой по итогам количественного и качественного анализа, определены проблемы и перспективы сравнительных эмпирических исследований аудитории массовой коммуникации.

Ключевые слова: массовая коммуникация, информационная перегрузка, информационное общество, массовая аудитория, массово-коммуникативное воздействие, эмпирические исследования, количественная и качественная парадигмы.

E.M. Kulikov,
Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, ph.: +79882480682, e-mail: sociograf@mail.ru

A.A. Nurakhmedova,
Applicant for Candidate's Degree of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79628625777, e-mail: aida@nxt.ru

EMPIRICAL RESEARCHES OF MASS COMMUNICATION AUDIENCE: OPPORTUNITIES TO INTEGRATE QUANTITATIVE AND QUALITATIVE STRATEGIES

Abstract. Currently, important social and managerial goals and objectives are set for empirical research of mass communication audience. The level of requirements to the results of sociological projects is increased. The current situation in the mass communication system looks quite complex that actualizes the interest of communicators to representatives of practical sociological science. In the face of information overload and reduced effectiveness of the impact of messages on the mass audience or any of its significant segments, empirical sociology intends to search for and then test new solutions, models, and algorithms of communicators' actions. The new conditions for the implementation of empirical projects dictate the need for competent integration of quantitative and qualitative paradigms in order to achieve the ultimate social and managerial result. At the same time, the more intensive use of empirical sociological researches for the analysis of the audience of mass communication is hampered by a number of relevant stereotypes and prejudices, concerning the timing, cost, quality, and most importantly, the utilitarianism of empirical projects for the practice of managing social communication. Another significant problem of contemporary cooperation between empirical sociology and the practice of social management in the field of mass communications is the weak realization of the social and engineering potential of primary sociological information. Often, the data obtained do not find the most effective application in management practice, as the sociologist disengages himself (for various reasons) from further participation in decision-making, and representatives of the management system do not have sufficient skills and qualifications. One of the major challenges is the use of quantitative and qualitative research in a comparative empirical project. The article demonstrates the strengths and weaknesses of quantitative and qualitative research in the analysis of the audience of mass communication, as well as identifies promising directions of application of the obtained data for optimization of cooperation between sociologists-researchers and specialists in the field of mass communication. Based on the example of methodically oriented research, the article shows the nature of the primary information obtained from the results of quantitative and qualitative analysis, and the problems and prospects of comparative empirical research of the audience of mass communication.

Keywords: mass communication, information overload, information society, mass audience, mass communication impact, empirical research, quantitative and qualitative paradigms.

Общество XXI в. многими исследователями определяется как информационное, так как именно информация, информационно-компьютерные технологии играют в нем решающую роль, переопределяют весь облик социальной системы, оказывают непосредственное воздействие на политическую (открытое общество), экономическую, социальную и культурную подсистемы (глобализация). Общеизвестен факт, что именно информация выступает важным ресурсом власти, бизнеса и т.п., однако нечасто поднимается проблема, связанная с позиционированием информации как ресурса – информационной перегрузки.

Как полагают исследователи, информационная перегрузка заключается в том, что количество поступающей полезной информации превосходит объективные возможности ее восприятия человеком. В результате нормальная жизнедеятельность людей может быть парализована избытком информации, хаосом в процессе ее получения, обработки, передачи и хранения [1; 115]. Информационная перегрузка не только отрицательно воздействует на людей, угрожает их здоровью и безопасности; речь идет и о такой системной проблеме, как общее падение эффективности массово-коммуникативного воздействия, а здесь под угрозой не только коммерческая реклама, паблик рилейшнз, пропаганда, но и такие классические виды массово-коммуникативного воздействия, как агитация «Вставай, страна огромная!» (времен Великой Отечественной войны) или российская социальная реклама «Позвони родителям», «Пора выйти из тени» и т.д.

В сложившихся объективных условиях фрагментация процесса массово-коммуникативного воздействия в XXI в. приобретает первостепенное значение. Сам процесс влияния на сознание и поведение в информационном обществе с его предельно перегруженными, интенсифицированными каналами передачи сообщений становится серьезной гносеологической и, одновременно, предметной проблемой для социологической науки. При этом данная проблема, как представляется, имеет как теоретическое, так и практико-управленческое значение.

Социологический анализ информационной перегрузки демонстрирует тот факт, что данное негативное явление является составным элементом более широкой проблемы, связанной с современным состоянием системы массовой коммуникации. Как указывал Ю.А. Шерковин, массовая коммуникация представляет собой «систематическое распространение сообщений среди численно больших рассредоточенных аудиторий с целью утверждения духовных ценностей и оказания идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей» [2; 348].

Массовая коммуникация формирует особый институт общества XXI в., при этом функционально-ролевой репертуар института оказывается весьма широким, выходящим далеко за пределы собственно информирования, обозрения мира и т.п. В исследованиях российских ученых, проведенных в течение последних нескольких лет, были всесторонне рассмотрены особенности массовой коммуникации как социального института [3], трансформационные процессы институциональных структур масс-медиа [4; 125], влияние обновленных масс-медиа на развитие российского региона [5; 228], перспективы применения различных управленческих технологий в сфере массовой коммуникации [6; 191]. Данные исследования опирались либо на количественную, либо на качественную парадигмы социологического анализа. Вместе с тем лишь незначительная часть научных работ, опубликованных в последние годы, предполагала получение первичной информации на

основе интеграции количественных и качественных подходов. В данном аспекте целесообразно отметить работы таких исследователей, как И.А. Быков [7], С.И. Уринов [8; 7], Ю.Н. Макаров [9]. Однако анализ публикаций российских социологов показывает недостаточную разработанность именно методических проблем эмпирических исследований в русле интегративной стратегии, применительно к сфере массовой коммуникации и ее аудитории.

В рамках института массовой коммуникации осуществляется систематический процесс производства и доведения сообщений до аудитории с использованием средств распространения сообщений (телевидение, Интернет и т.д.). Вместе с тем процесс массовой коммуникации и средства массовой коммуникации в целом ориентированы на аудиторию – ее реакцию, потребности, учет социально-демографических, социально-психологических и социокультурных особенностей [10; 35].

Именно аудитория занимает ключевое положение в системе массовой коммуникации. Целью основных акторов системы выступает эффективное (результативное) воздействие на сознание аудитории и, как следствие, на ее поведение. Исследователи отмечают, что аудитория представляет собой «устойчивую совокупность людей, возникающую на основе общности их информационных потребностей, интересов, а также форм, способов и каналов удовлетворения этих потребностей. Именно аудитория является адресатом массово-коммуникативного воздействия, воспринимая информационные потоки, транслируемые СМК» [11; 198].

Деятельность средств массовой коммуникации по воздействию на сознание и поведение аудитории порождает множество проблемных ситуаций, при этом не все из них оказываются связанными с информационной перегрузкой. Исследователей беспокоит агрессивное, асоциальное, антисоциальное и иное отрицательное содержание сообщений, доступ к вещательным системам непрофессиональных коммуникаторов, аудитория которых иногда насчитывает десятки и сотни тысяч человек. Кроме того, в погоне за прибылью в условиях господствующих позиций массовой культуры многие масс-медиа предпочитают использовать аморальные, безнравственные средства и способы воздействия на сознание аудитории. Это негативно сказывается, прежде всего, на подрастающем поколении, усиливаются отклоняющиеся социализационные траектории. Социологическая наука стремится активно исследовать обозначенные проблемы, и здесь в центре внимания исследователей зачастую оказывается именно аудитория как адресат сообщений массовой коммуникации. Для эффективного социологического анализа аудитории в условиях быстро меняющейся социальной обстановки трансформирующегося общества активно используются эмпирические исследования, позволяющие получать первичную информацию об аудитории массовой коммуникации.

Эмпирическая социология занимает одну из ключевых позиций в системе социологического знания. Сформировавшись еще на заре социологии в XIX в., эмпирическая ветвь социологического знания существенно усилила свой эвристический потенциал в начале – середине XX в., когда последовательно произошла институционализация количественной социологии, возникла качественная парадигма, а затем началась интеграция количественных и качественных исследований.

Система социологического знания, особенно ее эмпирическая ветвь, обладает широкими возможностями для повышения эффективности массово-коммуникативного воздействия на аудиторию на различных уровнях: от индивидуального до массового. Данный эффект осуществляется посредством внедрения

результатов социологических исследований в практику социального управления. Именно эмпирическая социология дает возможность коммуникаторам оперировать в своих действиях достоверной, научно обоснованной информацией об аудитории в целом (ее численность, локализация, социально-демографические, социально-профессиональные характеристики), так и о ее наиболее крупных сегментах.

Эмпирическая социология органично сочетает количественные и качественные подходы. Как указывают исследователи, количественные методы целесообразны для познания системных проблем, здесь важна статистическая репрезентация генеральной совокупности, а критерием надежности служит достоверное повторение установленных связей на других объектах. Качественные методы предполагают нематематическую аналитическую процедуру, результаты которой вытекают из данных, собранных различными способами и по разным источникам (истории жизни, поведение индивидов, интерактивные взаимодействия, интервью и т.д.) [12; 329].

Именно интеграция количественных и качественных методов эмпирического анализа весьма существенна по отношению к изучению аудитории массовой коммуникации. Важность интегративного подхода применительно к количественной и качественной стратегии целесообразно проиллюстрировать на конкретном исследовательском примере (проект был осуществлен в 2018 г. в Краснодарском крае и Республике Адыгея и носил методически ориентированный характер. Общий объем выборки количественного анкетирования – 1340 человек. Кроме того, была проведена серия из 16 глубинных интервью).

В ходе анкетирования респондентам был задан вопрос об их отношении к современному телевидению. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что большинство опрошенных относится отрицательно к современному телевидению – 61,8% (совокупные ответы «отрицательно» и «скорее отрицательно»). В то же время нейтрально относятся к телевидению 29,6% опрошенных. И лишь примерно каждый пятый участник исследования относится к телевидению положительно (совокупные ответы «скорее положительно» и «положительно») – 17,6% опрошенных. Затруднились ответить на этот вопрос 1% участников исследования.

Аналогичная тенденция в целом отрицательного отношения к телевидению была обнаружена при анализе ответов респондентов на вопрос о доверии к телевидению как источнику информации. Так, большинство респондентов (53,1%) абсолютно не доверяют телевидению. Частично доверяют 29,3% опрошенных. Только каждый десятый участник исследования во всем доверяет телевидению (10,4%). На данный вопрос затруднились ответить 7,2% респондентов.

По итогам количественного исследования аудитории была сформирована описательная картина ситуации, однако оставались нераскрытыми глубинные причины ее генезиса и последующего развития. Этот пробел удалось устранить в ходе качественного анализа.

В частности, респондентам в ходе глубинных интервью был задан вопрос о том, как они воспринимают современное телевидение. Анализ высказываний показал, что мнения существенно разделились при ответе на данный вопрос, однако незначительно превалируют негативные точки зрения о современном телевидении. *«Телевидение – это промывание мозгов людям, делает из них безвольных потребляющих роботов», «телевидение – сплошная ложь и манипуляции», «я стараюсь не смотреть телевидение, оно обслуживает только власть имущих и олигархов»*. Как показал анализ,

респонденты зачастую склонны экстраполировать свое негативное восприятие наиболее одиозных программ на некоторых телеканалах на все телевидение в целом, отказывая ему в доверии. Претензии респондентов вызывает политическая ангажированность телевидения, а также его глубокая включенность в индустрию массовой культуры потребления. Соответственно, эта группа респондентов зачастую видит альтернативу телевидению в Интернете как более демократическом и современном медиаресурсе. В ходе исследования были высказаны и более умеренные позиции в отношении телевидения. *«Телевидение однозначно надо фильтровать, есть же полезные для расширения кругозора каналы типа «National geographic».* Часть респондентов позитивно воспринимают телевидение, прежде всего, вследствие его утилитарности. *«Телевидение – это доступный для всех источник информации. Откуда же еще узнавать новости?».*

В ходе анкетирования участникам исследования был задан вопрос об их отношении к социальным сетям Интернета как источнику информации. В результате выяснилось, что 45,7% респондентов в той или иной мере позитивно воспринимают социальные сети (17,6% – положительно, а 28,1% – скорее положительно). Противоположной точки зрения придерживаются 17,8% участников исследования (отрицательно – 7,5%, а скорее отрицательно – 10,3%). Нейтральное отношение к социальным сетям выразили 35,7% респондентов, а затруднились ответить на данный вопрос 0,8% участников исследования.

Однако глубинная информация, раскрывающая суть отношения людей к социальным сетям Интернета, была получена только в ходе качественного анализа. Большинство опрошенных в глубинных интервью продемонстрировали позитивное отношение к социальным сетям Интернета. *«Мне кажется социальные сети – отличная идея! Можно общаться со своей родней, даже если далеко живешь, также со своими одноклассниками и одногруппниками»; «Для меня социальные сети стали основным источником новостей и информации, так как там часто выкладывают информацию из первых рук», «Люди в Интернете обычно правду пишут, они не заинтересованы, в отличие от журналистов, обслуживающих кого-то – не государство, так крупные фирмы».* Именно демократичность, близость к проблемам простых людей, а также эффективный способ опосредованного общения выступают основными, с точки зрения респондентов, достоинствами социальных сетей. Вместе с тем часть респондентов негативно относятся к социальным сетям Интернета. Чаще всего неприятие респондентов вызывают *«сплошная реклама, много фейков и ругани»,* а также тот факт, что *«все, кому не лень, свои неумные мысли выставляют напоказ».* В данном аспекте, полагают респонденты, телевидение превосходит социальные сети как источник информации более профессиональной и объективной.

Подводя некоторые итоги, целесообразно отметить, что эмпирические исследования аудитории массовой коммуникации, в силу современного состояния общества и основных тенденций его трансформаций, должны носить интегративный характер, сочетая потенциал математического, статического анализа количественной парадигмы и психологические, философские, культурологические, антропологические наработки качественного анализа.

Основной проблемой, препятствующей реализации крупных эмпирических проектов исследования аудитории массовой коммуникации на базе интеграции количественной и качественной парадигм, выступает как недостаток финансирования, в том числе и со стороны государственных управленческих

структур, так и определенная недооценка важности анализа аудитории масс-медиа в современных условиях. Зачастую многие проекты носят локальный характер и принимают облик маркетинговых, рекламных и иных «неакадемических» исследований. В научной среде сказываются и определенные предрассудки по отношению к подобным эмпирическим проектам (история социологии знает множество классических исследований, проведенных в XX в., и в силу этого возникает ложное ощущение «исчерпывающей» изученности проблемной области). Однако общество трансформируется, и большинство теоретических наработок классиков социологии уже утрачивают свой социально-управленческий потенциал. Именно поэтому эмпирические интегративные исследования массовой аудитории весьма перспективны на сегодняшний день. Они позволят не только оптимизировать деятельность масс-медиа, но и понять весь спектр угроз и рисков, которым подвергается аудитория в XXI в. на фоне интенсивной интеграции интернет-технологий в коммуникационную систему социума.

Примечания:

1. Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // Социс. 2005. № 5. С. 114-121.

2. Шерковин Ю.А. Массовая коммуникация // Философский энциклопедический словарь. Москва, 1983. С. 348.

3. Красникова М.А. Массовая коммуникация как социальный институт // Политика, экономика и инновации. 2016. № 5 (7).

4. Голуб О.Ю. Медиакомпетентность в условиях трансформаций массовой коммуникации // Практики и интерпретации. 2018. № 3. С. 125-132.

5. Натхо З.А. Влияние коммуникативной функции СМИ на развитие региона // Общество и право. 2017. № 3. С. 228-233.

6. Мирумян А.Г. Эволюция понятия «технология» в исследованиях массовой коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2017. № 2. С. 191-195.

7. Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2016.

8. Уринов С.И. Механизмы создания и распространения информации с помощью средств массовой коммуникации, влияющей на массовое сознание // Философия социальных коммуникаций. 2015. № 3. С. 7-17.

9. Макаров Ю.Н. Особенности воздействия интернет-коммуникаторов на социальные процессы в современном российском обществе (на примере блогов и социальных сетей): дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2016.

10. Куликов Е.М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2014. С. 35.

11. Урбанаева Е.Г. Методы социологических исследований аудитории и их возможности // Наука и социум: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017. С. 198-202.

12. Исламшина Т.Г., Хамзина Г.Р. Количественный и качественный методы в научно-квалификационном исследовании // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 329-331.

References:

1. Elyakov A.D. Information overload of people // Socis. 2005. No. 5. P. 114-121.

2. Sherkovin Yu.A. Mass communication // Philosophical Encyclopedic Dictionary. M., 1983. P. 348.

3. Krasnikova M.A. Mass communication as a social institution // Politics, Economics and Innovations. 2016. No. 5 (7).

4. Golub O.Yu. Media competence in transformations of Mass Communication // Practices and Interpretations. 2018. No. 3. P. 125-132.

5. Natkho Z.A. The influence of the communicative function of the mass media on the development of the region // Society and Law. 2017. No.3. P. 228-233.

6. Mirumyan A.G. Evolution of the concept of "technology" in the study of mass communication // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2. Philology and the Arts. 2017. No. 2. P. 191-195.

7. Bykov I.A. Network political communication in the conditions of society transformation: Diss. for the Dr. of Political sciences degree. SPb., 2016.

8. Urinov S.I. Mechanisms for creation and dissemination of information through mass media influencing mass consciousness // Philosophy of Social Communications. 2015. No. 3. P. 7-17.

9. Makarov Yu.N. Features of the impact of Internet communicators on social processes in modern Russian society (based on blogs and social networks): Diss. for the Cand. of Sociology degree. Krasnodar, 2016.

10. Kulikov E.M. Rumors as an element of network communication in the Internet space of modern Russia: Diss. for the Dr. of Sociology degree. Krasnodar, 2014. P. 35.

11. Urbanaeva E.G. Methods of social research of the audience and their opportunities // Materials of the All-Russian scientific-practical conference "Science and Society". Novosibirsk, 2017. P.198-202.

12. Islamshina T.G., Khamzina G.R. Quantitative and qualitative methods in scientific-qualification research // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2012. No. 1. P. 329-331.

УДК 316.334.4(=51)
ББК 60.56
О-48

Т.М. Ойдуп,
кандидат социологических наук, ученый секретарь Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, г. Кызыл, тел.: +79133426262, (394442)66262, e-mail: tana_o@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТУВИНСКО-МОНГОЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО СООБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[1]

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируются результаты социологического исследования мнения жителей тувинско-монгольского приграничного сообщества территорий Тувы и Монголии о проблемах правовой культуры населения, уровня делинквентного поведения и правовой идентичности жителей. В качестве объекта исследования рассматриваются 3 группы респондентов, представители тувинско-монгольского приграничного сообщества, имеющих различное представление о роли и задачах государственной границы. Предметом выступает влияние данных групп на правовую идентичность приграничных территорий. Цель – исследовать особенности правовой идентичности тувинско-монгольского сообщества. Мы выделяем три группы респондентов, которые поддерживают ту или иную точку зрения: государственники, нигилисты и группа доброжелателей. Гипотетически предположили, что правовая идентичность формируется в зависимости от количества сторонников той или иной группы. Проведенное исследование позволило выявить отношение трех групп к вопросам правонарушений на трансграничных территориях, на основании чего был сделан вывод о том, что в целом уровень трансграничной преступности низкий, но население по обе стороны границы по-разному оценивает уровень своей защищенности правоохранительными органами. Монголы чувствуют себя более защищенными, чем тувинские респонденты, при этом более незащищенными ощущают себя нигилистически настроенные респонденты. Был затронут вопрос по предупреждению и снижению преступности в приграничных районах. В ходе исследования мы получили научно обоснованные данные, которые способствуют пониманию правовой идентичности приграничных сообществ тувинско-монгольского участка, выработке конкретных практических мер для решения конфликтных вопросов. А также мы получили подтверждение концептуальным основам теории социологии пространства Г. Зиммеля о том, что граница как социологический факт, принявший пространственную форму, определяется приграничным сообществом. Между Тувой и Монголией одна граница, но, несмотря на это, жители соседних территорий имеют по большинству вопросов различные точки зрения, которые могут быть диаметрально противоположными. Каждая из сторон имеет собственное представление о правовых нормах, о границе, правонарушениях и обо всех прочих элементах правовых процессов тувинско-монгольского приграничного сообщества.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-46-170004.

Ключевые слова: приграничные сообщества, граница, трансграничные территории, тувинско-монгольский участок, преступность, правовые процессы.

T.M. Oidup,
Candidate of Sociology, Academic Secretary of the Tuva Institute of Complex Development of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kyzyl, ph.: +79133426262, (394442)66262, e-mail: tana_o@mail.ru

STUDY OF THE LEGAL IDENTITY OF THE TUVA-MONGOLIAN BORDER COMMUNITY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the results of the sociological study of the opinion of the residents of the Tuva-Mongolian border community in Tuva and Mongolia territories on the problems of the legal culture of the population, the level of delinquent behavior and the legal identity of the residents. Three groups of respondents, representatives of the Tuva-Mongolian border community, having different knowledge of the role and tasks of the state border are considered as the object of the study. The subject is the influence of these groups on the legal identity of border territories. The aim of the article is to explore the features of the legal identity of the Tuva-Mongolian community. We highlight three groups of respondents who support a particular point of view: state-minded persons, nihilists and a group of well-wishers. Hypothetically, it has been suggested that legal identity is formed depending on the number of supporters of a group. The study revealed the attitude of the three groups towards cross-border offences, based on which we arrived at a conclusion that, in general, the level of cross-border crime was low, but that the population on both sides of the border assessed its level of protection by law enforcement agencies differently. Mongols feel more protected than Tuvian respondents, with nihilistic respondents feeling more unprotected. The issue of preventing and reducing crime in border areas was raised. In the course of the study, we obtained scientifically based data that contribute to understanding the legal identity of the border communities of the Tuva-Mongolian site, developing specific practical measures to solve conflict issues. And we also received confirmation of the conceptual foundations of the theory of sociology of the space by G. Zymmel that the border as a sociological fact, which took a spatial form, is determined by the border community. There is one border between Tuva and Mongolia, but despite this, the inhabitants of the neighboring territories have different views on most issues, which may be diametrically opposite. Each side has its own understanding of the legal norms, border, offences and all other elements of the legal processes of the Tuva-Mongolian border community.

Keywords: border communities; border; Transboundary territories; the Tuva-Mongolian site; crime; legal processes.

Приграничная территория – это не только некая площадь одной страны, которая имеет общую границу с некой площадью другой страны со своим населением и набором природно-ресурсных и социально-экономических отличий. «Практически все исследователи границ и приграничных территорий, вне зависимости от фокуса исследования, отмечают особый статус приграничья, отделяя его от остального пространства национального государства и наделяя особыми значениями [1; 11-22, 2; 107-113, 3; 3-6]. Уникальность приграничья связывается, с одной стороны, с близостью соседнего государства, с другой – с некоторой изолированностью территории» [4; 492].

На наш взгляд, под приграничными территориями следует понимать, в первую очередь, общность людей, которая проживает на данных площадях по обе стороны границы, которую Г. Зиммель,

основоположник социологии пространства, и указывал в качестве объекта изучения. «Граница – это не пространственный факт с социологическим действием, но социологический факт, который принимает пространственную форму... Хотя эта линия всего лишь обозначает различие отношения между элементами одной сферы и другой...» [5; 314, 6]. При этом Г. Зиммель подчеркивает, что пространство не является определяющим фактором, а общество и взаимодействие между его членами образуют ту уникальную форму, которая независимо от места расположения могла бы сформироваться в любом другом месте. «Но в некоторых случаях пространственная форма оказывается особенно важна для рассмотрения социальных явлений. Это происходит в том случае, если в конструировании «формы совершения общества» пространственный аспект выступает как первостепенный момент. Одним из примеров может служить так называемая «исключительность пространства». Вполне сходные в прочих отношениях вещи могут различаться именно потому, что занимают разные места в пространстве. Причем некоторые социальные образования могут быть так крепко спаяны со своим пространством, что для других места на том же пространстве уже не остается. Таково государство, исключающее на своей территории другие государства» [5; 314]. Таким образом, граница как социологический факт, принявшая пространственную форму, определяется приграничным сообществом. Предметная область исследований приграничного сообщества может быть представлена элементами, которые характеризуют сами сообщества, их внутреннее наполнение, а также внешние точки соприкосновения с другим сообществом: социально-демографические, экономические, природно-географические, политические, правовые, экономические, культурные, военные и другие вопросы взаимодействия. Наполнение приграничного пространства зависит не только от самого пространства, но и от влияния самого сообщества на данное пространство.

Приграничное сообщество тувинско-монгольского пространства с 2010 по 2017 гг. получило принципиально новое основание для расширения дружественных связей. Во-первых, с 1 января 2015 г. был отменен визовый въезд для граждан Монголии и России, что упростило пересечение границы для жителей приграничных кожуунов Тувы и аймаков Монголии, существенно увеличился поток туристов, малых и средних предпринимателей с обеих сторон. Во-вторых, по инициативе обеих стран ведется активная работа по расширению экономических связей, развитию транспортной инфраструктуры и во многих других сферах. Таким образом, мы гипотетически предполагаем, что произошли изменения в сознании жителей тувинско-монгольского приграничья в понимании самого пространства, процессов, происходящих в нем, и роли приграничного сообщества. «Углубление внешнеэкономических связей, усиление процессов интеграции способствуют как изменению роли государственной границы, так и переосмыслению статуса приграничных территорий. Из барьера, разделяющего государства и людей, граница становится ресурсом развития, а приграничные территории превращаются в контактные зоны с интенсивными экономическими, социальными, культурными связями, где формируются специфичные трансграничные пространства и институты» [7; 130-144]. При этом в основе любых приграничных связей лежат как правовые нормы каждой из сторон, так и международные нормы. Соблюдение правовых норм является гарантом спокойствия на любом участке государственной границы.

В общественном сознании можно выделить три общепринятых точки

зрения в отношении правовых норм – законов, правил и различных правовых ограничений, которые можно перенести и на отношение к государственной границе, являющейся, по сути, тоже ограничением. Первая отражает точку зрения сторонников сильного независимого государства, принимающих верховенство закона: «Государственная граница – это надежная, непреступная крепость». Вторая – это позиция сторонников нигилистического отношения к законам и правилам: «Государственная граница – это линия, которая существует только на карте, в жизни границ нет», причем нигилистически настроены могут быть по двум причинам: либо потому что сами склонны нарушать закон, либо потому что видят и уверены, что закон не исполняется в том виде, в каком он заявлен априори. Третья точка зрения «граждан мира», что Земля – это общий дом, мой дом – это твой дом: «Государственная граница – это дверь в доброжелательный дом». Таким образом, мы выделяем три группы респондентов, которые поддерживают ту или иную точку зрения: группа государственников, группа нигилистов и группа доброжелателей. Фиксация принадлежности респондентов к той или иной группе – это не только выражение респондентами своего мнения на конкретный вопрос, а еще и то, что через призму отношения к границе формируется понимание правового самоопределение респондентов.

Объектом нашего исследования являются представители тувинско-монгольского приграничного сообщества, имеющие различное представление о роли и задачах государственной границы. Предметом выступает влияние данных групп на формирование правовой идентичности приграничных сообществ.

Цель – исследовать особенности правовой идентичности тувинско-монгольского сообщества. Задачи: во-первых, проанализировать, как респонденты из трех групп оценивают фактор границы и систему прохождения через нее, во-вторых, выяснить отношение трех групп к вопросам правонарушений, в-третьих, определить, какие меры необходимо внедрить для улучшения правового климата. В качестве методов исследования мы использовали методологический аппарат социологических исследований. В 2010 и 2017 гг. был проведен опрос населения на основе стандартизированной анкеты. Для удобства респондентов анкеты для тувинских и монгольских респондентов были переведены на тувинский и монгольский языки.

Объект исследования. Три точки зрения мы сформулировали в виде высказываний и предложили их выбрать нашим респондентам. Выбор респондентов распределился следующим образом: первая точка зрения оказалась наиболее популярной: «Государственная граница - это надежная, непреступная крепость», на втором месте – «Государственная граница – это дверь в доброжелательный дом», и на третьем месте – позиция формального отношения к существующим границам (таблица 1).

Сопоставляя результаты ответов тувинцев и монголов за 2010 и 2017 гг., мы отметили увеличение сторонников сильного государства с сильными границами, как среди тувинцев, так и монголов. При этом доля монголов выросла в два раза. И этот рост произошел за счет нигилистически настроенных респондентов. Число приверженцев третьей позиции среди тувинцев не изменилось, доля монголов сократилась. Таким образом, наблюдается тенденция усиления восприятия государственной границы как сильной, надежной, непреступной крепости, за которой находится сильное, надежное государство, способное защитить своих граждан от внешних угроз, с одной стороны, а с другой стороны, образ сильного государства влияет и на правосознание граждан, ограничивает их в совершении

Таблица 1

Мнение респондентов о государственной границе, %

	2010 г.		2017 г.	
	Тувинцы	Монголы	Тувинцы	Монголы
Государственная граница – это надежная, непреступная крепость	46,3	26,1	53,3	45,7
Государственная граница – это линия, которая существует только на карте, в жизни границ нет	16,5	19,3	13,9	7,4
Государственная граница – это дверь в доброжелательный дом	21,3	28,4	21,8	25,9
Затрудняюсь ответить	15,9	26,1	10,9	21,0

противоправных действий. Респонденты, которые выбрали этот вариант ответа, сами выступают основой стабильности и спокойствия на приграничных территориях. И рост числа респондентов-государственников свидетельствует о движении к стабильности и спокойствию на приграничных территориях тувинско-монгольского участка.

Вариант ответа «Государственная граница – это дверь в доброжелательный дом» – второй по популярности ответ, он остается практически неизменным за анализируемый период, что указывает на сохранение дружественных, доброжелательных настроений на трансграничных территориях. Респонденты, выбравшие этот вариант, обеспечивают добрососедские отношения двухстороннего взаимодействия.

«Государственная граница – это линия, которая существует только на карте, в жизни границ нет» — вариант ответа, который, согласно нашему предположению, близок респондентам, рассматривающим законы в качестве ненужных ограничителей их личной свободы, а граница – понятие условное, которое не ограничивает их движений в различных направлениях. Динамика ответов как тувинских, так и монгольских респондентов свидетельствует о сокращении нигилистических настроений по обе стороны границы, но все же данное настроение присутствует. Эта группа наиболее склонна к правонарушениям, незаконному пересечению границы и другим противоправным действиям. А вот насколько глубоко укоренились нигилистические настроения и могут ли они в реалиях тувинско-монгольского приграничья повлиять на другие процессы, мы проанализируем в нашей статье. Во-первых, выявим общую картину о правовом процессе на приграничных территориях Тувы и Монголии; во-вторых, получим сведения о том, какие правовые настроения наиболее актуальны на данных территориях, существует ли угроза дестабилизации обстановки, развитию конфликтных ситуаций, в-третьих, рассмотрим, какие инструменты, институты и методы необходимо применить для дальнейшего выстраивания правового процесса.

Фактор «граница»

В первую очередь, необходимо выяснить отношение респондентов к самому факту проживания возле границы, какое влияние оказывает государственная граница на повседневную жизнь респондентов. Положительное влияние ощущают 42,4% тувинцев и 79,0% монголов. Для 6,1% тувинцев и 2,5% монголов близость госграницы оказывает отрицательное воздействие. 44,2% респондентов из Тувы не видят влияния

госграницы на свою жизнь, такого же мнения придерживаются 13,6% монголов. Распределение ответов связано со степенью вовлеченности респондентов в трансграничные процессы (торговлю, межэтнические связи и т.п.), а также зависит от возможных проявлений преступности со стороны жителей соседних приграничных территорий.

Проанализировав данные из таблицы сопряженности, которую мы составили на основе опроса населения 2017 г., можно сказать, что большинство монгольских респондентов из всех трех групп ощущают положительное влияние границы на свою жизнь. У тувинских респондентов мнение разделилось. Так, больше всего респондентов, которые ощущают положительное влияние государственной границы, среди сторонников законов и сильного государства. Среди нигилистической и дружественной групп такой оценки придерживаются 30-40% ответивших респондентов. Отсутствие какого-либо влияния, и это хорошо видно по процентному соотношению, ощущает в наибольшей степени на себе группа дружественно настроенных респондентов. Негативное влияние границы на свою повседневную жизнь в основном ощущают на себе нигилистически настроенные респонденты. Таким образом, большинство граждан, проживающих в непосредственной близости от государственной границы, положительно оценивают влияние границы на свою повседневную жизнь. Но при этом всё же отметили отрицательное влияние нигилистически настроенные респонденты.

Сравнивая результаты ответов за 2010 и 2017 гг. на вопрос о степени укрепленности государственной границы, можно отметить положительную динамику в ответах. Так, например, если в 2010 г. 52,4% тувинцев и 53,4% монголов выбрали положительный ответ, то в 2017 г. таковых стало 60,6% и 60,5%, соответственно.

Во всех трех группах, как среди тувинцев, так и среди монголов, больше половины ответивших уверены, что государственная граница между Тувой и Монголией хорошо укреплена. Таким образом, у большинства жителей приграничья, какую бы точку зрения они ни разделяли, есть ощущение, что государственная граница под надежным «замком». Причем «замок» настолько сильный, что граждане предлагают внести изменения в систему прохождения границы, потому что система прохождения через границу устраивает не всех, а именно – снизить количество административных барьеров, сделать вход свободным. Доля тувинцев, выбравших этот вариант ответа, в 2017 г. осталась такой же, как и в 2010-м, а именно – 40,0%. А доля монгольских респондентов за 2017 г. выросла с 53,4% (2010 г.) до 61,7%. Вариант ответа «Все устраивает, ничего менять не надо» в 2017 г. выбрало на 6,2% тувинцев больше, чем в 2010 г., а доля монгольских респондентов сократилась на 2%. При этом как у тувинцев, так и у монголов на несколько процентов сократилось число респондентов, убежденных, что необходимо ужесточить меры прохождения через границу.

Составив таблицу сопряженности по двум переменным: «Вас устраивает существующая система прохождения через границу?» и «Какое высказывание Вам наиболее ближе?», мы увидели, что монгольских респондентов всех трех групп беспокоит вопрос о чрезмерном контроле при прохождении границы, они выбирают вариант о снижении бюрократических процедур и предлагают сделать вход свободным. У тувинских респондентов нет такого единодушия во взглядах. Так, например, о снижении барьеров высказались сторонники дружественных отношений, что вполне логично, а также государственники, что, на первый взгляд, нелогично, т.к. ожидается, что сторонники крепкой границы будут выступать

за усиление контроля. Однако такие ответы имеют под собой более сильные позиции, поскольку респонденты-государственники настолько уверены в неприступности рубежей и силе своей страны, что вполне допускают вариант о послаблении системы контроля при прохождении государственной границы. Точно так же нелогично выглядят ответы нигилистически настроенных респондентов, которые меньше, чем представители других групп, выбирают вариант ослабления контроля, но доля желающих все оставить без изменений больше, чем в других группах респондентов тувинцев. Это свидетельствует, на наш взгляд, о низком доверии к государству и преобладании мнения о том, что даже при послаблениях в системе контроля перемен не будет, поэтому лучше оставить все как есть. А ситуацию, когда высока доля желающих все изменить в группе нигилистов, можно было бы рассматривать как индикатор наличия настроений на перемены более активными действиями.

Таким образом, проанализировав, как респонденты из трех групп оценивают фактор границы и систему прохождения через нее, можно заключить, что, во-первых, монголы всех трех групп рассматривают фактор границы более позитивно, чем тувинцы, больше видят положительного влияния на свою повседневную жизнь, что говорит о большей вовлеченности монгольских респондентов в приграничное взаимодействие, они используют «ресурс границы» в своих целях, видят перспективы для дальнейшего сотрудничества; во-вторых, по мнению соседних сторон, государственная граница надежно укреплена, с этим соглашается и нигилистически настроенная группа; в-третьих, систему пересечения границы следует ослабить либо оставить все как есть.

Вопросы правонарушения

Криминогенная обстановка в приграничных районах с обеих сторон границы складывается поразному. Приграничные кожууны Республики Тыва занимают одни из первых мест по уровню зарегистрированной преступности. Так, например, Эрзинский и Овюрский районы на 2-м и 3-м местах, а Тес-Хемский – на 7-м месте из числа 17 кожуунов республики. В Монголии – 22 аймака, из которых Увс аймак – на 18-м и Завхан аймак – на 20-м местах по числу зарегистрированных преступлений в расчете на 10 тыс. населения в 2016 г.

В таблице 2 представлены данные по числу зарегистрированных преступлений на 10 тыс. человек с 2012 по 2016 гг. Во всех анализируемых приграничных районах Тувы с 2012 г. число преступлений возрастает, а в монгольских аймаках – сокращается. Так, в Овюрском кожууне прирост составил 53%, в Тес-Хемском – 18%, в Эрзинском – 5%. В приграничных аймаках Монголии за период с 2012 по 2016 гг. произошло сокращение: в Завхане – сразу на 27%, в Увс аймаке – на 6%.

Таблица 2

Число зарегистрированных преступлений на 10 000 человек населения, ед. [8]

Кожууны/ Аймаки	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Место, занимаемое в республике/стране 2016 г.
Овюрский	108	131	137	123	165	3
Тес-Хемский	171	142	161	244	202	7
Эрзинский	153	138	140	177	160	2
Завхан	78	66	69	70	57	20
Увс	70	75	80	77	66	18

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «В отношении кого больше всего совершаются преступления в районе Вашего проживания», %

	2017 г.	
	Тувинцы	**Монголы**
Преступления против жителей своего района	23,0	28,4
Преступления против жителей другого района	4,8	1,2
Преступления против приезжих	7,3	11,1
Преступления против жителей соседней страны	1,8	1,2
Затрудняюсь ответить	63,0	58,0

По количеству преступлений тувинские районы в 2 или 3 раза опережают монгольские. При этом стоит отметить, что эти сведения носят общий характер, без конкретизации по видам преступлений и против кого они были совершены, против жителей района, против приезжих или граждан соседней страны. Такие сведения нам не удалось получить от правоохранительных органов. Но мы предложили ответить респондентам, как они считают, каких преступлений больше совершается в районе их проживания. Ответы распределись следующим образом (таблица 3).

Больше половины опрошенных тувинцев и монголов затруднились при выборе ответа на вопрос о том, каких преступлений больше совершается в данном районе. Такая высокая доля затруднившихся, по нашему мнению, свидетельствует об отсутствии информации по данному вопросу. При наличии громких резонансных дел или большого количества преступлений, особенно против жителей соседней страны, распределение ответов было бы другим. Оставшиеся ответы распределились следующим образом: 23,0% тувинцев и 2,4% монголов полагают, что больше всего преступлений совершается против жителей своего района; 7,3% тувинцев и 11,1% монголов выбрали вариант ответа «преступления против приезжих»; 4,8% тувинцев и 1,2% монголов – «преступления против жителей другого района»; 1,8% тувинцев и 1,2% монголов полагают, что в районах, где они проживают, больше всего совершается преступлений против жителей соседней страны. На вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с преступными действиями со стороны тувинцев либо монголов», большая часть респондентов по обе стороны границы ответили отрицательно, причём в 2017 г. доля выбравших ответ «нет, не приходилось» выросла в среднем на 10%, по сравнению с 2010 г.

Сравнив ответы монголов и тувинцев по вопросу оценки уровня защищенности, которую обеспечивают правоохранительные органы, можно сказать, что монгольские респонденты больше чувствуют себя защищенными от проявлений преступности, нежели тувинцы. Разброс в ответах о степени защищенности от проявлений преступности подтолкнул нас к вопросу о том, как ответили представители трех групп. Практически одинаковый результат по трем группам получил ответ «некоторая защита все же обеспечивается». Остальные ответы существенно отличались. Так, например, нигилистически настроенных респондентов примерно в 4 раза меньше, чем государственников и доброжелателей. При этом нигилисты в большей степени убеждены, что

защита совершенно не обеспечивается, их доля превышает долю аналогично считающих государственников и дружественно настроенных респондентов примерно в 6 раз. Таким образом, в целом уровень трансграничной преступности низкий, но население по обе стороны границы по-разному оценивает уровень своей защищенности, которую обеспечивают правоохранительные органы. Монголы чувствуют себя более защищенными, чем тувинские респонденты, при этом менее защищенными ощущают себя нигилистически настроенные респонденты.

Меры по улучшению ситуации

Правовые процессы приграничных территорий, как было сказано выше, представляют собой разновидность социальных процессов, а именно – определенную последовательность изменений социальных систем и составляющих их элементов. Правовым процессом можно управлять, разрабатывать алгоритмы действий для его оптимизации, но для этого нужно знать и понимать, куда необходимо направить внимание. Решить этот вопрос помогают социологические исследования, призванные научными методами получить достоверную информацию от участников процесса. Так, в ходе нашего исследования респондентам был предложен открытый вопрос: «Что, на Ваш взгляд, необходимо предпринять властям России и Монголии, чтобы снизить на границе уровень преступности?». Большинство респондентов затруднились с формулировкой ответа либо посчитали, что на данный момент задействованы все необходимые средства. Однако были и респонденты, которые, несмотря на все усилия обеих сторон – России и Монголии – в вопросах приграничной преступности, видят слабые места и предложили свои варианты.

Так, у тувинских респондентов наиболее часто встречающимся ответом стали предложения по усилению профилактических мер, а именно – пропаганда и профилактика правонарушений, разъяснение законов. На втором месте - развитие дружеских связей, общения. На третьем – ужесточение системы наказания, активизация работы со скотокрадами. В двух ответах был предложен набор инструментов, который поможет решить проблему: «Пограничникам больше по границе с собаками ходить, побольше квадрокоптеров», «Чипы на скот, чтобы чипование было доступно для простого животновода» (в редакции респондентов).

В предложениях и пожеланиях монгольских респондентов самыми распространенными оказались меры по ужесточению системы контроля прохождения границы, охраны рубежей, наказания за преступления, а в особенности – за скотокрадство. Кроме того, ужесточение самих законов, повышение штрафов. Также монголы предлагают и другие инструменты для решения проблемы, например, «установить камеры наблюдения на границе». Меры по развитию дружественных отношений между приграничными жителями встречаются в трех анкетах, а профилактика правонарушений, разъяснение законов – всего один раз.

Таким образом, мы видим, какие, по мнению респондентов, существуют основные проблемные места, которые нужно решить. При этом каждой из сторон отдаются свои приоритеты. По мнению тувинских респондентов, для профилактики правонарушений необходимо проводить больше разъяснительных мероприятий с населением, доносить нормативно-правовую информацию в более доступной для простого населения форме. Такая потребность вызвана трудностями перевода. Дело в том, что мало людей читают законы. Ситуация усугубляется еще и тем, что все законы Российской Федерации публикуются на русском языке, а найти необходимые федеральные законы на тувинском языке в свободном доступе в сети Интернет или

в продаже не представляется возможным. Кроме того, в последние годы наблюдается усугубление негативной тенденции снижения уровня владения русским языком среди тувинского коренного населения. Эта тенденция имеет прямую зависимость от территориального удаления от столицы республики – г. Кызыла: чем дальше от центра, тем степень владения русским языком понижается, а приграничные районы – это самые удаленные точки региона.

В Монголии не возникает трудностей перевода, т.к. страна говорит на одном языке, поэтому у них это предложение по разъяснительным мероприятиям с населением не получило большой поддержки. Зато у них актуальны вопросы скотокрадства, незаконного пересечения границы. В ответах нет уточнения, с какой именно стороны границы идет незаконное пересечение, но, следуя логике, можно предположить, раз население именно монгольского приграничья сильно обеспокоено данным вопросом, то, скорее всего, границу пересекают тувинцы, которые и воруют скот. Это предположение основано на результатах опроса, и, к нашему сожалению, его невозможно подтвердить данными официальной статистики, поскольку подобные сведения относятся к государственной тайне и не могут быть обнародованы. Эту проблему можно выявить и осветить, используя, в частности, методы экспертного опроса, контент-анализа, которые не были запланированы в ходе проведения данного исследования, но будут использоваться в дальнейших исследованиях этой проблемы.

Выводы. Цель исследования – раскрыть особенности правовой идентификации тувинско-монгольского приграничного сообщества – достигнута. В ходе исследования мы получили научно обоснованные данные, которые способствуют пониманию правовой идентификации приграничных сообществ тувинско-монгольского участка государственной границы, выработке конкретных практических мер для решения конфликтных вопросов, снижения напряженности. А также мы получили подтверждение концептуальным основам теории социологии пространства Г. Зиммеля о том, что граница как социологический факт, принявший пространственную форму, определяется приграничным сообществом. Между Тувой и Монголией – одна граница, но, несмотря на это, жители соседних территорий имеют по большинству вопросов различные точки зрения, которые могут быть диаметрально противоположными. Каждая из сторон имеет собственное представление о правовых нормах, о границе, правонарушениях и обо всех прочих элементах правовых процессов тувинско-монгольского приграничного сообщества.

Примечания:

1. Бийжанова Э.К. Приграничье как объект исследования // Вестник Института социологии. 2014. № 4 (11). С. 11-22.

2. Рыжова Н.П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1 (13). С. 107-113.

3. Базаров Б.В. Приграничье Сибири и Восточной Азии: взаимодействие в условиях вызовов XXI в. // Власть. 2009. № 4. С. 3-6.

4. Бредникова О.Е. Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2008. Вып. 4. С. 492-497.

5. Филиппов А.Ф. Релятивистская социология Георга Зиммеля // История теоретической социологии: в 4 т. / отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. Москва: Канон,

1998. Т. 2, разд. 3: Антинатуралистическая волна в науках о культуре и социологической теории. Гл. 2. С. 282-318.

6. Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. Москва: Юрист, 1996. 607 с.

7. Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск – Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 130-144.

8. Социально-экономические показатели городских округов и муниципальных районов Республики Тыва в 2016 году. Кызыл, 2017. С. 58; Данные Статистической информационной службы Монголии. URL: http://www.1212.mn.

References:

1. Biyzhanova E.K. Borderland as an object of research // Bulletin of the Institute of Sociology. 2014. No. 4 (11). P. 11-22.

2. Ryzhova N.P. Processes of regional integration in the Russian-Chinese borderland // Bulletin of Volgograd State University. Ser. 4: History. Area Studies. International relationships. 2008. No. 1 (13). P. 107-113.

3. Bazarov B.V. The borderland of Siberia and East Asia: interaction in the face of challenges of the 21st century // Power. 2009. No. 4. P. 3-6.

4. Brednikova O.E. Borderland as a social phenomenon (directions of sociological conceptualization) // Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 12. 2008. Iss. 4. P. 492 (492-497).

5. Filippov A.F. Relativistic sociology of Georg Simmel // History of theoretical sociology: in 4 vols / ex. ed. and comp. by Yu.N. Davydov. M.: Kanon, 1998. Vol. 2. Section 3: The anti-naturalistic wave in the sciences of culture and sociological theory. Ch. 2. P. 282-318. P. 314.

6. Simmel G. Selected Works. Vol. 2. Contemplation of life. M.: Yurist, 1996. 607 pp.

7. Simutina N.L., Ryzhova N.P. Economic and social interactions on the transboundary space of Blagoveshchensk – Heihe // DVO RAS Bulletin. 2007. No. 5. P. 130-144.

8. Socio-economic data of urban districts and municipalities of the Republic of Tyva in 2016. Kyzyl, 2017. P. 58; Data of the Statistical Information Service of Mongolia [Electronic resource]. Access mode: http://www.1212.mn.

УДК 316.624.3
ББК 60.524.258
П 39

В.В. Плотников,
доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79184999953, e-mail: sociometriya@mail.ru

А.Р. Каспаров,
кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79182111439, e-mail: mr.kasparov.01@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРАХ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

(Рецензирована)

Аннотация. В статье подробно раскрываются социальные основания возникновения экстремистской угрозы. Специфика авторского подхода к решению данной проблемы заключается в анализе закономерностей функционирования основных социальных институтов в условиях трансформационных процессов, протекающих в современном обществе. Исследуемая проблематика рассматривается с позиции феноменологической социологии. В этой связи экстремизм представляется как проявление системных противоречий трансформирующегося общества. Авторы признают необходимость реагирования на симптоматические явления, однако указывают на необходимость противодействия причинам экстремистской угрозы. Опираясь на социоструктурный и функционалистский подходы, авторы демонстрируют институциональные основания экстремизма как социального явления. В этом ключе социальная система представляется как постоянно меняющаяся, неоднородная структура, подверженная внешним и внутренним динамическим процессам. Накопленные в процессе трансформации противоречия становятся реальными факторами возникновения экстремистской активности. Вместе с тем, одна из основных проблем состоит в том, что в современном дискурсе экстремизм представлен как самостоятельный процесс, а не явление (проявление структурных функциональных противоречий). Авторы предлагают пути противодействия экстремизму. Во-первых, через поддержание деятельности правоохранительных структур как путем определения потенциально опасных видов социальной деятельности, к числу которых с необходимостью относится экстремистская деятельность, так и посредством повышения корректного контакта с общественными институтами и конкретными гражданами. Также обращается внимание на адекватную организацию учебно-воспитательного процесса в рамках образовательных учреждений через воспитание в среде населения правовой и политической грамотности, а также через активизацию процесса формирования у обучающихся адекватного понимания социальной реальности в рамках существующей общественной системы. Кроме того, авторы подчеркивают существенное значение в противодействии тенденциям экстремизма развития института науки, что предполагает системный анализ социальной ситуации и развернутый мониторинг основных социальных проблем. Необходимо специальное исследование проблематики экстремизма на уровне всех отраслей социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: экстремизм, дисфункция, гиперфункция, социальный институт, государство, общество, институциональные противоречия.

V.V. Plotnikov,
Doctor of Sociology, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79184999953, e-mail: sociometriya@mail.ru

A.R. Kasparov,
Candidate of Sociology, Senior Lecturer of the Department of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: 79182111439, e-mail: mr.kasparov.01@mail.ru

ON THE SOCIAL FACTORS OF EXTREMISM

Abstract. The article describes the social grounds for the emergence of an extremist threat. The specificity of the author 's approach to solving this problem lies in the analysis of the patterns of functioning of the main social institutions in the conditions of transformational processes taking place in contemporary society. The issues under study are considered from the position of phenomenological sociology. In this regard, extremism is seen as a manifestation of the systemic contradictions of a transforming society. The authors recognize the need to respond to symptomatic events, but point to the need to counter the causes of the extremist threat. Based on a sociostructural and functionalist approach, the authors demonstrate the institutional foundations of extremism as a social phenomenon. In this vein, the social system is presented as a constantly changing, heterogeneous structure, subject to external and internal dynamic processes. The contradictions accumulated during the transformation process become real factors in the emergence of extremist activity. At the same time, one of the main problems is that in modern discourse extremism is presented as an independent process, rather than a phenomenon (manifestation of structural functional contradictions).

Keywords: extremism, dysfunction, hyperfunction, social institution, state, society, institutional contradictions.

Актуальность исследования институциональных оснований возникновения различных проявлений экстремизма обусловлена социально-трансформационными процессами, протекающими в современном обществе и создающими предпосылки усиления экстремисткой угрозы. Мы полагаем, что экстремизм существует как явление, а следовательно, *проявляет* себя в социальной реальности. Тем самым имеет смысл говорить о социальных факторах проявления экстремизма. Одновременно существует комплекс социальных противоречий, не являющихся экстремизмом по содержанию, но когда они дают о себе знать, *проявляют* – появляется вероятность возникновения экстремистской угрозы. Учитывая непростую социально-политическую ситуацию, полагаем актуальным исследование социальных факторов экстремизма.

В качестве ведущей характеристики социальной системы выступает высокая динамика протекания процессов. Обратной стороной этой особенности становится интенсификация кризисных тенденций. Концепция социальной аномии приобретает новое значение в мире, подверженном непрерывной трансформации. Общество, будучи саморегулирующейся системой, адаптируется к внешним и внутренним изменениям. Адаптация требует, с одной стороны, определенного времени на перестроение, с другой – существенных ресурсов.

Объект настоящего исследования – экстремизм как социальный феномен, предмет – дисфункция и гиперфункция социальных институтов в локальных системах как факторы экстремизма. Под дисфункцией понимается недостаточная реализация функциональной

определенности социального института, под гиперфункцией – переразвитие функционального потенциала социального института с перекрытием функциональной определенности других социальных институтов. В качестве предметно исследуемого социального института мы, в первую очередь, рассматриваем институт образования.

Теоретико-методологическое основание проведенного исследования составляют важнейшие принципы одного из направлений социологии – институционального функционализма, разработанного такими авторами, как Р. Мертон [1] и Т. Парсонс [2]. Данный подход подкреплен пониманием современного общества как трансформирующейся системы, представленной глобально и локально, а также проявленной феноменологически. Опора на феноменологическую методологию в анализе представленности проблемы экстремизма в СМИ производилась по аналогии с моделью репрезентации восприятия, описанной в монографии «Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства» [3].

В качестве практического метода выбран контент-анализ, который позволил подкрепить теоретические выводы практическими основаниями.

Обозначим общую ситуацию состояния современного социума в контексте отражения экстремизма в общественном сознании. Скорость социальных изменений такова, что в ряде случаев процесс адаптации индивидов и социальных групп к изменяющимся социальным условиям осуществляется с запозданием, а результаты адаптивных процессов становятся неактуальными по факту их завершения. Общество реагирует на непосредственный негативный раздражитель, но не на его основания, в таком случае имеет место бесконечная борьба социума с возобновляющимися социально-деструктивными процессами, отсутствует возможность конструктивного разрешения проблемы. И так обстоят дела с реакцией общества на проявление экстремизма. В связи с этим противодействие экстремизму существующими методами проблематично.

Основания проявления экстремизма сохраняются, тогда как к каждому из его проявлений приходится адаптироваться отдельно. Подобная тенденция приводит к тому, что одна проблема порождает множество последовательных перестроений общественной структуры, при этом сохраняя свой деструктивный потенциал.

Элиминация экстремизма, будучи точечным процессом, направленным на сферу его проявления, не приводит к ощутимому конструктивному сдвигу.

На данном этапе необходимо опредметить количественный масштаб представленности экстремизма в обществе. Тенденция, прослеживаемая на уровне числа правонарушений экстремистской направленности, достаточно тревожна: по официальным данным, за период с 2004 г. среднее число зафиксированных экстремистских преступлений за год выросло более чем в семь раз [4].

Экстремизм как объект научного исследования с каждым годом приобретает все большую популярность. Он становится междисциплинарным предметом изучения, что позволяет рассмотреть и теоретизировать различные его факторы.

Контент-анализ сообщений в СМИ свидетельствует о повышении внимания к экстремизму. Увеличивается число медиаупоминаний. Однако за количеством зачастую скрывается потеря качества. Частота использования термина «экстремизм» в научной литературе также растет. При запросе «экстремизм» в таком авторитетном ресурсе, как «Киберленинка», поисковая система выдает более семи тысяч совпадений. При запросе «экстремизм»

в базе данных электронной библиотеки диссертаций «disserCat» получаем также колоссальный объем совпадений (более четырех тысяч).

Несмотря на столь внушительный объем исследований, упоминающих экстремизм, на сегодняшний день проблема только усугубилась. Вышеизложенное свидетельствует о наличии пропасти между теорией и практикой, а также о росте числа «фоновых» упоминаний, скорее размывающих понятие, нежели решающих реальные социальные противоречия.

Вопрос предпосылочности экстремизма в значительно меньшей степени разработан, нежели квалификация проявленных форм. Это относится и к СМИ, и к специализированным научным изданиям.

Остается констатировать, что существующие на данный момент концепции не исчерпывают проблемное поле и в большинстве случаев относятся к смежным специальностям, освещая частные аспекты экстремизма.

Противодействие экстремизму на современном уровне некорректно в плане своей объектности. Будучи перенесенным на область проявления экстремизма, оно требует затраты существенных ресурсов, однако способствует достижению лишь промежуточных результатов, нивелируемых новыми проявлениями социальной деструктивности. Очевидно, что борьба с экстремизмом требует выявления его сущностных оснований.

Важность непосредственной силовой реакции на экстремизм безусловна. Но вместе с тем необходимо формирование такой системы противодействия, которая учитывала бы причинность экстремизма, что требует разработки обширной теоретической базы, раскрывающей его сущность как явления, а также основные механизмы и факторы его развития.

Приведем пример взаимосвязи функциональных нарушений основных социальных институтов в приложении к проблеме экстремизма.

По мнению авторитетных исследователей, «нарушения в функционировании института семьи имеют различную степень динамики по отношению к основным социальным институтам. Наиболее динамичным является воздействие на экономическую сферу, связанное с изменением трудовых ресурсов и уровня потребления. Воздействие социальной дисфункции семьи на институт образования реализуется менее интенсивно, что зачастую связано с существенным временным интервалом от рождения ребенка и до начала его организованной образовательной деятельности. Вместе с тем отдельные последствия внутренней дисфункции института семьи проявляются практически мгновенно: так, например, давление на ребенка в вопросе выбора специальности может привести к снижению общей эффективности его образования, а усложнение положения семьи – к ухудшению условий учебной деятельности. Влияние дисфункции института семьи на институты права и религии носит долговременный характер и связано с процессом социализации ребенка в семье. Также немаловажен демографический аспект дисфункции института семьи, определяющий долгосрочную перспективу состояния общества» [5; 132]. Применительно к проблематике экстремизма отметим, что разрушение семейных ценностей толкает молодежь на поиск альтернативной системы социализации. Такими системами выступают различные субкультуры, в том числе противоправного характера. Угрозообразующим фактором здесь является социализация посредством сети Интернет.

Одним из существенных условий возникновения экстремизма в обществе является социальный конфликт между определенной социальной группой и государством. При этом либо он должен не иметь

разрешения на уровне законных средств воздействия на представителей власти, либо данные средства должны отрицаться субъектами экстремистской деятельности. На этом уровне актуализируется важный теоретический аспект проблемы: экстремизм как явление не имеет достаточного основания на уровне общественной структуры, на уровне ситуации, когда не существует альтернатив существующему государственному порядку. При этом имеет место серьезный момент символизма: субъекты экстремистской активности зачастую рассматривают себя институционально, в качестве носителей альтернативного социального порядка. Не менее важен и другой символический аспект – отождествление государственной структуры, правоохранительных органов и даже населения с существующим и негативно воспринимаемым социальным порядком, в результате чего становятся допустимыми такие средства борьбы, как насилие, проведение террористических акций, физическое устранение представителей властных структур и т.д. При этом важно, что возникновение экстремизма как организованного явления предполагает, по сути, существование организованной социальной структуры, на уровне которой реализуется методология противодействия государству и активное социальное целеполагание. И здесь реализуется существенный механизм развития экстремистских тенденций: противопоставление государству делает экстремизм, по сути, внешним по отношению к обществу государства явлением.

Иными словами, на уровне противостояния «государство – экстремистская организация» реализуется конфликт между двумя организованными структурами, имеющими самостоятельное значение. В таком виде экстремизм во многом по форме сопоставим с военным конфликтом между двумя государствами, различаясь в методологии и формах протекания противостояния данных структур.

Справедливо было бы в данном случае утверждать, что экстремизм является не столько внутренним явлением общества, сколько формой противодействия его структуре изнутри. Данное уточнение значимо в силу того, что на уровне межгосударственного противостояния также реализуется практика борьбы с государством посредством пропаганды, деятельности, направленной на разрушение его социальных основ, проведения диверсионных действий и т.д. При этом, что существенно, экстремизм как осознанный вид деятельности предполагает либо создание, либо наличие структурной альтернативы существующему социальному порядку. И в данном случае речь идет либо о переносе интересов ограниченной социальной группы на уровень общества в целом, либо заимствование сторонней модели социального устройства, существенным образом отличной от существующей актуально на уровне общества.

В этой связи актуализируется вопрос о природе, и в частности – локализации, экстремистского образования. Источник возникновения и организации экстремистской деятельности может существовать внутри общественной структуры либо являться сторонней силой, заинтересованной в дестабилизации ситуации в обществе.

При локализации экстремистской группы внутри общества приобретает интерес вопрос того, каковы механизмы возникновения на уровне общества социальных прослоек населения, подверженных вовлечению в экстремистскую деятельность. Рассмотрим подробнее данный вопрос с учетом специфики социального самоопределения субъектов общественных отношений.

Общество, в силу сложности организации и наличия внутренних процессов регуляции, представляет собой объединение множества

людей, обладающих различными и подчас противоречащими друг другу интересами. В этом отношении функция общества на этапе его развития не состоит в удовлетворении всех потребностей членов общества. Она заключается в их объединении с целью приобретения возможностей к удовлетворению личных запросов. При этом на уровне общества происходит удовлетворение наиболее важных потребностей индивидов, к числу которых относится обеспечение безопасности, создание условий для обеспечения жизнедеятельности и т.д. Существенным в данном случае является то, что неотъемлемой чертой общественных отношений являются конкуренция отдельных членов общества и конфликтность их интересов. В этом отношении социальная регуляция направлена на разрешение социальных конфликтов посредством регламентации социальных отношений. Необходимым итогом социального процесса в обществе является распределение благ, реализация которого происходит неравномерно. Таким образом, неизбежным моментом социальной реальности является наличие индивидов, по тем или иным причинам не удовлетворенных собственным социальным статусом, материальным положением и т.д. В ряде случаев данный процесс обладает системным характером, что приводит к образованию социальных групп, на уровне которых имеет место высокая степень социальной напряженности. Это является одним из важных условий возникновения экстремизма, однако не единственным.

Экстремизм предполагает не только наличие деструктивной социальной энергии, но также и момент идеологии противостояния существующему социальному порядку. В этом отношении социальная деструктивность, имеющая место на уровне прослоек населения, неудовлетворенных сложившейся ситуацией, требует своего оформления на уровне создания структуры, противопоставляющей себя государственному строю. Речь идет не просто о возникновении условий, способствующих нарушению правовых норм государства. Сопоставление экстремизма и преступности показывает, что даже на уровне организованной преступности основным моментом целеполагания является не разрушение существующего государственного строя, но достижение личных корыстных целей противоправным методом. Экстремизм представляет собой значительно более сложное явление в силу того, что экстремистская деятельность предполагает подчинение субъекта общей цели организации, связанной с разрушением существующего социального строя.

Специфика возникновения экстремизма связана с выходом социальной напряженности на уровень деструктивной активности. При этом сфера интересов экстремистски настроенной группы состоит в преобразовании существующего социального порядка. Совсем иначе дело обстоит в ситуации, когда источник экстремизма локализован вне общества. В данном случае сфера интересов экстремистской организации связана не с оптимизацией социального порядка общества посредством разрушения и перестроения существующего социального порядка, а напротив – с причинением ущерба государству, против которого направлена экстремистская деятельность. В данном случае в качестве заинтересованной стороны может выступить любая организация вплоть до другого государства, чья сфера интересов вступает в конфликт с интересами политической власти государства, на которое направлена деструктивная радикальная деятельность экстремистов. В этом отношении может существовать множество оснований мотивации к разрушению социального порядка в конкретном государстве – от национальной или расовой нетерпимости, религиозных соображений

вплоть до экономических интересов. Существенным в данном случае является то, что деструктивное воздействие на общество оказывается с привлечением его внутренних ресурсов. Иными словами, для организации экстремистской деятельности извне также требуются условия на уровне неблагоприятной ситуации внутри общества. И на этом уровне актуализируется важный аспект проблемы, во многом способствующий выработке адекватных мер по противодействию процессам возникновения очагов экстремизма в обществе: от эффективности социальной регуляции, и в частности – от эффективности диалога между политической властью, существенным образом зависит то, насколько резистентным является общество по отношению к внешней активности, направленной на дестабилизацию ситуации в обществе.

Как было показано выше, возникновение очагов социальной напряженности представляет собой благоприятную почву для возникновения экстремистски настроенных членов общества. Однако, по факту, помимо социальной напряженности, существует широкий ряд факторов, также в существенной мере определяющих возможность или невозможность возникновения на уровне общества очагов экстремизма. Эти факторы имеют непосредственное отношение к эффективности функционирования различных социальных институтов.

Не менее важным в данном случае является поддержание адекватной деятельности правоохранительных структур, что включает в себя несколько важных аспектов. Во-первых, на уровне деятельности правоохранительных структур производится определение потенциально опасных видов социальной деятельности, к числу которых с необходимостью относится экстремистская деятельность. Во-вторых, деятельность правоохранительных органов направлена на поддержание порядка в обществе, что является существенным залогом социальной стабильности. В-третьих, на уровне правоохранительных структур реализуется контакт с рядовыми членами общества, и от корректности и профессионализма работников охраны правопорядка существенным образом зависит отношение населения к государству, уполномоченными представителями которого они являются.

Не менее важной в отношении обеспечения защитных функций государства является адекватная организация учебно-воспитательного процесса в рамках образовательных учреждений. В данном случае речь идет как о воспитании в среде населения правовой и политической грамотности, важность которой в вопросе поддержания социальной стабильности была рассмотрена выше, так и в процессах формирования у обучающихся адекватного понимания социальной реальности в рамках существующей общественной системы.

Также существенное значение в противодействии тенденциям экстремизма имеет развитие института науки, что включает в себя ряд стратегических направлений. Во-первых, речь идет о повышении экономической эффективности государства, что предполагает как адекватную аналитику мировых социальных процессов, так и разработки в ряде сфер производства. Это тем более важно, что в современных условиях развития науки и техники научные исследования занимают ведущее место в развитии эффективного экономического производства. Не менее важным направлением развития науки является анализ социальной ситуации и мониторинг основных социальных проблем. В этом отношении комплексное рассмотрение различных факторов развития общества способствует выработке более оптимальной стратегии развития общественной системы. С учетом системной взаимосвязи

социальных институтов и высокой динамики современных социальных процессов, адекватное и своевременное определение приоритетных направлений социального развития и методологии эффективного решения социальных проблем занимает одно из ведущих мест в процессе организации оптимального функционирования общества. Не менее важным является специальное исследование проблематики экстремизма на уровне социологической, исторической, психологической и других отраслей гуманитарного знания.

Нами были рассмотрены основные направления противодействия условиям возникновения экстремизма в общественной структуре. Вместе с тем на уровне актуально существующего общества уже имеют место ряд фактов экстремистской деятельности, в силу чего приобретает значимость не только пассивное противодействие экстремизму на уровне оптимизации социального процесса, но также активное противодействие экстремистским тенденциям в обществе. Активное противодействие экстремизму включает в себя несколько приоритетных направлений: во-первых, своевременное определение очагов возникновения экстремизма, во-вторых – пресечение экстремистской деятельности на различных уровнях реализации экстремистских тенденций. Рассмотрим подробнее данный аспект защитной деятельности государства.

В рамках правоохранительной деятельности по противодействию экстремизму реализуется не только защита государства как социального института, но также и защита основных устоев общества. В связи с этим к числу экстремистской относится не только деятельность, напрямую направленная против государственной власти и ее представителей, но и социальная активность, противоречащая устоям общества, конституционно принятым правам и свободам. В этой связи на государственном уровне реализуется политика противодействия идеологии, содержащей в себе элемент дискриминации по национальному, расовому или иному признаку. В частности, подвергается запрету и жестким санкциям применение нацистской символики, публичное оправдание национализма и фашизма, их пропаганда, а также публичные высказывания, дискредитирующие отдельные социальные группы.

На этом уровне производятся комплексные меры по противодействию экстремистской пропаганде, а также реализуется ряд санкций, вплоть до лишения свободы, по отношению к лицам, принимавшим участие в экстремистской деятельности. Помимо этого, производится общий мониторинг ситуации в обществе и противодействие информационным процессам, имеющим экстремистский характер. В частности, производится мониторинг основных социальных сетей на предмет наличия материалов, представляющих угрозу для безопасности государства. Своевременное пресечение экстремистской деятельности является одним из важнейших направлений осуществления на уровне государства обеспечения социальной стабильности и безопасности.

Анализируя результаты проведенного рассмотрения, следует отметить, что одним из важнейших аспектов развития экстремизма является характер его социального осознания. И в этом смысле любые факторы, оказывающие влияние на характер формирования социального сознания, могут выступать в качестве оптимизирующей «точки воздействия» на складывающуюся ситуацию. Для иллюстрации значения образовательной сферы в противодействии экстремизму рассмотрим характер отражения экстремизма в социальном сознании членов российского общества.

Специфика отражения экстремизма в социальном сознании детерминирована деятельностью СМИ, посредством которых общество

узнает о существовании социальных явлений.

В 2015 г. в рамках подготовки диссертации «Экстремизм как феномен современной социальной реальности: институциональные, системные и социоструктурные факторы» [6] было проведено исследование общественного мнения об экстремизме, представленное в отечественных СМИ в период с 1 января 2002 г. по 30 июня 2015 г. Способ выборки данных заключался в том, что изначально с помощью автоматизированной аналитической поисковой системы «Медиалогия» было выявлено более 90 000 публикаций, содержащих проблематику экстремизма. Из общего числа были исключены публикации, в которых упоминания об экстремизме были фоновыми (по сути, не акцентирующие внимание на экстремизме). Остаток составил менее 10% сообщений (6940), соответствующих проблематике. При этом общий рост упоминаний в СМИ пропорционально увеличивался в исследуемый период, тогда как по предметно соответствующим сообщениям существенный рост не наблюдается.

На основании вышеизложенного был сделан промежуточный вывод: в обозначенный период в общественном сознании понятие «экстремизм» закреплялось на уровне представлений, однако на уровне качественного закрепления термина, скорее, можно говорить о мифологизации и стереотипизации. Иными словами, под экстремизмом начинали понимать явления, не относящиеся к нему.

Сообщения, взятые в остатке, были подвергнуты обстоятельному контент-анализу, в результате чего были выявлены основные позиции восприятия обществом экстремизма, а также роль государства в противодействии экстремистской угрозе.

Итак, основными объектами публикаций, содержащих контент «экстремизм» в период с 2002 по 2015 гг., являлись: Российская Федерация – 4130 сообщений (речь идет о том, что экстремизм определяется в качестве проблемы государства в целом); Москва – 2049 (наиболее распространенный контекст, отображенный в социальном сознании, – принятие решений осуществляется в столице); МВД России – 1441 (показательно, что среди силовых ведомств именно на полицию в большей степени возлагаются надежды, связанные с противодействием экстремизму, вместе с тем негативный окрас социального отношения обусловлен правоприменительной практикой противодействия экстремизму: недостаточная эффективность, с одной стороны, и охота на «невиновных», с точки зрения авторов публикаций, – с другой); Президент РФ – 1330 (основной контекст – противодействие экстремизму и одновременно выражение социальных надежд как на гаранта безопасности государства); ФСБ России (только на седьмой позиции) – 1162, Правительство РФ (замыкает десятку лидеров) – 819 сообщений.

Контент-анализ содержательной стороны публикаций показывает, что оценка ключевых объектов по принципу «позитив – нейтралитет – негатив» обусловлена субъективным характером формата медиаресурсов. Исследовательский интерес вызывают нейтральные высказывания. Высказывания с явно положительной или отрицательной коннотацией менее информативны, но отражают эмоциональную сторону макроуровня детерминант социального сознания.

Показательно, что активность сообщений, в которых фигурируют жертвы экстремизма, напрямую связана с событиями в стране. Под жертвами экстремизма в масс-медиа имеют в виду и жертв терроризма.

Отметим, что положительный образ сотрудника полиции как простого человека, выступающего в интересах народа и претерпевающего тяготы службы, в контексте проблематики экстремизма был

актуализирован СМИ в 2014 г. в связи с событиями на Украине. Тогда же в обществе проявилось сочувствие к правоохранительным органам, противопоставленным экстремистским организациям и движениям.

Уровень осознания социальных процессов определяет способность членов общества противостоять негативным тенденциям. В этом смысле характер представленности экстремизма в общественном сознании одновременно выступает и как маркер предрасположенности общества к экстремизму, и как значимый фактор его развития. В результате применения феноменологического метода были выявлены следующие факторы экстремизма:

1. На уровне социального сознания российского общества преобладает абстрактное, отрывочное представление о его специфике. Это является причиной, с одной стороны, неосознанного вовлечения в экстремистскую деятельность, с другой – неоправданного использования квалификации «экстремизм».

2. Развитие экстремистских тенденций в современном обществе вышло на уровень активной самоорганизации. Экстремистские установки насаждаются через идеологические модели. В связи с этим актуальной задачей государства является пресечение идеологического воздействия экстремистского характера. Однако опасность противодействия идеологии – вытесняющая идеологизация общества. Мы полагаем, что идеология не может насаждаться «сверху», напротив, качественная система идеологической защиты общества – это создание социальной прослойки, поведение и отношение которой к обществу, государству и ценностям может служить примером. Эта позиция может быть реализована в рамках деятельности образовательных организаций МВД России.

3. Феноменологически экстремизм – это феномен сознания, но не индивидуального, а группового. Здесь обосновывается сочетание социологии и феноменологии в выявлении экстремистских установок, а также причины их возникновения на уровне группового сознания. На современном этапе установки социального сознания определяют наиболее востребованные направления медиаиндустрии.

Как уже было нами доказано ранее, «содержание информационных сообщений, публикуемых в рамках СМИ и интернет-ресурсов, оказывает значительное влияние на формирование в среде населения отношения к отдельным сферам социальной реальности» [6; 211].

Институциональный анализ федерального и регионального телеконтента показал, что медиапредставленность феномена экстремизма институционально неоднородна и содержит вполне конкретные тенденции.

Несмотря на качественную актуальность обозначенных аспектов, на уровне социального сознания вопрос не ставится в таком ключе. На основании вышеизложенного сделан вывод не только о проблематичности противодействия экстремизму, но и о прогнозируемости социального кризиса.

Система МВД России может участвовать в профилактике экстремизма и радикализма. Для этого она должна быть открыта для общественного сознания. Дистанцированность, закрытость полиции не несет положительного содержания в силу того, что оценка эффективности ее деятельности формируется на основании анализа конкретных событий, как правило, являющихся свершившимися и негативными. Количество и качество предотвращенных негативных событий слабо учитываются общественным сознанием в силу того, что не случившееся неактуально. Отсюда парадокс социального восприятия. Чем больше надежд, связанных с противодействием экстремизму, возлагается на систему МВД России, тем больше ответственности в случае проявления

конкретных фактов экстремизма. При этом дистанцированность общества от проблематики противодействия экстремизму порождает стереотипы, в частности – понимание вопроса экстремизма как исключительно проблемы силовых структур, но не государства или народа в целом.

Современное демократическое общество не предполагает доминирования одной идеологии, однако если в нем будут активно участвовать носители конструктивных моделей мышления, то это будет также активизировать защитную функцию государства в борьбе с распространением экстремистской идеологии.

В связи с этим можно сделать вывод, что функциональные противоречия, порождаемые трансформацией социальной системы, не разрешаются в рамках деятельности системы МВД России, но сотрудники правоохранительных органов способны снизить потенциал проявления экстремистских тенденций как реакции на нарушения подобного уровня.

Примечания:

1. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.

2. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. Москва: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

3. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2014. 352 с.

4. Данные информационно-аналитического центра «Сова» по результатам доклада Генерального прокурора Ю. Чайки. URL: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2014/04/d29440/ (дата обращения: 07.03.2018).

5. Нарыков Н.В., Пилюгина Ю.Г. К вопросу об особенностях функционального институционализма как методологии научного познания в социологии // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4 (34). С. 131-135.

6. Плотников В.В. Экстремизм как феномен современной социальной реальности: институциональные, системные и социоструктурные факторы: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2016. 329 с.

References:

1. Merton R.K. Social theory and social structure. M.: AST: KHRANITEL, 2006. 873 pp.

2. Parsons T. System of modern societies // transL. from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalyov; ed. by M.S. Kovaleva. M.: Aspect Press, 1998. 270 pp.

3. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. Attitude to social reality in the Russian society: sociocultural mechanism of formation and reproduction. M.: Norma: INFRA-M, 2014. 352 pp.

4. Data from the Sova Information and Analytical Center based on the results of the report of the Prosecutor General Yu. Chaika. [Electronic resource]. Access mode: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2014/04/d29440/ (access date: 07.03.2018).

5. Narykov N.V., Pilyugina Yu.G. On the problem of the features of functional institutionalism as a methodology of scientific knowledge in sociology // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (34). 2016. P. 131-135.

6. Plotnikov V.V. Extremism as a phenomenon of modern social reality: institutional, systemic and sociostructural factors: Diss. for the Dr. of Sociology degree. Krasnodar, 2016. 332 pp.

УДК 316.776.33:159.953
ББК 60.56
Р 86

Т.А. Рунаев,
аспирант кафедры социологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, тел.: +79528122516, e-mail: runaev.tima@mail.ru

ВИРТУАЛЬНЫЕ КЛАДБИЩА КАК КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ: РАЗНОВИДНОСТИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена процессу воздействия цифровых технологий на практики поминовения, в результате которого возникает новое явление в социальной реальности: создание мемориалов и кладбищ в киберпространстве. Сегодня становится нормальным выносить тему смерти человека в виртуальный мир с целью производства коллективных воспоминаний и осуществления поминовения. Поэтому цель представленной статьи заключается в постановке проблемы развития коммеморативных практик в условиях современной цифровой среды. Используя материалы зарубежных исследований в рамках социологии культуры и опираясь на данные собственных наблюдений, автор определяет дискурс онлайн-коммемораций и показывает возможные разновидности мест поминовения в русскоязычном Интернете. Поскольку места памяти в виртуальном пространстве – недавний феномен для научных исследований, постольку автор демонстрирует возможности и методы его изучения в рамках социологии культуры. В ходе исследования автор выделяет три вида виртуальных кладбищ, каждое из которых имеет особенности поминовения в зависимости от индивидуальной дистанции онлайн-мемориала с реальным захоронением умершего. Критерием демаркации для автора выступает восприятие кладбища как знака, где «означающее» (надгробие, изображение) связано с «означаемым» (образом). Потеря позиции одного из элементов ведет к изменению коммеморации как социальной практики. Поэтому автор приходит к выводу: чем больше выражено описанное отдаление «означающего» (захоронения) от «означаемого» (образа усопшего), тем слабее становится интегративная функция коммеморативной практики. Несмотря на то, что онлайн-коммеморации имеют связь с подлинными практиками поминовения, цифровая среда придает им публичный характер и изменяет восприятие темы смерти в реальном обществе. Расширение смерти в публичном дискурсе приводит к вопросам конфиденциальности в киберпространстве и к социальной ответственности пользователей за осуществление коммеморативной практики. Тем самым социологическая проблематика исследования входит в поле этики и правоприменения, что обуславливает последующее изучение поставленной автором проблемы.

Ключевые слова: киберпространство, коммеморативные практики, меморизация, онлайн-мемориал, социальные интернет-сообщества, цифровая среда.

T.A. Runaev,
Post-graduate student of Department of Sociology, Kuban State University, Krasnodar, ph.: +79528122516, e-mail: runaev.tima@mail.ru

VIRTUAL CEMETERY AS A COMMEMORATIVE PRACTICE: VARIETIES AND DEVELOPMENT VECTORS

Abstract. The article is devoted to the process of the impact of digital technologies on remembrance practices, which results in a new phenomenon in social reality:

the creation of memorials and cemeteries in cyberspace. Today it becomes normal to bring the subject of human death into a virtual world for the purpose of producing collective memories and carrying out remembrance. Therefore, the purpose of this article is to pose the problem of the development of commemorative practices in the modern digital environment. Using the materials of foreign research within the framework of the sociology of culture and based on the data of his own observations, the author determines the discourse of online communations and shows possible varieties of places of remembrance in the Russian-language Internet. Since places of memory in virtual space are a recent phenomenon for scientific research, the author demonstrates the possibilities and methods of studying it within the framework of the sociology of culture. In the course of the study, the author identifies three types of virtual cemeteries, each of which has features of remembrance depending on the individual distance of the online memorial with the real burial of the deceased. The demarcation criterion for the author is the perception of the cemetery as a sign where the "signifier" (gravestone, image) is associated with the "signified" (image). Losing the position of one of the elements leads to a change in commemoration as a social practice. Therefore, the author concludes that the more pronounced the described separation of the "signifiers" (burials) from the "signified" (image of the deceased) is, the weaker the integrative function of the commemorative practice becomes. Although online commentations have a connection to genuine practices of remembrance, the digital environment gives them a public character and alters the perception of the subject of death in real society. The expansion of death in public discourse leads to issues of privacy in cyberspace and to the social responsibility of users for the implementation of compositional practices. Thus, the sociological problem of the study falls within the field of ethics and law enforcement, which leads to a subsequent study of the problem posed by the author.

Keywords: cyberspace, commemorative practices, memorialization, online memorial, social internet communities, digital environment.

Для поддержания идентичности социальной группы индивиды используют коммеморации – регулярно повторяющиеся коллективные действия, воспроизводящие образы прошлого. Следовательно, коммеморации неразрывно связаны с социальными интеракциями, которые производят практики поминовения, так как содержание образов прошлого всегда обусловливаются социальной группой – людьми, которые окружают человека в течение прожитой жизни [1; 532]. Поскольку коммеморация является сугубо социальным фактом, постольку она помещается в сфере «сакрального» и позволяет человеку выйти за рамки индивидуального – «профанного» повседневного мира [2; 620]. Иначе говоря, коммеморативная практика – это коллективное действие, при осуществлении которого индивиды интегрируются в одну целостность, представленную в виде социальной группы или сообщества. Единство же коллективного действия возможно лишь при наличии вектора, направленного на конкретный объект, образующий «место памяти» – материальный след прошлого, который несет в себе актуальную информацию для настоящего времени. Любое «место памяти» способно скреплять социальную группу только при условии наличия материальности, символичности, функциональности [3; 40]. Выпадение одного из элементов приводит к уничтожению «места памяти» и уменьшению значимости коммеморации как средства интеграции индивидов в виде социальной целостности. Поэтому, по нашему мнению, главная роль практики поминовения (вне зависимости от формы ее реализации) заключается в объединении членов социальной группы.

Одной из традиционных форм коммеморативных практик

выступает кладбище как пространство поминовения, где каждый человек способен, осуществляя поминовение, приобщиться к социальной группе. Но сегодня современные технологии активно включаются в работу с поминальной тематикой. Теперь люди снимают похороны на камеру мобильного телефона и выкладывают сделанные фотографии в цифровое пространство [4; 11], а личные аккаунты в социальных сетях могут вести активную деятельность среди живых пользователей и после смерти их владельца [5; 184]. Сегодня нам не обязательно нужно физическое присутствие на похоронах, потому что существует услуга трансляции прощания с умершим человеком через Интернет [6; 281]. Все это происходит потому, что на данный момент многофункциональная цифровая среда выступает пространством коммуникативного взаимодействия, где индивиды могут выполнять социальные практики, имеющие аналог в реальной жизни [7; 126]. Перенос дискурса смерти в киберпространство дает человеку простор для реализации мортальных практик в виртуальном мире. В итоге на поверхности цифровой среды возникают «виртуальные кладбища» – сайты массового упоминания умерших/погибших людей с целью онлайн-коммеморации. Поэтому цель данного исследования сводится к установлению изменений практик поминовения, которые проявились под воздействием современной цифровой среды. Иначе говоря, в рамках данного исследования важно понять состояние современного коммеморативного и морального дискурсов в условиях виртуального пространства как платформы для социальных взаимодействий.

Сразу следует оговориться, что понятие «виртуальные кладбища», несмотря на новшество для российского исследователя, имеет различные термины и в англоязычной литературе [8; 13]. Согласно нашему мнению, проблема здесь скрывается не столько в теоретических прениях, сколько в малой разработанности эмпирических данных цифровых мемориальных мест в рамках социологии. Чтобы облегчить раскрытие понятия, неоднородность всего массива виртуальных кладбищ мной была классифицирована по критерию соотношения «означаемого» и «означающего» [9; 269-270]. Если рассматривать кладбище в качестве знака через призму семиологии, то «означаемым» является воспоминание об умершем человеке, а «означающим» – его реальные материальные останки, представленные в виде захоронения. Когда же цифровая среда вносит корректировки в соотношения между элементами этого знака, формируются разновидности виртуальных кладбищ.

Первый выделенный мной вид виртуальных кладбищ связан с ритуальными агентствами, которые внедряют новые технологии в процесс поминовения. Теперь можно связывать реальное место захоронения с виртуальным пространством благодаря QR-коду, который выступает гиперссылкой, то есть посредником между мирами [10]. Группа исследователей во главе с Б. Нансеном называет этот объект «живым надгробием», поскольку QR-код подключает пользователя к контенту, хранящемуся в Интернете [11; 115-116]. Например, ритуальный проект «Цифровое наследие» (https://qrmemo.ru/) создает таблички с QR-кодом, которые заказчик может поместить на памятник умершему. После чего любой человек через камеру смартфона с заранее установленным приложением способен считать код, который переведет цифровое устройство на «интерактивный мемориал» – персональную страницу покойного на сайте «Цифрового наследия». Следовательно, в Интернете создается совокупность «интерактивных мемориалов», связанных с захоронениями на реальных кладбищах. Таким образом, здесь «означающее», представленное

виртуальным траурным пространством, имеет четкую связь с референтом – реальным местом усопшего. Однако следует оговориться, что в российском пространстве, в отличие от западного общества, данный вид виртуальных кладбищ еще не получил широкого распространения.

Второй вид виртуального кладбища состоит из страниц социальных интернет-сайтов (SNS), через которые ранее исходила активность умерших пользователей в Интернете. Иными словами, описанные страницы – это места, которые прежде были закреплены живыми людьми в киберпространстве. В этом случае означаемый образ умершего находится в цифровой среде, но референтом становится уже не объект материального мира в виде захоронения, а страница мертвого человека в социальной интернет-сети. Тем самым, наиболее крупные SNS (например, Facebook, Instagram, «ВКонтакте», «Одноклассники») по своей сути начинают представлять собой виртуальные кладбища, так как страница мертвого человека способна на просторах социальной сети превратиться в онлайн-мемориал, где другие пользователи в силах совершать практики поминовения. Расширение процесса онлайн-меморизации заставляет администрацию SNS пересматривать модели взаимодействия с умершими пользователями. К примеру, Facebook разрешает отправлять администрации «запрос меморизации», после чего происходит блокировка аккаунта, и в учетную запись не могут зайти даже те люди, которые ранее знали пароль [12; 116].

Особенность русскоязычного сегмента SNS заключается в присутствии умерших в публичном пространстве и в тенденции поиска страниц мертвых людей с целью их демонстрирования в пабликах – открытых для пользователей сообществах социальной интернет-сети (например, vk.com/deadpagesvk, vk.com/deadpagealive, vk.com/rip_pages). Участникам паблика администраторы предоставляют ссылки на страницы мертвых пользователей, после чего в комментариях происходит оценивание смертельного исхода: участники либо включают опцию поминовения, либо, наоборот, выражают агрессию по отношению к умершему. В сообществе «Дэд пейдж» (vk.com/ripmilk) объемом аудитории более 350 тыс. человек нами было выбрано семь публикаций о смерти пользователей социальной сети. Каждая выбранная публикация имела уникальную причину смерти с реакцией в 20-30 комментариев. По содержанию все комментарии представляли собой поминовение, агрессию и сторонний контент, не связанный с умершим пользователем (из-за отсутствия информативности этот вид не был включен в фокус внимания исследования). В итоге оказалось, что реакция в виде поминовения зависит от причины смерти (таблица 1): пользователи готовы выразить скорбь и сожаление в том случае, если покойный стал жертвой ситуации, если вина в гибели лежит на плечах другого человека. И, напротив, больше агрессии к умершему вызывает смерть, которая связана с волевым отклоняющимся поведением самого покойного. Тем самым смерть выступает здесь индикатором личности, при оценивании которой возможна градация социального действия по отношению к умершему.

Специфика SNS и таких виртуальных кладбищ заключается в том, что умерший человек и участник сообщества не имеют родственных или приятельских отношений друг с другом [13; 18], что приводит к десакрализации смерти. В крайнем случае, снятие со смерти ауры неприкосновенности выражается в возникновении коммерческой направленности онлайн-сообществ, поскольку наряду с публикациями «мертвых страниц» пользователей начинают появляться рекламные посты. Тем самым мортальный

Таблица 1

Реакция пользователей на причины смерти (в % от общего числа комментариев по каждой причине)

Причина смерти	Поминовение	Агрессия
ДТП в состоянии алкогольного опьянения (водитель)	0%	56%
суицид	9,1%	40,9%
падение из окна в состоянии алкогольного опьянения	9,5%	33,3%
передозировка наркотиков	9,6%	40%
жертва ДТП (пешеход)	17%	8,7%
убийство	50%	0%
гибель при спасении утопающих	52%	0%

дискурс входит в публичную сферу и становится открытым объектом коммуникации для каждого человека. В итоге аккаунты мертвых пользователей, находящиеся в открытом доступе, могут вызывать негативную реакцию в связи с раскрытой информацией о причинах смерти. Более того, отрицательные отзывы об умершем могут гипертрофироваться в «троллинг» – провокационные комментарии оскорбительного характера. Эскалация негативного фона сообщений об умершем пользователе может привести к болезненным реакциям со стороны близких людей, поэтому возникает потребность в экспертном модерировании комментариев, связанных с темой поминовения [14; 400-401]. Эта проблема поднимает вопрос о постсмертной конфиденциальности: кому принадлежат неэкономические цифровые активы (фотографии, личные сообщения, публикации) умершего пользователя – наследникам или цифровым посредникам в виде SNS [15; 104-106]? И соответственно, кто ответственен за использование активов «мертвых страниц» в публичной цифровой среде?

Третий вариант виртуального кладбища представляет собой мемориальное место, не имеющее отношения к ритуальным агентствам и реальным страницам покойных людей. Такие виртуальные кладбища – это сайты, построенные по принципу социальных интернет-сетей, где пользователи имеют возможность создавать онлайн-мемориалы, посвященные умершим. К обозначенному виду виртуального кладбища в рамках российского Интернета можно отнести сайты «Вечно с нами» (http://vechnosnami.ru/), «ПомниПро» (http://pomnipro.ru/), «Российское виртуальное кладбище» (https://rip.su/). В пространстве данных онлайн-мемориалов, как и на обычном кладбище, люди осуществляют поминальные практики: оставляют памятные комментарии, отправляют картинки с религиозным содержанием и дарят подарки в виде миниатюрных изображений. Метод социологического анализа таких виртуальных кладбищ предложили австралийские исследователи К. Грэхем, М. Арнольд, Т. Кон. В частности, они стали определять частоту поминальных комментариев в онлайн-мемориалах, посвященных конкретным людям, и выявили общую тенденцию: комментарии, содержащие соболезнование и скорбь, активно создавались лишь в течение года после смерти человека [16; 42].

В ходе проведения исследования также была выявлена частота обращений к онлайн-мемориалам на сайте «Вечно с нами». Например, на странице памяти, посвященной Доминой Сонечке, умершей в двухлетнем возрасте 17 мая 2011 г., с октября 2011 г. (момента создания

онлайн-мемориала) по август 2015 г. было зафиксировано 275 комментариев. Если разбить все написанные комментарии на годичную периодичность, то видно снижение частотности обращений пользователей к этому мемориалу (рис. 1). Иначе говоря, активность практик поминовения в виртуальном кладбище находится на пике лишь в течение года после смерти. Однако при падении количества обращений к мемориалу увеличивается процент комментариев, написанных в юбилейную дату, то есть в дни рождения и смерти (рис. 2). Например, в онлайн-мемориале Доминой Сонечки в 2012 г. только 9,4% комментариев были оставлены в коммеморативную годовщину, в то время как в 2015 г. доля аналогичных постов составила 40% из всех сообщений. В других пяти онлайн-мемориалах (с количеством комментариев в диапазоне от 11 до 29) было замечено увеличение процента поминальных сообщений в исключительно юбилейные даты. Следовательно, при сужении объема поминальных практик в онлайн-мемориале постепенно важность приобретают только мемориальные обращения к умершему человеку в дни рождения или смерти.

Проблема в том, что мемориалы в таком виртуальном кладбище никаким образом не связаны с присутствием в них покойных людей. Эти страницы памяти не отсылают к референту в реальном мире, представленному местом захоронения. Также онлайн-мемориалы не являются виртуальным пространством, где раньше действовали умершие в качестве пользователей сети. Следовательно, в таком виде виртуального кладбища разрывается связь «означаемого» и «означающего»: остаются только образы без материального референта, что образует симулякр – копию, подменяющую оригинал. Оторванность места в киберпространстве от реального надгробия и от волевого присутствия умершего пользователя в Интернете обуславливает возникновение «липовых онлайн-мемориалов». Люди начинают создавать виртуальные памятники тех персон, которые не проявляли активности в цифровой среде: например, третьи лица регистрируют онлайн-мемориалы Юрия Никулина (http://vechnosnami.ru/1278.html), Юрия Гагарина (http://vechnosnami.ru/6213.html), Тура Хейердала (http://vechnosnami.ru/6638.html) и др. Однако, несмотря на то, что виртуальный памятник не имеет реальной подлинности, пользователи продолжают совершать коммеморативные практики, поскольку в онлайн-мемориале для них заключена «экзистенциальная аутентичность», для которой маловажно наличие реального референта. Она включает в себя два измерения: внутриличностную и межличностную достоверность [17; 361], где в первом случае субъект

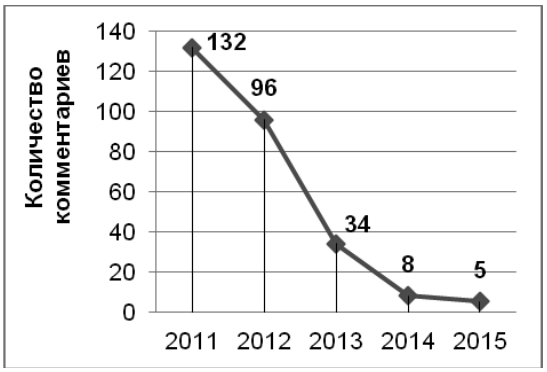

Рис. 1. *Частота комментариев на странице памяти Доминой Сонечки*

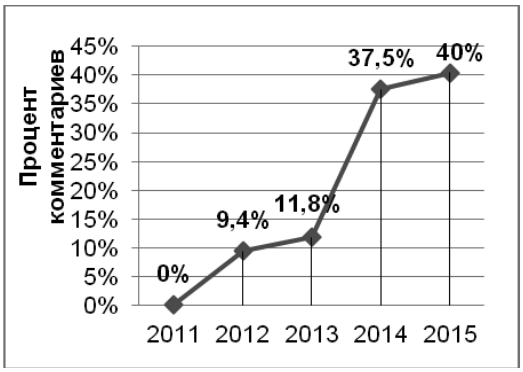

Рис. 2. *Доля комментариев на странице памяти Доминой Сонечки, оставленных в дни годовщины*

коммеморации восстанавливает свою идентичность путем восполнения утраченной социальной роли при потере другого человека [18; 48], а во втором – люди, фокусируясь на теме смерти, образуют солидарное сообщество скорбящих [19; 319].

В итоге видно, что при включении цифровых технологий в поминальную сферу «означаемое» как воспоминание остается константным, но «означающее», представленное местом захоронения, подвергается изменениям. В первом виде виртуальных кладбищ, благодаря посредничеству цифровых медиа, реальное место захоронения напрямую связано с сайтом в киберпространстве, что образует целостную корреляцию «означаемого» и «означающего» в виде знака. Но уже во втором варианте виртуальных кладбищ происходит подмена «означающего», которым теперь выступает не каменное надгробие, а место присутствия человека при жизни в социальных интернет-сетях – след его деятельности, оставленный в ходе жизни. В третьем же виде виртуальных кладбищ «означающее» вовсе становится утерянным, так как в нем отсутствует связь с материальным захоронением человека или активностью умершего пользователя на просторах Интернета. Таким образом, в условиях современных цифровых технологий коммеморативная практика при переходе от первого вида виртуальных кладбищ к третьему утрачивает интегративную функцию, поскольку саморазрушается «место памяти», теряющее материальность как часть своего понятия.

Общая особенность последних двух видов заключается в том, что они вводят тему смерти в публичное пространство. Согласно Т. Уолтеру, такая открытость смертельной тематики в современном обществе связана с публичным заявлением о том, что смерть существует и выходит за границы личного поминовения [20; 198]. Однако деиндивидуализация смерти в онлайн-пространстве приводит к отклоняющимся формам поведения по отношению к умершим людям, что в контексте двух последних виртуальных кладбищ ставит вопрос о правомерности использования неэкономических цифровых активов третьими лицами.

Примечания:

1. Шацкий Е. История социологической мысли. Т. 1. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 720 с.

2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. Москва, 2018. 736 с.

3. Нора П. Франция-память. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. 323 с.

4. Интервью с Джеком Сантино, автором книг Spontaneous Shrines and the Public Memorializations of Death // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 7-18.

5. Church S.H. Digital gravescapes: Digital memorializing on Facebook // The Information Society. 2013. Vol. 29, №. 3. P. 184-189.

6. Does the internet change how we die and mourn? Overview and analysis / T. Walter [et al.] // OMEGA-Journal of Death and Dying. 2012. Vol. 64, №. 4. P. 275-302.

7. Mobile Communication and Society: A Global Perspective / M. Castells, M. Fernandez-Ardevol, J.L. Qui, A. Sey. Cambridge; Massachusetts; London. 2006. 345 p.

8. Малаканова О.А., Табеева Ю.А. Феномен виртуальных кладбищ // Экономика и социология. 2017. № 3 (35). С. 10-14.

9. Барт Р. Мифологии. Москва: Академический проект, 2008. 351 с.

10. Kneese T. QR Codes for the Dead // The Atlantic. 2014. URL: https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/05/qr-codes-for-the-dead/370901/ (дата обращения: 15.06.2019).

11. The restless dead in the digital cemetery / B. Nansen [et al.] // Digital death: Mortality and beyond in the online age. 2014. P. 111-124.

12. McCallig D. Facebook after death: an evolving policy in a social network // International Journal of Law and Information Technology. 2014. Vol. 22, №. 2. P. 107-140.

13. Rossetto K. R., Lannutti P. J., Strauman E. C. Death on Facebook: Examining the roles of social media communication for the bereaved // Personal Relationships. 2014. Vol. 1. P. 1-21.

14. Design Considerations for After Death: Comparing the Affordances of Three Online Platforms / J. Mori, M. Gibbs, M. Arnold, B. Nansen, T. Kohn // Proceedings of the 24th Australian Computer-Human Interaction Conference (OZCHI'12). 2012. P. 395-404.

15. Edwards L., Harbinja E. Protecting post-mortem privacy: reconsidering the privacy interests of the deceased in a digital world // Cardozo Arts and Entertainment Law Journal. 2013. Vol. 32, №. 1. P. 101-147.

16. Gravesites and websites: a comparison of memorialisation / C. Graham [et al.] // Visual Studies. 2015. Vol. 30, №. 1. P. 37-53.

17. Wang N. Rethinking authenticity in tourism experience // Annals of tourism research. 1999. Vol. 26, No. 2. P. 349-370.

18. Лакан Ж. Семинары. Тревога. Книга 10. Москва: Гнозис: Логос, 2010. 424 с.

19. Ушакин С. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // AB IMPERIO. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. С. 306-435.

20. Walter T. The Revival of Death. London; New-York, 1994. 228 p.

References:

1. Shatsky E. History of sociological thought. Vol. 1. M.: New Literary Review, 2018. 720 pp.

2. Durkheim E. The elementary forms of the religious life: the totemic system in Australia. M., 2018. 736 pp.

3. Nora P. France-memory. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 1999. 323 pp.

4. Interview with Jack Santino, author of the book Spontaneous Shrines and the Public Memorializations of Death // Archeology of Russian Death. 2016. No. 3. P. 7-18.

5. Church S.H. Digital gravescapes: Digital memorializing on Facebook // The Information Society. 2013. Vol. 29, No. 3. P. 184-189.

6. Walter T. et al. Does the internet change how we die and mourn? Overview and analysis // OMEGA-Journal of Death and Dying. 2012. Vol. 64, No. 4. P. 275-302.

7. Castells M., Fernandez-Ardevol M., Qui J.L., Sey A. Mobile Communication and Society: A Global Perspective. Cambridge, Massachusetts, London. 2006. 345 pp.

8. Malakanova O.A, Tabeeva Yu.A. The phenomenon of virtual cemeteries // Economics and Sociology. 2017. No. 3 (35). P. 10-14.

9. Bart R. Mythology. M.: Academic project, 2008. 351 pp.

10. Kneese T. QR Codes for the Dead [electronic resource] // The Atlantic. 2014. URL: https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/05/qr-codes-for-the-dead/370901 / (access date: 15.06.2019).

11. Nansen B. et al. The restless dead in the digital cemetery // Digital death: Mortality and beyond in the online age. 2014. P. 111-124.

12. McCallig D. Facebook after death: an evolving policy in a social network // International Journal of Law and Information Technology. 2014. Vol. 22, No. 2. P. 107-140.

13. Rossetto K. R., Lannutti P. J., Strauman E. C. Death on Facebook: Examining the roles of social media communication for the bereaved // Personal Relationships. 2014. Vol. 1. P. 1-21.

14. Mori J. Design Considerations for After Death: Comparing the Affordances of Three Online Platforms / J. Mori, M. Gibbs, M. Arnold, B. Nansen, T. Kohn

// Proceedings of the 24th Australian Computer-Human Interaction Conference. (OZCHI'12). P. 395-404.

15. Edwards L., Harbinja E. Protecting post-mortem privacy: reconsidering the privacy interests of the deceased in a digital world // Cardozo Arts and Entertainment Law Journal. 2013. Vol. 32, No. 1. P. 101-147.

16. Graham C. et al. Gravesites and websites: a comparison of memorialisation // Visual Studies. 2015. Vol. 30, No. 1. P. 37-53.

17. Wang N. Rethinking authenticity in tourism experience // Annals of tourism research. 1999. Vol. 26, No. 2. P. 349-370.

18. Lacan J. Seminars. Anxiety. Book 10. M.: Gnosis Publishing house; Logos Publishing house. 2010. 424 pp.

19. Ushakin S. Replacing loss: Materialization of memory and the hermeneutics of pain in provincial Russia // Trauma: items: Collection of articles. M.: New Literary Review, 2009. P. 306-435.

20. Walter T. The Revival of Death. London; New-York, 1994. 228 pp.

УДК 316.74:37
ББК 60.56
Х 55

Н.В. Хлабыстова,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, тел.: +78612596592, e-mail: Hlabystova_1@mail.ru

Е.Н. Нетребко,
кандидат социологических наук, проректор по довузовской работе Южного института менеджмента, г. Краснодар, тел.: +78612338859, e-mail: rektorat@uim.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ВУЗ – АБИТУРИЕНТЫ – СТУДЕНТЫ – РЫНОК ТРУДА»

(Рецензирована)

Аннотация. Переход российского общества на рыночную модель экономики порождает трансформацию всей общественной системы. Изменяется характер взаимодействия производитель – потребитель. Данные изменения отражаются и на институте образования, появляется коммерческий сектор образовательных услуг, а также государственные учреждения начинают предоставлять образовательные услуги на платной основе. В связи с этими преобразованиями образование в России стало рассматриваться как особый товар, основными потребителями которого являются абитуриенты, студенты и работодатели (рынок труда). Поэтому приобретают значимость исследования, направленные на изучение институт высшего образования во взаимодействии с его основными потребителями.

В статье авторы проводят вторичный анализ социологических исследований, с целью изучения трансформации ценности образования у основных потребителей института образования. Изучение требований абитуриентов, студентов и работодателей на сегодняшний день является особенно актуальным, так как в зависимости от того, насколько вуз отвечает требованиям современного общества, зависит его конкурентоспособность на рынке образовательных услуг.

В своей статье авторы попытались дать ответ на вопрос, как в связи с переходом российского общества на рыночную модель экономики трансформировалась ценность образования в представлении потребителей образовательных услуг.

Так, абитуриенты ориентированы на получение высшего образования для повышения социального статуса и материального благополучия. При выборе вуза и направления подготовки используют ресурсосберегающую стратегию. Для абитуриентов определяющими факторами выбора образовательного учреждения являются: престиж вуза и высокий уровень качества образования.

Студенты как потребители образовательных услуг ориентированы на приобретение практического опыта работы в процессе обучения в вузе, следовательно, ценность образования в представлении студентов определяется возможностью дальнейшего успешного трудоустройства.

Трансформация ценности образования происходит и в представлении работодателей. Современный работодатель при трудоустройстве обращает внимание на универсальные компетенции соискателя: умение анализировать ситуацию, работать в коллективе, принимать самостоятельные решения, быть всегда способным к инновационной деятельности, быть коммуникабельным и креативным.

Ключевые слова: институт высшего образования, ценность образования, вуз, потребители образовательных услуг, абитуриенты, студенты, рынок труда.

N.V. Hlabystova,
Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology, Law and Personnel, Kuban State University of Tedchnology, Krasnodar, ph.: +78612596592, e-mail: Hlabystova_1@mail.ru

E.N. Netrebko,
Candidate of Sociology, Vice-Rector for Pre-University Work, Southern Institute of Management, Krasnodar, ph.: +78612338859, e-mail:, rektorat@uim.ru

TRANSFORMATION OF THE VALUE OF EDUCATION IN THE SYSTEM OF "UNIVERSITY – UNDERGRADUATE APPLICANTS – STUDENTS – LABOR MARKET" INTERACTION

Abstract. The transition of Russian society to a market model of the economy creates a transformation of the entire social system. The nature of the producer-consumer interaction changes. These changes are also reflected in the institute of education: the commercial sector of educational services is emerging, as well as public institutions are beginning to provide educational services on a paid basis. Due to these changes, education in Russia has become a special commodity, the main consumers of which are undergraduate applicants, students and employers (labor market). Therefore, research aimed at studying the institute of higher education in interaction with its main consumers becomes important.

In the article, the authors carry out a secondary analysis of sociological research in order to study the transformation of the value of education in the main consumers of the institute of education. The study of the requirements of applicants, students and employers is today particularly relevant, as competitiveness of the institution of higher education in the market of educational services depends on the extent to which the university meets the requirements of contemporary society.

In this article, the authors tried to answer the question of how the value of education in the thinking of consumers of educational services was transformed in connection with the transition of Russian society to a market model of the economy. They rightly stress that the value of education today is transforming from terminal value to instrumental value for all consumers of educational services.

Thus, undergraduate applicants are oriented towards higher education to improve social status and material well-being. When choosing a university and a training direction, a resource-saving strategy is used. For undergraduate applicants the determining factors of choice of educational institution are: prestige of the university and high level of quality of education.

Students, as consumers of educational services, are oriented towards acquiring practical experience in the process of studying at a university. Therefore, the value of education in the perception of students is determined by the possibility of further successful employment.

The transformation of the value of education also takes place in the thinking of employers. The contemporary employer in employment draws attention to the universal competences of the applicant: ability to analyze the situation, work in the collective, make independent decisions, and be always able to innovate, communicable and creative.

Keywords: institute of higher education, value of education, university, consumers of educational services, undergraduate applicants, students, labor market.

На всех этапах своего развития институт образования эволюционировал в соответствии с изменяющимися требованиями потребителей.

Так, в Советском Союзе с командной экономической системой взаимодействие в системе «вуз – абитуриенты – студенты – рынок труда» складывалось на основе государственного заказа. Именно государство определяло, специалисты каких направлений подготовки и в каком количестве необходимы стране. После окончания обучения в вузе выпускники распределялись по предприятиям. В период профессионального самоопределения абитуриенты выбирали специальности, которые им нравятся и являются интересными, целью получения образования было желание нести пользу для общества. В процессе обучения ценность образования для студентов определялась получением теоретических знаний и практических навыков. Ожиданиями работодателей было получить знающего специалиста. Вузу для удовлетворения требований потребителей образовательных услуг необходимо было вести качественную подготовку специалистов, в соответствии с планом набора, который определялся государством.

Ситуация изменяется в период перестройки, образование теряет свою актуальность и становится невостребованным в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века.

Со второй половины 1990-х гг., с переходом российского общества на рыночную модель экономики, трансформацию претерпевает вся общественная система, появляются новые социальные слои населения: предприниматели и бизнесмены. Изменяется характер взаимодействия «производитель – потребитель». Данные изменения отражаются и на институте образования, появляется коммерческий сектор образовательных услуг: негосударственные школы, техникумы и вузы, а также предоставление образовательных услуг государственными учреждениями на платной основе. В связи с этим образование в современном российском обществе стало рассматриваться как особый товар, основными потребителями которого являются абитуриенты, студенты и работодатели (рынок труда). Данные трансформации являются актуальными, в первую очередь, для государственных вузов, так как сокращение мест, финансируемых из средств федерального бюджета, побуждает высшие образовательные учреждения конкурировать на рынке образовательных услуг за потребителей. Поэтому на сегодняшний день приобретают значимость исследования, направленные на изучение института высшего образования во взаимодействии с его основными потребителями. Взаимодействие «вуз – абитуриенты – студенты – работодатель» представляет собой сложную, динамичную систему. Неудовлетворенность одного из потребителей образовательных услуг приводит к неудовлетворенности и остальных потребителей. Например, невостребованность выпускников вуза на рынке труда снижает привлекательность образовательного учреждения в представлении абитуриентов и студентов. Стоит отметить и трансформацию ценности образования в системе взаимодействия «вуз – абитуриенты – студенты – рынок труда», что только увеличивает значимость изучения данной проблемы.

При этом стоит отметить, что основная часть выпускников школ ориентируются на получение именно высшего образования. Так, Д.Л. Константиновский отмечает, что 90% выпускников школ планируют подавать заявления для участия в конкурсном отборе в вузы [1].

Д.Л. Константиновский, исследуя ценность образования, а также цели получения высшего образования российской молодежью, приходит к выводу, что в настоящее время:

– происходит обесценивание высшего образования как способа получения теоретических знаний и практических навыков и умений, необходимых для профессионального успеха;

– цель получения высшего образования молодежью сводится к получению диплома, а не профессиональных знаний, а также рассматривается способом повышения социального положения в обществе или как способ отсрочить проблему трудоустройства либо призыв в армию (для мужского населения) [2].

Однако данная тенденция была актуальна на период исследования Д.Л. Константиновского (1999 г.). Уже в 2007 г. наблюдаются изменения в целях молодежи получения высшего образования. В проведенных исследованиях Н.В. Хлабыстовой сохраняется тенденция получения образования для повышения материального благополучия, остальные цели (отсрочить проблему трудоустройства или призыв в армию) получения высшего образования выбирают незначительное количество респондентов.

Так, по результатам анкетирования было отмечено, что большая часть молодежи планирует подавать документы для поступления в вуз для того, чтобы занять высокое положение в обществе и зарабатывать много денег (57,2%); приобрести знания по любимой профессии (21,6%); самоутвердиться (14,8%); получить диплом (4%), не служить в армии (2,4%) [3]. Распределение ответов респондентов, таким образом, только подтверждает трансформацию ценности образования в представлении абитуриентов. На сегодняшний день стремление молодежи к материальному благополучию сохраняется, подтверждение можно найти в интервью, проведенном Н.В. Хлабыстовой в 2015 г. На вопрос: «Какова Ваша цель получения высшего образования?», были получены ответы, которые условно можно разделить на три группы: 1) получение образования как повышение своего социального статуса и материального благосостояния, самоутверждения в обществе; 2) приобретение знаний по выбранной специальности (направлению); 3) формальное получение диплома [4]. Из 40 респондентов 29 человек считают, что диплом о высшем образовании поможет повысить их социальный статус. Таким образом, в представлении абитуриентов высшее образование является гарантом материального благополучия.

Как видно из анализа результатов социологических исследований, ориентация молодежи на получение высшего образования для повышения социального статуса и материального благополучия увеличивается.

Также новым явлением для абитуриентов стала ресурсосберегающая стратегия поступления, то есть выбирать негосударственные вузы для увеличения шансов быть зачисленными [5].

Если абитуриенты как потребители образовательных услуг при выборе образовательного учреждения рассматривают престиж вуза и высокий уровень качества образования, то студенты в процессе обучения ориентируются на приобретение практического опыта работы для дальнейшего успешного трудоустройства. Так, М.В. Артамонова, О.В. Богословская, Ю.В. Латов отмечают, что «...Российская система высшего образования приобретает характеристику получения связей и навыков как цель образования...». Именно так можно объяснить новое явление – «работающий студент очной формы обучения» [6].

В 2002 и 2004 гг. Ж.В. Жираткова провела исследование на базе Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, направленное на изучение ценностей студенческой молодежи. Согласно результатам исследования студенты поставили на первое и второе места «наличие связей и знакомств» и «предприимчивость» в качестве инструментальных ценностей для достижения своих жизненных целей, а «качество образования» оказалось на третьем месте. Спустя год «высшее

образование» находилось на втором месте, а наличие перспективной специальности заняло пятое место среди факторов, влияющих на достижение жизненного успеха [7].

По результатам социологического исследования, проведенного в 2007 г. Н.В. Хлабыстовой, было зафиксировано, что во время обучения 30,8% студентов «работают систематически»; 32,8% – «иногда совмещают работу с обучением»; 36,4% – «не работают». В настоящее время студентам для дальнейшего хорошего трудоустройства и приобретения практических навыков необходимо начинать работать уже в университете. Возможно, студенты работают для того, чтобы повысить уровень практических знаний, т.к. считают получаемые навыки недостаточными [4].

Как видно из результатов исследования, студенты технического направления чаще совмещают работу с учебой, а среди технологического и экономического направлений больший процент опрошенных не работали во время обучения.

В 2015 г. на вопрос: «Приходилось ли Вам совмещать работу с обучением в вузе?», ответы студентов распределились следующим образом: 35% студентов «работают систематически»; 37% – «иногда совмещают работу с обучением»; 28% – «не работают» [4].

По сравнению с результатами, полученными в 2007 г., в 2015 г. количество работающих студентов увеличилось.

Д.Л. Константиновский в своем исследовании указывает на интересный факт: «доля работающих студентов варьируется в зависимости от профиля вуза. В среднем 39,1% респондентов указывают на совмещение обучения в вузе с работой, но в политехнических вузах эта цифра доходит до 88,9% опрошенных» [8].

В 2007 г. ответы на вопрос: «Вы уже нашли себе работу?», распределились следующим образом: 56,8% нашли место работы; 43,2% – нет. Несмотря на то, что 63,6% респондентов совмещают работу и обучение в вузе, работу нашли только 56,8% из работающих студентов [4].

В 2015 г. ответы на вопрос: «Вы уже нашли себе место работы?», распределились следующим образом: 55% респондентов нашили постоянное место работы, 45% – не нашли [4].

Несмотря на высокий процент работающих студентов и на ориентацию при выборе специальности «рассчитываю на конкретное место работы», чуть больше половины знают, где будут работать после окончания вуза. Примерно такие же результаты были получены в социологическом исследовании 2007 г. (56,8% нашили постоянное место работы).

При этом стоит отметить, что причиной совмещения обучения в вузе и трудовой деятельности не являются материальные трудности семьи.

Ответы студентов на вопрос: «К какому классу можно отнести вашу семью?», распределились следующим образом: 2,7% человек отнесли себя к «высшему классу»; 53,2% студентов обозначают свою принадлежность к «среднему классу»; 39,2% респондентов выбрали вариант ответа «живем хорошо, не хуже других»; 4,9% – «нуждающийся класс». Стоит отметить, что вариант ответа «испытываем крайнюю нужду» не выбрал ни один респондент [9].

Таким образом, по результатам социологического исследования можно судить о том, что более половины студентов ориентированы на приобретение практического опыта работы в процессе обучения в вузе, а ценность образования в представлении студентов определяется возможностью дальнейшего успешного трудоустройства. И для соответствия требованиям студентов администрации вуза необходимо учитывать данную тенденцию, возможно посредством увеличения количества встреч работодателей и

студентов в целях более уверенного позиционирования молодых специалистов на рынке труда.

Трансформация ценности образования происходит и в представлении работодателей. В настоящее время человеческий ресурс приобрел новый параметр – конкурентоспособность. Система образования, и в частности – подготовка кадров внутри системы, стали постоянной составляющей деловой стратегии предприятий. Это привело к тому, что конкуренция вынуждает руководителей предприятий вмешиваться в образовательный процесс, предъявляя институту образования собственные требования.

Примером подобного влияния является тот факт, что главная задача образования, по мнению владельцев крупнейших промышленных корпораций, заключается в обеспечении подготовки человеческого ресурса к его окупаемому, прибыльному использованию в постоянно изменяющихся условиях.

В современном российском обществе образование и подготовка кадров рассматриваются промышленными корпорациями в качестве стратегических инвестиций, которые являются жизненно важными компонентами их дальнейшего развития. Таким образом, очевидной становится необходимость усиления взаимосвязи между учреждениями образования и промышленности в целом.

В целом подобная стратегия должна способствовать приспособлению системы образования к требованиям современного рынка труда, который действует в условиях формирования мирового рыночного пространства. Существуют определенные требования новой модели экономического развития, в соответствии с которыми экономическому развитию должно соответствовать содержание высшего образования.

По мнению Д.Л. Константиновского, современного работодателя интересуют не профессиональные знания и умения специалиста, а насколько эффективно прошел процесс социализации в период обучения [1].

В.В. Мельситова, Н.Л. Сергиенко, Н.В. Хлабыстова в статье «Ценностные притязания современного рынка труда к молодым специалистам» также отмечают, что происходит изменение ценности образования в представлении работодателей. На основе экспертного опроса авторы приходят к выводу о том, что современный работодатель при трудоустройстве обращает внимание на универсальные компетенции соискателя: умение анализировать ситуацию, работать в коллективе, принимать самостоятельные решения, быть всегда способным к инновационной деятельности, быть коммуникабельным и креативным [10].

Таким образом, на основе анализа вторичных исследований видно, что ценность образования на сегодняшний день трансформируется из терминальной ценности в инструментальную для всех потребителей образовательных услуг.

Примечания:

1. Константиновский Д.Л. От эмпирики к смыслам, от смыслов к осмыслению // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 11-21.

2. Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960 к 2000). Москва: Эдиториал УРСС, 1999.

3. Хлабыстова Н.В. Трансформация требований основных потребителей образовательных услуг к институту высшего профессионального образования в современном российском обществе (на примере Кубанского государственного технологического университета) // Теория и практика общественного развития. 2015. Вып. 7. 229 с.

4. Хлабыстова Н.В. Ценность образования в системе взаимодействия «вуз – потребители образовательных услуг – работодатель»: дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2016. 174 с.

5. Нетребко Е.Н., Хлабыстова Н.В. Социокультурные факторы, определяющие стратегию поведения поступающих негосударственных вузов Краснодарского края // Мир науки. Социология, филология, культурология: сетевое научное издание. 2019. № 2, т. 10.

6. Артамонова М.В., Богословская О.В., Латов Ю.В. Институциональная трансформация российского высшего образования // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 3. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-transformatsiya-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya (дата обращения: 11.09.2019).

7. Жираткова Ж.В. Формирование региональной системы социальной защиты и поддержки студенческой молодежи: дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2004. 197 с.

8. Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д. Работающий студент: мотивы, реальность, проблемы. Москва, 2009.

9. Хронова И.А., Хлабыстова Н.В. Особенности отношения власти и народа к социокультурному феномену «тунеядство» в различные исторические периоды // Социология и право. 2018. № 1. С. 57-69.

10. Мельситов В.В., Сергиенко Н.Л., Хлабыстова Н.В. Ценностные притязания современного рынка труда к молодым специалистам // Политематический журнал ФГБОУ ВПО «КубГТУ». 2016. №15. URL: http://ntk.kubstu.ru/file/1302 (дата обращения: 03.09.2019).

References:

1. Konstantinovsky D.L. From empirics through intepretations to understanding // Educational Studies. 2012. No. 4. P. 11-21.

2. Konstantinovsky D.L. The dynamics of inequality. Russian youth in the changing society: orientations and lifecourses in the sphere of education (from 1960 to 2000). M.: Editorial URSS, 1999.

3. Khlabystova N.V. Transformation of the requirements of the main consumers of educational services to the institute of higher vocational education in the modern Russian society (case study of Kuban State Technological University) // Theory and practice of social development. 2015. Iss. 7. 229 pp.

4. Khlabystova N.V. The value of education in the system of interaction "university – consumers of educational services – employer": Diss. for the Cand of Sociology degree: 22.00.06. Adyghe State University. Maikop, 2016. 174 pp.

5. Netrebko E.N., Khlabystova N.V. Sociocultural factors determining the behavior strategy of entrants of non-state universities in the Krasnodar Territory // Network scientific publication "The world of science. Sociology, Philology and Cultural Studies". 2019. No 2 (April – June). Vol. 10.

6. Artamonova M.V., Bogoslovskaya O.V., Latov Yu.V. Institutional transformation of Russian higher education. Economic Bulletin of Rostov State University. 2006. Vol. 4. No. 3. [Electronic resource]. Access mode: http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-transformatsiya-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya (access date: 11.09.2019).

7. Zhiratkova Zh.V. Formation of a regional system of social protection and support for student youth: Diss. for the Cand. of Sociology degree: 22.00.04: Saransk, 2004. RSL OD, 61: 04-22 / 335. 197 pp.

8. Konstantinovsky D.L., Cherednichenko G.A., Voznesenskaya E.D. A working student: motives, reality and problems. M., 2009.

9. Khronova I.A., Khlabystova N.V. Attitudes of the government and people to the sociocultural phenomenon of "parasitism" in various historical periods // Sociology and Law, 2018. No. 1. P. 57-69.

10. Melsitov V.V., Sergienko N.L., Khlabystova N.V. Value claims of the modern labor market to young proffecionals // Polythematical Journal of FGBOU BPO "KubSTU". 2016. No. 15 / December. [Electronic resource]. Access mode: http://ntk.kubstu.ru/file/1302 (access date: 03.09.2019).

УДК 316.624-053.6
ББК 60.524.258
Ч-12

В.С. Чагин,
аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184448820, e-mail: chagin-vs@yandex.ru

Ф.К. Тугуз,
доктор философских наук, доцент, проректор по воспитательной работе и социальным вопросам Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79286685578, e-mail: fattuguz@mail.ru

СУИЦИД КАК ОСОБАЯ ФОРМА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

(Рецензирована)

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию основных социокультурных причин суицидального поведения в молодежной среде. Автором предпринята попытка проанализировать основные факторы суицидального поведения как наиболее опасной формы девиации, используя существующие теоретические подходы социологической науки.

В статье отмечается, что в качестве одного из основных факторов развития различных форм девиантного поведения в молодежной среде выступает специфика формирования личности индивида в подростковый период. По мнению автора, для подросткового возраста характерна трансформация психического состояния личности и разрушение сформировавшихся взаимоотношений с индивидами, изменение условий жизнедеятельности. Возрастные переживания имеют крайние проявления и являются провоцирующим фактором к агрессии.

Используя различные методологические подходы к исследуемой проблеме, автор определил основные детерминанты, обуславливающие суицидальные проявления в молодежной среде, распределив их по следующим сферам социального устройства: семейная сфера, гендерные коммуникации и их специфика, определяющаяся вызванными возрастными и половыми особенностями, уровнем конфликтогенности в социальных группах, субкультурное многообразие социальной среды, нарастающее влияние масс-медийных и иных интернет-сообществ.

В статье также отмечается, что сам по себе ни один из названных факторов не способен самостоятельно провоцировать суицидальное поведение. Автор считает, что к данным девиациям может привести лишь определенная совокупность причин влияния. Он также делает вывод о том, что все обозначенные факторы, провоцирующие суицидальные наклонности молодого поколения, обладают определенными характерными особенностями, присущими данному феномену.

Исходя из вышеизложенного, автор делает вывод о том, что феномен молодежного суицида непосредственно обусловлен специфическими признаками общества, в том числе социокультурными. Он подчеркивает, что суицидальное поведение необходимо анализировать как многообразный феномен, зависимый от характера социальных взаимосвязей. Анализируя проблематику суицидального поведения молодежи, также необходимо учитывать характеристику данного социального слоя. В то же время исследование данного феномена неосуществимо без учета особенностей современной социокультурной среды.

Ключевые слова: девиантное поведение, дезадаптация, молодежь, суицид, суицидальные наклонности, социализация, социальная группа, социокультурные условия.

V.S. Chagin,
Post-graduate student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph..: +79184448820, e-mail: chagin-vs@yandex.ru

F. K. Tuguz,
Doctor of Philosophy, Associate Professor, Vice-Rector of Educational Work and Social Affairs, Adyghe State University, Maykop, tel.: +79286685578, e-mail: fattuguz@mail.ru

SUICIDE AS A SPECIAL FORM OF DEVIANT BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE: THEORETICAL ASPECT

Abstract. The presented article is devoted to the study of the main sociocultural causes of suicidal behavior among young people. The author attempts to analyze the main factors of suicidal behavior as the most dangerous form of deviation, using existing theoretical approaches of sociological science.

The article shows that one of the main factors for the development of various forms of deviant behavior among young people is the specificity of the formation of the personality of the individual during the adolescent period. According to the author, adolescent age is characterized by the transformation of the mental state of the person and the destruction of the formed relations with individuals, as well as the change of living conditions. Age experiences have extreme manifestations and are a provoking factor to aggression.

The author uses integrative and interdisciplinary approaches to identify the main social and sociocultural causes of youth suicide, such as: family contradictions, conflicts with members of the opposite sex caused by age and sex factors of influence, interpersonal conflicts in the collective, influence of the sociocultural environment (subcultural diversity, influence of network communities, etc.).

However, the author notes that none of the reasons listed can be sufficient to commit suicide without interacting with other factors. He also concludes that all identified youth suicide phenomena have certain characteristics covering different aspects of the phenomenon. In all reasons, the author sees the influence of social and sociocultural factors as a condition that provokes suicide.

Based on the aforesaid, the author concludes that the phenomenon of suicidal behavior among young people has a direct relationship with the structure of society, its specific characteristics, including sociocultural ones. He stresses that suicidal manifestations should be examined as a complex phenomenon arising from the appropriate nature of social relations. In the process of research of youth suicide, the specifics of this social group should also be taken into account. At the same time, the study of the present phenomenon among young people is not feasible without taking into account contemporary sociocultural conditions.

Keywords: deviant behavior, disadaptation, youth, suicide, suicidal tendencies, socialization, social group, sociocultural conditions.

Проблема отклоняющегося поведения в среде молодежи и подростков продолжает оставаться актуальной и значимой для современного российского общества. Подтверждением этому может служить очевидная активизация научных исследований, посвященных анализу специфики, типологизации и систематизации основных форм девиантного поведения представителей данной демографической группы.

В то же время, в контексте проблем развития гражданского общества, многими учеными отмечается и устойчивая динамика развития асоциальных проявлений в подростковой среде. Так, Е.В. Змановская в одном из своих исследований пишет: «Современному молодому поколению присущи разнообразные

проявления социально нежелательного поведения – агрессия, вредные привычки, противозаконные действия и т.д., которые способны привести индивида к крайней степени девиации, в частности суициду. Девиантное поведение понимается как устойчивое поведение личности, которое отклоняется от важных социальных норм и причиняет ущерб обществу или самой личности, а также сопровождается ее социальной дезадаптацией» [1].

Согласно многочисленным исследованиям по настоящей проблематике, поведение с признаками отклонений можно подразделить на следующие несколько подвидов:

– антисоциальное – это делинквентное поведение, проявляющееся в правонарушениях;

– асоциальное – это аморальное поведение, проявляющееся в сексуальных девиациях, агрессии, вовлеченности в азартные игры и т.д.;

– аутодеструктивное – это саморазрушительное поведение, характеризующееся отклонениями от психологической нормы и проявляющееся в зависимостях, фанатизме и суицидальном поведении.

В данном аспекте особое внимание уделяется проблематике суицидального поведения как особого вида девиации. А.Г. Абрамова в одной из своих работ отмечает: «Суицидальное поведение является следствием социальной дезадаптации личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта и представляет собой один из видов общеповеденческих реакций индивида в экстремальных ситуациях» [2].

Теоретическое осмысление проблемы суицидального поведения позволяет утверждать, что большинству исследований присущ междисциплинарный характер. Основы теоретического анализа суицидального поведения в среде молодежи как вида девиации заложены такими учеными, как С.П. Иваненков, И.М. Ильинский, Ю.А. Клейберг, А.И. Ковалева, И.Ю. Кузнецова, Е.Н. Куриленко, И.В. Леонова, А.Г. Сапрунов, С.Л Сибиряков, А.Н. Тесленко, В.А. Шапинский и др.

Особое место в общем объеме теоретических исследований суицида, занимает подход, обосновывающий данный феномен как особую форму девиантного поведения. Так, один из исследователей данной проблематики С.Г. Смидович отмечает: «Суицид является «крайней формой социальной патологии» и одной из форм девиантного поведения. Он определяется как осознанное преднамеренное действие, направленное на добровольное лишение себя жизни» [3].

Вместе с тем, по признанию ряда ученых (Я.И. Гилинский, Г.А. Румянцева), суицид является «продуктом состояния общества», уровень и динамика самоубийств служат одним из важнейших индикаторов социокультурной, экономической, политической ситуации и ее изменений, показателем жизнедеятельности общества, его благополучия [4].

Исследуя вопрос об особенностях данной формы девиантного поведения молодежи, следует отметить, что в качестве основного фактора ее развития выступает специфика формирования личности индивида в подростковый период. Общеизвестно, что существуют следующие характерные признаки данной возрастной группы:

– чувство зрелости;

– формирование абстрактного мышления;

– способность к сопереживанию;

– формирование самооценки.

Вместе с тем для подросткового возраста характерна трансформация психического состояния личности и разрушение сформировавшихся взаимоотношений с индивидами, изменение условий жизнедеятельности. Возрастные переживания имеют крайние проявления и являются провоцирующим фактором к агрессии [5].

Следовательно, именно возрастные особенности являются главным

образующим элементом суицидальных проявлений как вида девиации. В связи с этим в девиантологии выделяются следующие концепции формирования суицидальных наклонностей индивидов:

– социологическая (социальные условия влияют на суицидальное поведение);

– психопатологическая (острые и хронические психические расстройства влияют на суицидальное поведение);

– социально-психологическая (социальные, психологические и индивидуальные факторы личности влияют на суицидальное поведение).

Следует отметить, что «поведение» в социологии трактуется как совокупность поступков индивида, его действий в обществе. В свою очередь, суицидальное поведение личности опосредовано спецификой взаимодействия с обществом и системой характеристик личности субъекта [6].

Данные характеристики обозначены в классификации суицидального поведения, используемой зарубежными и отечественными исследователями данной проблематики:

– демонстративное поведение – индивид обращает на себя внимание, демонстрируя неспособность справиться со своими проблемами. Попытки суицида в данном случае реализуются не для того, чтобы лишить себя жизни, а для того, чтобы заставить людей акцентироваться на проблемах суицидента;

– аффективное поведение – человек совершает суицидальный поступок под воздействием сильных негативных эмоций, поддавшись которым индивид не в состоянии действовать обдуманно, вследствие чего совершает суицидальную попытку;

– истинно суицидальное поведение – личность с таким видом поведения сознательно готовится к совершению суицида, имея продуманный план действий [7].

Проблема отклоняющегося поведения, в том числе суицидальных проявлений, в свое время исследовалась представителями классической социологии (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс). Э. Дюркгейм в своей работе, посвященной настоящей проблеме, которую он назвал «Самоубийство», пишет: «Социокультурные причины, оказывающие влияние на формирование суицидальных наклонностей, взаимосвязаны непосредственно с социальным окружением, с социальными процессами и явлениями, окружающими самоубийцу» [8].

В современном обществе социальной средой молодых индивидов являются их родственники, одноклассники, товарищи, которые также находятся в зависимости от социальных процессов и явлений. Подростки в большей степени подвергаются разнообразным рискам, поскольку принадлежат, как правило, к различным субкультурным течениям.

Интегративный и междисциплинарный подходы к изучаемой проблеме позволили определить основные социальные и социокультурные причины подросткового суицида:

– семейные противоречия;

– конфликты с представителями противоположного пола, вызванные возрастными и половыми факторами влияния;

– межличностные конфликты в коллективе;

– влияние социокультурной среды (субкультурное многообразие, влияние сетевых сообществ и т.д.).

Стоит отметить, что ни одна из перечисленных причин не может являться достаточной для совершения суицида без взаимодействия с другими факторами. Таким образом, все обозначенные явления молодежных суицидов обладают определенными характеристиками, охватывающими разные аспекты данного феномена. Во всех причинах можно наблюдать влияние социальных и социокультурных факторов – как условие, провоцирующее совершение суицида.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что феномен суицидального поведения имеет непосредственную взаимосвязь со структурой общества, его специфическими признаками, в том числе социокультурными. Необходимо подчеркнуть, что суицидальные проявления следует рассматривать как сложный феномен, обусловленный соответствующим характером социальных отношений. В процессе исследования молодежного суицида следует учитывать специфику данной социальной группы. Изучение данного феномена в молодежной среде неосуществимо без учета современных социокультурных условий.

Существующая современная социальная система обуславливает необходимость комплексного анализа в сфере девиантного поведения молодежи. Особенно недостаточно практических исследований в сфере молодежной суицидологии. Для разработки эффективных мер превенции необходимы не только усилия со стороны государственных и общественных институтов, но и верное осознание исследуемой проблематики, выработка соответствующих механизмов по защите и социальной поддержке молодежи, призванных оптимизировать негативные социальные процессы, происходящие в современной молодежной среде.

Примечания:

1. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. Москва: Академия, 2014.

2. Абрамова А.Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения // Актуальные проблемы суицидологии. Москва, 1978.

3. Смидович С.Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 74.

4. Гилинский Я.И., Румянцева Г.А. Основные тенденции динамики самоубийств в России. URL: http://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html (дата обращения: 29.07.2019).

5. Возрастная психология: учеб. для бакалавров. Москва: Юрайт, 2013.

6. Моховиков А.Н. Суицидология. Прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. Москва, 2011.

7. Эрдынеева К.Г., Филиппова В.П. Суицидальное поведение: сущность, факторы и причины. Москва: Академия Естествознания, 2010.

8. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. Москва, 1994.

References:

1. Zmanovskaya E.V. Deviantology: Psychology of deviant behavior: a manual for students of higher educational institutions. 2nd ed., rev. M.: Academia, 2014.

2. Abramova A.G. Individual psychological aspects of suicidal behavior // Actual problems of suicidology. M., 1978.

3. Smidovich S.G. Suicides in the mirror of statistics // Sociological studies. 1999. No. 4. P. 74.

4. Gilinsky Ya.I., Rumyantseva G.A. The main trends in the dynamics of suicides in Russia. [Electronic resource]. Access mode: http://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html (access date: 29.07.2019).

5. Age Psychology: a textbook for Bachelors / L.F. Obukhova. M.: Urait Publishing house, 2013.

6. Mokhovikov A.N. Suicidology. The past and the present: The problem of suicide in the works of philosophers, sociologists, psychotherapists and in literary texts. M., 2011.

7. Erdyneeva K.G., Filippova V.P. Suicidal behavior: nature factors and causes. M.: Academy of Natural Sciences, 2010.

8. Durkheim E. Suicide: a study in Sociology. M., 1994.

УДК 316.347(=411.16)
ББК 60.524.56
Ш 31

М.М. Шахбанова,
доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, тел.: +79887908151, e-mail: madina2405@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ: ИНДИКАТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА[1]

(Рецензирована)

Аннотация: Происходящие в современном российском обществе преобразования затронули все социальные сферы, следовательно, и этноконфессиональную, внутри которой происходят очень сложные и довольно противоречивые процессы. Поэтому установление места религиозной идентичности в иерархии типов социальной идентичности является актуальной проблемой, ибо от ее выраженности и востребованности массовым сознанием зависит межрелигиозный климат и стабильность, особенно в полирелигиозной и полиэтнической среде. Проведенное исследование показывает, что религия является одним из ключевых компонентов воспроизводства этнической идентичности горских евреев, наряду с другими идентификаторами (национальный язык, национальные традиции и обычаи, историческая территория, память и историческое прошлое), причем она доминирует в иерархии этнопризнаков. Изучение религиозной идентичности и религиозного поведения горских евреев показало, что в структуре социальной идентичности религиозная идентичность является доминантной. Более того, респонденты придерживаются позиции, что именно иудаизм выполняет ключевую роль в сохранении их этнического единства и целостности. Далее, эмпирические данные констатируют наличие у подавляющей части опрошенных горских евреев чувства общности именно с представителями своего народа и единоверцами, при этом этноконфессиональная идентичность является центральным в формировании их поведенческих и мировоззренческих установок.

Эмпирические данные констатируют, что горские евреи обозначают единство как с представителями своей этнической общности, так и с единоверцами, что является основанием для вывода о значимости для них как национального, так и религиозного фактора, более того, данный факт является базой формирования этноконфессиональной идентичности. Вместе с тем, социологическое исследование выявило существование в социально-демографическом разрезе различий в определении места и роли иудаизма в установках опрошенных горских евреев. Кроме того, результаты исследования позволяют утверждать, что религиозные предписания, в частности молитва, соблюдение поста, чтение религиозных текстов, посещение синагоги и т.д., являются проявлением этноконфессионального единства, они способствуют консолидации этнической группы, и в данном процессе одну из важнейших функций выполняет именно религиозность.

Ключевые слова: горские евреи, типы социальной идентичности, иудаизм, индикаторы идентичности, национальные традиции, историческая память, мировоззрение, религиозная идентичность, религиозные установки, религиозность, религиозная принадлежность.

[1] Статья выполнена в рамках проекта РФФИ 18-011-00367 «Этническая и религиозная идентичности горских евреев Северного Кавказа: состояние и тенденции».

M.M. Shakhbanova,
Doctor of Sociology, Leading Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, ph.: +79887908151, email: madina2405@mail.ru

RELIGIOUS IDENTITY OF MOUNTAIN JEWS: INDICATORS OF REPRODUCTION

Abstract: The changes taking place in contemporary Russian society have affected all social spheres, including the ethnoreligious, within which very complex and contradictory processes are taking place. Therefore, establishing the place of religious identity in the hierarchy of types of social identity is a pressing problem, because interreligious climate and stability, especially in a multireligious and multiethnic environment, depend on its expression and demand for mass consciousness. The study shows that "religion" is one of the key components of the reproduction of the ethnic identity of the mountain Jews, along with other identifiers (national language, national traditions and customs, historical territory, memory and historical past), with it dominating in the hierarchy of ethnic indicators. The study of religious identity and religious behavior of mountain Jews has shown that in the structure of social identity, religious identity is dominant. Moreover, respondents held the position that Judaism played a key role in preserving their ethnic unity and integrity. Further, empirical evidence indicates that the vast majority of the surveyed mountain Jews have a sense of community with representatives of their people and common believers, while ethnoreligious identity is central in the formation of their behavioral and worldview attitudes.

Empirical evidence states that the mountain Jews denote unity with both members of their ethnic community and with common believers, which is the basis for concluding the importance for them of both national and religious factors, moreover, this fact is the basis for the formation of ethnoreligious identity. At the same time, a sociological study revealed the existence in the socio-demographic perspective of differences in the definition of the place and role of Judaism in the attitudes of the mountain Jews surveyed. In addition, the results of the study suggest that religious regulations, in particular prayer, fasting, reading of religious texts, visiting a synagogue, etc., are a manifestation of ethnoreligious unity, which contribute to the consolidation of an ethnic group and, in this process, religious consciousness implements one of the most important functions.

Keywords: mountain Jews, types of social identity, Judaism, indicators of identity, national traditions, historical memory, worldview, religious identity, religious attitudes, religious affiliation.

В настоящее время одной из главных задач социологии религии считают использование существующих количественных социологических подходов при исследовании отражения индивидуальной религиозности на практики и ценности, одновременно подчеркивая, что изучение данного процесса не позволило получить ответ на очень важный вопрос: «В чем же заключается это влияние?».

Проведенные исследования большей частью констатируют, что религиозность практически не влияет, а если и влияет, то очень мало, на ценности и поведение человека за пределами религиозных рамок. Одно из пояснений данного явления дается в русле теории секуляризации, которая считает, что наблюдается дифференциация разных социальных сфер, в том числе и религии, ибо, во-первых, она формирует самостоятельную сферу и не влияет на другие сферы, во-вторых, совершается «приватизация религии», т.е. она уходит из общественной

жизни в сферу частной жизни. Также в науке встречается объяснение, суть которого заключается в том, что, несмотря на продолжающее существенное воздействие религии, группа «действительно религиозных»/«воцерковленных» людей столь мала, что это влияние невозможно зафиксировать в рамках массовых опросов» [1; 73].

В современный период данная проблематика стала одной из важнейших в силу объективных и субъективных факторов, поэтому нашла отражение в статье М. Чавеса, которая рассматривает согласованность феномена религиозности: «суть этих представлений в следующем: во-первых, ошибочное представление о том, что религиозные верования и ценности индивида представляют собой логичную, последовательную систему, во-вторых, что поведение людей напрямую следует из этих верований и ценностей, и, в-третьих – что эти верования и ценности стабильны во времени и не зависят от ситуации, контекста, в котором они проявляются» [1; 73].

В отечественной науке, на фоне усиления роли религиозного фактора в социальной жизни человека, был проведен ряд масштабных исследований, показывающих состояние происходящих в современном обществе процессов, например, в той же этноконфессиональной сфере. Вместе с тем можно согласиться с позицией М.П. Мчедлова, что «в отечественном обществознании остаются малоизученными степень и характер воздействия религиозного самоопределения на всю гамму иных идентичностей» [2; 357].

Происходящие в современном мире сложные религиозные процессы, противостояние между последователями разных конфессий, войны под знаменами, например, ислама, и т.д. свидетельствуют, во-первых, об использовании религиозного фактора в политических процессах, вернее, эксплуатации конфессионального параметра: «переосмысление роли религии в современном мире и религиозного фактора в объяснительных схемах мирового общественного развития связано и с отмеченными изменениями в социальной ткани, и с видоизменением религиозного фактора как такового. Политизация религии и конфессионализация политики требуют отхода от традиционных эпистемологических рамок рассмотрения соотношения религии и общества, религии и политики. Во многом сами понятия религии и религиозного фактора приобретают иное референтное звучание, отражающее их новое прочтение и проявление» [3; 15]. Во-вторых, указанные процессы свидетельствуют о возросшей роли религиозной идентичности. Иными словами, реалии показывают, что основой для появления новых проблем и их обострения, как правило, является их нерешенность в предыдущие исторические периоды, которые в последующем способствуют появлению новых конфликтов и противоречий, но уже религиозно или национально окрашенных. Это относится и к проблематике, связанной с вероисповеданием и религиозной идентичностью. Поэтому имеющееся использование авторитета религии в целях политического экстремизма, которое характерно не только исламской среде, но и другим религиозным учениям, свидетельствует «о важности правильного методологического подхода при исследовании роли религиозной идентичности в социально-политической жизни» [3; 358], и таковым он определяет взаимоотношение социальных и религиозно-культурных факторов, диалектику их взаимодействия.

Результативность политики духовных лиц, культовых учреждений в основном определяется «новым» пониманием процесса осознания себя последователем конкретного вероисповедания. При этом повышение значимости религиозной самоидентификации индивида, видимо, необходимо рассматривать не

как результат усиления культовой активности человека, а как потребность в существовании постоянной культурно-цивилизационной характеристики в его жизни, впрочем, как и всего социума.

Последнее десятилетие XX столетия ознаменовалось повышением религиозности населения, а это был период очень сложной социально-экономической, политической, духовно-идеологической трансформации российского общества. Видимо, по этой причине ведущие отечественные социологи при объяснении тех или иных процессов очень часто обращаются к феномену «культурной травмы», характеризуя его как «время переживания культурной травмы и формирования новых видов социальной идентичности, пришедших на смену разрушенной идентичности «советского человека», равнодушного к религии, верящего преимущественно в социальные идеалы» [4; 46]. Утрата прежней идентичности, с которой столкнулись люди, можно рассмотреть в русле предложенной П. Штомпкой и Дж. Александером модели культурной травмы: «культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [5; 255-256].

Рассмотрение феномена «религиозная идентичность», формирование которой происходит под действием все более усложняющейся социальной действительности, позволяет констатировать и обратный процесс – отражение конфессионального компонента на сферу социальных отношений и взаимодействий [6]. Это является основанием для утверждения о влиянии процесса социального конструирования на религиозную идентичность. Более того, как один из ключевых компонентов субъективной реальности [7] формирование религиозной идентичности, а также последующая ее передача, происходит «благодаря присутствию в общественном и частном пространстве религиозных категорий и классификаций, религиозных знаний, религиозных ценностей. Она призвана облегчить человеку ориентацию в сложном социальном пространстве в условиях мировоззренческого и ценностного плюрализма и духовной свободы, обеспечивает достижение самотождественности в ситуации глобальных ценностных изменений и культурной трансформации» [8; 48].

Также следует отметить, что в формировании религиозной идентичности существенную роль играет открытая демонстрация конфессиональной мотивации, обсуждение религиозных основ экстремизма и терроризма. Данные факторы толкают человека к самоидентификации в рамках религиозной сферы, иными словами, происходит осознание индивидом собственной конфессиональной принадлежности, чувства общности с последователями исповедуемого вероучения. Кроме того, можно предположить, что свою лепту в формирование религиозной идентичности человека вносит, например, преподавание предмета «Основы религиозных культур и светской этики». По поводу введения данной дисциплины в учебный процесс в научном сообществе шли бурные дискуссии, особенно много вопросов возникало по поводу ее преподавания, ибо не совсем ясно было, кто будет заниматься обучением – светский преподаватель или же духовное лицо. Также много нареканий вызывало и само содержание учебника, который был рекомендован для использования в учебном процессе.

Религиозной идентичности наравне с другими типами социальной идентичности характерны когнитивные, эмоциональные, поведенческие компоненты, на основе

их совокупности появляется религиозная солидарность. Более того, она обладает динамичностью, множественностью, которая может проявиться в том, что, помимо традиционного для России монотеизма, может включать компоненты языческих верований, суеверий, недифференцированной духовности. Также религиозная идентичность может быть мировоззренческой, культурной, этноконфессиональной, когда та или иная религиозность выступает компонентом культурной традиции или культура подталкивает к религиозной самоидентификации [8; 49].

В рамках данной статьи под религиозной идентичностью будем понимать отнесение человеком себя к определенному вероучению, которое также базируется на самоидентификации с определенной этнокультурой, образом жизни, сформировавшейся под влиянием исповедуемой религии.

В статье поставлена цель – показать выраженность религиозной идентичности горских евреев, ее место в структуре типов социальной идентичности, востребованность в массовом сознании религиозной самоидентификации.

Эмпирическая база исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и специфики религиозного поведения горских евреев проведен в гг. Дербенте, Махачкале, Минводах, Нальчике, Пятигорске, Ессентуках методом «снежного кома». N-425.

Прежде чем прейти к анализу религиозной идентичности горских евреев, следует отметить, что ее важность в социальной жизни объясняется тем, что религия рассматривается как один из индикаторов воспроизводства этнической идентичности. Таким образом, религиозная идентичность является одним из типов социальной идентичности, и проведенные в последние десятилетия исследования констатируют заметное укрепление ее позиций в массовом сознании. Усилению роли конфессионального компонента в современном российском обществе способствуют самые различные факторы, как объективного, так и субъективного характера.

В рамках исследования религиозной идентичности и религиозного поведения горских евреев важное значение имело установление места религии как одного из идентификаторов воспроизводства этнической идентичности. Ответы, полученные на вопрос «Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?», показывают доминирование в массовом сознании опрошенных горских евреев этнообъединяющего маркера «религия» (87,3%), причем по гендерному признаку среди мужчин (90,9%) больше отметивших данный признак, по сравнению с женщинами (82,5%). На второй позиции располагается этноопределитель «национальный язык» (80,0%), причем его значимость возрастает с повышением образовательного статуса респондентов: 60,3% со средним, 75,2% средним специальным и 86,8% высшим образованием. Далее, роль «национальных традиций и обычаев» как индикатора подчеркнута 68,9% респондентов, и, по сравнению с другими образовательными подгруппами, он востребован для респондентов, имеющих среднее образование (72,4%), в противоположность подгруппе со средним образованием, доля которых заметно меньше (60,3%). Закономерным является обозначение горскими евреями этноопределителя «историческое прошлое» (60,5%), ибо сама история еврейского народа довольно трагична. Пятое ранговое место занимает позиция «совместная жизнь на определенной территории», обозначенная 45,4% респондентов; за ней следует «историческая территория моего народа» (40,5%) при относительно меньшей востребованности психоэмоционального компонента – «общность характера, схожесть поведения» (34,4%). При этом

статистически небольшая часть респондентов отметила вариант ответа «ничего не объединяет» (1,2%), что свидетельствует о значимости для горских евреев вышеперечисленных индикаторов определения их этнической принадлежности и самоидентификации.

Установление индикаторов воспроизводства этнической идентичности предполагает выявление места религиозной идентичности в системе социальной идентичности. Эмпирические данные на вопрос **«Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории своего проживания?»** показывают доминирование в массовом сознании горских евреев позиции «представителем своей религии (иудаизма)» (56,5%) при относительно слабой выраженности этнической идентичности (19,8%), которая с несущественным отрывом пропустила вперед государственно-гражданскую идентификацию («россиянин»). Обращает на себя внимание, что статистически небольшая часть опрошенных горских евреев обозначает осознание себя кавказцем (4,0%), хотя опрос проведен в северокавказском регионе, и, по мнению авторов, данный тип идентичности должен быть актуализированным в их массовом сознании. Таким образом, результаты исследования показывают, что в установках горских евреев очень важное место занимает не только иудаизм как индикатор воспроизводства этнической идентичности, а именно его востребованность определяет значимость религиозной идентичности в иерархии типов социальной идентичности.

При изучении религиозной идентичности для нас ключевой задачей было установление соотношения этнической и религиозной идентичности, психоэмоционального самочувствия горских евреев в процессе самоидентификации и определения значимых для них типов идентичности, а также восприятия представителей разных социальных групп. Так, ответы на вопрос **«С какой из групп Вы испытываете чувство общности в наибольшей степени?»** показывают доминирование в массовом сознании горских евреев именно этнической идентичности, которая заметно отодвинула на вторую позицию религиозную идентичность, занимавшую первое ранговое место в структуре социальной идентичности. Результаты опроса демонстрируют, что чувство общности горские евреи ощущают «с представителями своего народа» (67,5%), далее следует уже близость с единоверцами (54,1%). На первый взгляд, возникает ощущение допущения грубой ошибки при анализе полученных эмпирических данных, но следует учесть, что евреи являются последователями национальной религии (иудаизма), следовательно, уже сам этот факт предполагает характерную для них этноконфессиональную идентичность, когда ситуативно может превалировать то этническая, то религиозная идентичность, что и показало наше исследование. Если посмотреть полученные данные по образовательному признаку, то можно констатировать повышение значимости как этнического, так и религиозного факторов в идентификационном процессе с ростом образовательного статуса: с 47,6% со средним образованием до 74,3% с высшим образованием, обозначающих важность национальной принадлежности, и с 41,3% со средним образованием до 61,5% с высшим образованием. Иными словами, можно утверждать, что образовательный статус респондента выполняет одну из ключевых ролей в ходе идентификации человека. Вместе с тем для горских евреев востребована и российская идентичность, осознание общности с россиянами (40,0%). Далее на самоидентификацию с представителями своего поколения указывают 5,2% опрошенных, профессиональная идентичность важна для статистически небольшой части респондентов (3,1%).

Таким образом, полученные результаты исследования являются основанием для вывода о том, что горским евреям характерна некоторая амбивалентность, когда они – в зависимости от ситуации – обозначают важность религиозной самоидентификации, которая является определяющей в их вовлеченности в конфессиональную религиозную жизнь, предполагающей соблюдение предписаний иудаизма, с другой стороны, имеет место и единая этнокультурная и надэтническая принадлежность. Более того, можно утверждать о наличии тесной переплетенности этнической и религиозной идентичности, что подтверждается ответами на вопрос «**Какое из суждений для Вас важнее?**». Так, в массовом сознании горских евреев превалирует позиция «для меня очень важна моя религиозная принадлежность» (65,9%), на второй позиции с большим отрывом располагается этноконфессиональная самоидентификация «для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежность» (17,2%), при этом значимость этнической принадлежности существенно ослаблена (9,9%). Далее, 7,8% отметили суждение «для меня вообще не важна моя религиозная и национальная принадлежность». Несмотря на полученные довольно противоречивые результаты, не вызывает сомнения, что этноконфессиональная идентичность востребована массовым сознанием горских евреев, более того, она выполняет главнейшую роль в установлении поведенческих и мировоззренческих аспектов в жизнедеятельности индивида.

С целью глубокого анализа выраженности религиозной идентичности и определения ее места в системе социальной идентичности респондентам был задан «контрольный вопрос»: **«В какой степени для Вас важна религиозная принадлежность?»**. Здесь прослеживается последовательность опрошенных – 79,8% респондентов придерживаются позиции «для меня очень важна моя религиозная принадлежность», при этом 13,4% отметили вариант ответа «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность» и для 4,2% «совсем не важна религиозная принадлежность». Среди придерживающихся последнего варианта ответа выделяются опрошенные со средним образованием (6,3%).

Ранее было отмечено, что для горских евреев иудаизм является национальной религией, поэтому их массовому сознанию характерно определение важности своего вероучения, что и проявляется в утверждении 96,7% респондентов, рассматривающих иудаизм как составную часть этнокультуры своей национальной общности. При этом возникает необходимость в определении роли иудаизма в жизни каждого, кто его исповедует. Эмпирические данные показывают, что, по мнению 79,8% респондентов, религия, в данном случае иудаизм, в их личной жизни играет очень важную роль, причем по гендерному признаку выделяются мужчины, доля которых больше (81,4%), по сравнению с женщинами (77,6%). Далее, в жизни 15,1% опрошенных религия играет «не очень важную роль», причем по социально-демографическим параметрам ответы распределились следующим образом: 13,6% мужчин и 16,9% женщин; 15,9% респондентов со средним, 18,1% средним специальным и 13,6% высшим образованием; 26,9% в возрастном разрезе «до 20 лет», 19,7% – «от 20 до 30 лет», 15,5% – «от 30 до 40 лет», 6,3% – «от 40 до 50 лет», 26,0% – «от 50 до 60 лет» и 23,5% – «от 60 лет и выше». Статистически небольшая часть (4,2%) придерживается позиции «никакую», и выделяется здесь подгруппа «от 30 до 40 лет» (15,5%). Таким образом, полученные данные показывают существование различий в установках горских евреев при определении значимости религиозной принадлежности в личной жизни каждого из опрошенных.

Неоднократно подчеркивалось, что иудаизм является национальной религией еврейского народа, который в своей истории столкнулся с проявлением антисемитизма, нетерпимости, гонений, ущемления своих прав, а в отношении горских евреев вообще была реализована «политика татизации», имевшая в основном негативные последствия в их идентификационных процессах. Установление значимости религиозного фактора в жизни современных горских евреев естественно обусловливает необходимость установления роли иудаизма в сохранении их этнического единства и целостности. Ответы, полученные на вопрос **«Согласны ли Вы с суждением, что сохранением себя как народа евреи обязаны иудаизму?»**, показывают, что подавляющая часть горских евреев подчеркивает роль иудаизма в сохранении их как самостоятельного народа (93,6%), при этом 5,2% затруднились выразить свою позицию. Если посмотреть данные по образовательному признаку, то данное суждение разделяют 93,7% со средним, 92,4% средним специальным и 94,2% высшим образованием, и примерно такие же показатели по всем возрастным подгруппам. Полученные эмпирические данные демонстрируют значимость для опрошенных горских евреев своего вероисповедания (иудаизм), что естественно способствует укреплению позиций религиозной идентичности в системе типов социальной идентичности.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что изучение места религиозной идентичности в структуре социальной идентичности показало ее востребованность и доминирование над другими типами идентификации. В процессе воспроизводства этнической идентичности маркер «религия» выполняет одну из ведущих функций, хотя и другие идентификаторы (национальный язык, национальные традиции и обычаи, совместная жизнь на определенной территории, историческая территория народа, общность характера, схожесть поведения, историческое прошлое) также востребованы массовым сознанием горских евреев в идентификационных процессах.

На основе полученных социологических данных установлено, что опрошенные горские евреи чувство общности испытывают, во-первых, с последователями своей религии, во-вторых, с представителями своей этнической общности. Более того, для горских евреев существенное значение имеет их конфессиональная принадлежность, и иудаизм в жизни каждого из респондентов выполняет очень важную роль. Также можно констатировать существующие в массовом сознании горских евреев определенные различия, которые были установлены при анализе результатов исследования по социально-демографическим параметрам: респонденты с высшим образованием и мужчины, по сравнению с другими социальными подгруппами, обозначают востребованность религиозного фактора в своей жизни. Кроме того, горские евреи придерживаются позиции, что иудаизм является частью их национальной культуры, более того, именно благодаря ей удалось сохранить единство и целостность горских евреев как этнической общности.

Эмпирические данные показывают, что в основе межнациональной напряженности в основном находятся нерешенность существующих в современном российском обществе социально-экономических, духовно-нравственных, политических и т.д. причин, которые при неблагоприятной ситуации способны выполнить деструктивные функции и дестабилизировать ситуацию. И в данных процессах очень часто религиозный компонент может играть заметную роль, особенно в ситуации ущемления прав носителей иного вероучения.

Проведенное исследование показывает, что ярко выраженная религиозная идентичность, сутью которой является осознание чувства общности и солидарности с единоверцами, очень часто выступает основой сохранения межрелигиозного и межнационального доверия. Религиозные ритуалы (молитва, пост, чтение религиозных текстов, посещение могил и т.д.), осознание группового единства, благодаря которым обеспечивается позитивная интеграция, иными словами, религиозность, в определенной мере способствует солидаризации и социальной консолидации этнической общности, в данном контексте – горских евреев.

Примечания:

1. Пруцкова Е.В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 72-88.

2. Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 10–24.

3. Мчедлов М.П. Диалектика взаимодействия социальных и культурно-религиозных идентичностей // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Институт социологии РАН, 2007. Вып. 6. С. 356-369.

4. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 44–63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.

5. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховикова; под ред. Д.Ю. Куракина. Москва: Праксис, 2013. 640 с.

6. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7-24.

7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 336 с.

8. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 3. С. 44–63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.

References:

1. Prutskova E.V. Religiosity and its consequences in the value-normative sphere // Sociological Journal. 2013. No. 2. P. 72-88.

2. Mchedlova M.M. Modern parameters of the return of religion: perspectives of the problem // Bulletin of the Institute of Sociology. 2012. No. 4. P. 10-24.

3. Mchedlov M.P. Dialectic of the interaction of social and cultural-religious identities // Reforming Russia. A yearbook / ex. ed. by M.K. Gorshkov. Iss. 6. M.: Institute of Sociology of the RAS, 2007. P. 356-369.

4. Ryzhova S.V. Religiosity in the context of the culture of trust // Sociological Journal. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 44-63. DOI: 10.19181 / socjour.2017.23.3.5363.

5. Alexander J. Sense of social life: Cultural Sociology / transl. from English by G.K. Olkhovikov; Ed. by D.Yu. Kurakin. M.: Praxis Publishing house and Consulting Group, 2013. 640 pp.

7. Berger P., Luckmann Th. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. M.: Medium, 1995. 336 pp.

8. Ryzhova S.V. Religiosity in the context of the culture of trust // Sociological Journal. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 44-63. DOI: 10.19181 / socjour.2017.23.3.5363.

УДК 316.334.56:316.728
ББК 60.526
Щ 48

Ю.Б. Щемелева,
кандидат технических наук, доцент кафедры естественных и гуманитарных наук Филиала Южного федерального университета в г. Геленджике, г. Геленджик, тел.: +79282633267, e-mail: pre-di@yandex.ru

SMART CITY: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

(Рецензирована)

Аннотация. Smart city, или «умный город» – понятие новое. Оно только входит в нашу жизнь, и далеко не каждый понимает полный его смысл. Целью создания «умного города» является использование информационных технологий в повышении уровня жизни жителей городов. С их помощью городские власти могут напрямую взаимодействовать с городской инфраструктурой и городскими сообществами, а также следить за развитием города для разработки способов улучшения качества жизни. На наших глазах начинается новая эра – эра «умных городов». В данной работе отслеживается история развития понятия «умный город» с момента его появления в 90-х годах XX в. в качестве фантастического будущего. Далее рассматривается постепенное осознание жизненной необходимости внедрения цифровой основы в управление экономикой и инфраструктурой города. Указывается, что именно в 2008 г. с началом финансового кризиса стало очевидно, что следует коренным образом изменять экономическую систему на всех уровнях, начиная с муниципального, в том числе изменять и методы планирования. Описываются последовательные шаги, проекты, направленные на переход к городу, управляемому данными (data-driven city, или DDC). Обосновывается необходимость внедрения передовых цифровых технологий в области управления городскими хозяйствами, обеспечение конкурентоспособности российских компаний в сфере информационно-коммуникационных технологий и создание перспективных продуктов и услуг на рынках цифровизации управления городами и территориями. Описывается перечень обязательных требований к Smart city, таких как интеллектуальный центр управления городом, цифровая платформа для решения градостроительных вопросов, система автоматизированного контроля работы дорожных служб и коммунальной техники, «умное» ЖКХ, энергоэффективное городское освещение, система распознавания лиц и другие. Резюмируется, что на экспертном уровне принято выделять три условные фазы развития (поколения) умных городов: – SMART CITY 1.0 – технологически ориентированный город; SMART CITY 2.0 – высокотехнологичный управляемый город; SMART CITY 3.0 – высокоинтеллектуальный интегрированный город. Подчеркивается, что эра «умных городов» только начинается.

Ключевые слова: «умный город», городское хозяйство, интеллектуальный центр, информационные технологии, улучшение качества жизни.

Yu.B. Schemeleva,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of EIGN of Branch of Southern Federal University in Gelendzhik, Gelendzhik, ph.: +79282633267, e-mail: pre-di@yandex.ru

SMART CITY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Abstract. Smart city or “clever city” is a new concept. It just comes into our lives, and not everyone understands its full meaning. The aim of creating a “smart city” is

to improve the quality of life based on information technology in order to improve the living standards of urban residents. With their help, city authorities can directly interact with urban infrastructure and urban communities, as well as monitor the development of the city to develop ways to improve the quality of life. We are witnessing the beginning of a new era – the era of smart cities. This paper traces the history of the concept of "smart city" since its appearance in the 1990s as a fantastic future. Next, we consider the gradual realization of the vital need to implement a digital framework in the management of the economy and infrastructure of the city. In 2008, with the onset of the financial crisis, it became clear that it is necessary to change radically the economic system at all levels, starting with the municipal, including changing the methods of planning. The successive steps, and projects aimed at the transition to a data-driven city (or DDC) are described. The necessity of introduction of advanced digital technologies in the field of urban management, ensuring the competitiveness of Russian companies in the field of information and communication technologies and the creation of promising products and services in the markets of digitalization of urban and territorial management is substantiated. The article describes the list of mandatory requirements for Smart City, such as an intelligent city management center, a digital platform for solving urban planning issues, a system of automated control of the work of road services and municipal equipment, "smart" housing, energy-efficient urban lighting, face recognition system and others. We summarize that at the expert level it is customary to distinguish three conditional phases of development (generation) of smart cities: – SMART CITY 1.0-technology-oriented city; SMART CITY 2.0-high-tech managed city; SMART CITY 3.0 is a highly intelligent integrated city. It is emphasized that the era of smart cities is just beginning.

Keywords: Smart city, urban economy, intellectual center, information technology, improving the quality of life.

В первой половине XXI в. города – во всех странах мира в общем и в России в частности – уже приобрели свой устоявшийся облик. Эра рождения новых городов прошла, наступает эра интенсивного развития уже существующих городов. Бурное развитие современной техники и технологий заставляет современный город стать достаточно адаптируемым. Это связано и с техническими требованиями (создание новой структуры информационных коммуникаций, модернизация существующих бытовых и транспортных коммуникаций), и с современными требованиями к управлению (переход к электронному документообороту, учету, обслуживанию), и с изменением психологии восприятия новых принципов городского управления (как со стороны власти, так и со стороны общества). Города постепенно переходят в новый статус – «умный город».

Smart city, или «умный город» – понятие новое. Оно только входит в нашу жизнь, и далеко не каждый понимает полный его смысл. В данной работе мы поставили своей целью проследить еще краткую историю этого понятия с момента его появления до середины 2019 г., а также свести воедино свободно распространяемую информацию о перспективах развития.

Об «умных городах» в ноябре 2018 г. говорил Президент России Владимир Путин: «...умные города откуда берутся? Берутся из современных высоких технологий, в том числе и цифровых технологий. Поэтому будем работать в этом направлении» [1].

Целью создания «умного города» является улучшение качества жизни городского населения на основе активно использования информационных технологий. С их помощью городские власти могут напрямую взаимодействовать с городской инфраструктурой и городскими сообществами, а также

следить за развитием города для разработки способов улучшения качества жизни [2].

Пока еще нет четкого определения, что же такое «умный город», еще не ясно, с какого момента город можно считать «умным». На сегодняшний день, среди прочих, выделяют следующие основные признаки «умного города»: привлечение жителей города к вопросам управления; успешное функционирование интеллектуальных систем управления дорожным движением; «умное» уличное освещение; внедрение доступной сети подключения к Интернету; повсеместное использование солнечных батарей и других альтернативных источников электрической энергии; наличие системы оповещения граждан о чрезвычайных ситуациях; возможность безналичной оплаты услуг и товаров; управление всем городским хозяйством посредством цифровых технологий. К основным технологиям «умного города» сегодня относятся беспроводные сети, онлайн-платформы, различные датчики, электронные карты, приложения [3].

На наших глазах начинается новая эра – эра «умных городов». Попробуем отследить ретроспективу, этапы возникновения основ «умных городов».

Термин Smart city («умный город») впервые появился в середине 1990-х гг., когда сформировалось осознание, что современный город без информационных технологий (ИТ) представить невозможно [4].

В 90-х годах XX в. понятие «смарт сити» стало широко популяризироваться, возникали новые термины: «электронное правительство», «создание благоприятной для инвестиций среды», «экологические инновации», «устойчивое развитие». Однако еще на протяжении десятилетия «смарт сити» оставался всего лишь одним из немного фантастических проектов, реализация которого не была насущной необходимостью.

В 2008 г. с началом финансового кризиса ситуация изменилась. Стало очевидно, что следует коренным образом изменять экономическую систему на всех уровнях, начиная с муниципального, в том числе изменять и методы планирования. Ответом общественности на кризис стали выступления с призывами сделать мир умнее, чтобы избежать подобных ошибок. В частности, CEO компании IBM Сэм Палмисано 6 ноября 2008 г. выступил с речью «Разумная планета: новая цель для мировых лидеров» (A smarter planet: The next leadership agenda). Эта речь была направлена на популяризацию «смарт-культуры» и, следовательно, увеличение роли ИТ-компаний в жизни общества. Она получила большой резонанс в СМИ, так как в определенной степени объясняла причины кризиса.

В 2014-2015 гг. были разработаны первые в этой предметной области ISO-стандарты, обозначившие целевые показатели, которые позволят оценивать развитие городов. К примеру, ISO 37120:2014 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни» обязывает применять более 40 обязательных и более 50 вспомогательных показателей по 17 направлениям.

В декабре 2016 г. Институт развития интернета (ИРИ), ПАО «Ростелеком» и Национальная ассоциация промышленного интернета предложили сформировать «Рейтинг «умных городов» России» для выявления успешных практик использования «умных» систем и сервисов в городах России, а также обеспечения массового перехода на них в других городах [5; 6-8].

В мае 2017 г. «Строительная газета» сообщила, что Минстрой РФ подписал меморандум о сотрудничестве в сферах строительства, ЖКХ и городской среды с Министерством государственных земель, транспорта, инфраструктуры и туризма Японии. Среди прочего предполагалась

реализация проекта по развитию городской среды в Воронеже, в рамках которого японские компании должны строить в России «умный и здоровый дом». «Сегодня происходит формирование нового подхода к развитию российских городов, в том числе с использованием передовых японских технологий. Благодаря плодотворной деятельности российско-японской рабочей группы от договоренностей мы перешли к конкретным проектам. Необходимо, чтобы следом за Воронежем также активно началась работа в другом пилотном городе – Владивостоке, а затем во всей стране», – озвучил глава Минстроя Михаил Мень [6].

В 2017 г. рейтинговое Агентство «Эс Джи Эм» составило рейтинг устойчивого развития городов РФ за 2016 г. В рейтинг были включены 179 городов РФ с населением свыше 100 тыс. человек (всего в России 1112 таких городов). Города рассматривались на основе 42 показателей, оценивающих такие основные направления в области устойчивого развития, как: ликвидация голода и нищеты; качественное образование; здоровье и благополучие; гендерное равенство; недорогостоящая, в том числе альтернативная, энергия; индустриализация, инновации, инфраструктура; уменьшение неравенства; санитария и чистая вода; экономический рост и достойная работа; сохранение экосистем; мир и правосудие; ответственное потребление и производство; взаимовыгодное партнерство.

17 октября 2017 г. был подписан Меморандум о создании Национального консорциума «Умный город» для развития и внедрения цифровых технологий в сфере городского управления. Среди прочих задач консорциума отмечена реализация концепции «умных городов» на территории РФ. Этот документ обосновывает необходимость внедрения передовых цифровых технологий в области управления городскими хозяйствами, обеспечение конкурентоспособности российских компаний в сфере информационно-коммуникационных технологий и создание перспективных продуктов и услуг на рынках цифровизации управления городами и территориями [7].

«Национальный исследовательский институт технологий и связи» (НИИТС) в конце 2017 г. провел исследование 15 «городов-миллионников», которые были оценены по группам критериев, таких как: число банкоматов, количество автомобилей каршеринга, количество точек Wi-Fi относительно площади города, уровень развития интернет-бронирования и т.д. Методика оценки была далеко не совершенна и вызвала вопросы у многих экспертов. Но это были лишь первые шаги.

В начале 2018 г. Минстрой России предложил правительству России внести изменения в приоритетный проект «ЖКХ и городская среда». Было предложено расширить проект инновационным направлением «Умный город», сообщается на сайте Минстроя [8].

В июне 2018 г. Министерство строительства и ЖКХ Российской Федерации (Минстрой России) и ПАО «Ростелеком» заключили Соглашение о сотрудничестве в сфере цифровых технологий. Минстрой России и «Ростелеком» совместно стали инициаторами включения концепции «Умный город» в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации».

В июне 2018 г. эксперты Центра стратегических разработок (ЦСР) А.Л. Кудрина как «минус» отмечали, что проекты «умного города» не носят комплексного характера и затрагивают лишь модернизацию отдельных систем. Эксперты ЦСР обозначили «низкую готовность российских городов к цифровой трансформации». В докладе отмечается, что в стране не хватает собственных инновационных технологий развития Smart city. «Проведенный анализ патентной и публикационной

активности показывает, что у России отсутствуют собственные технологические заделы по большинству направлений развития «умного города», – было отмечено в документе. Российские города, играющие ключевую роль в национальной экономике, все чаще сталкиваются с вызовами, которые препятствуют их эффективному развитию. Такими вызовами, в частности, являются:

– высокий уровень физического износа основных городских инфраструктур;

– дефицит бюджетных ресурсов для решения задач текущего функционирования и для задач развития;

– увеличение экологического давления на города;

– повышение требований к качеству городской среды и к обеспечению безопасности;

– изменение требований к городским услугам и сервисам со стороны бизнеса.

Большинство вопросов, связанных с преодолением обозначенных вызовов, могут быть решены посредством реализации концепции «умный город», обеспечивающей переход к городу, управляемому данными (data-driven city, или DDC). В перспективе будет рассматриваться необходимость создания «цифрового двойника» (digital twin) города [9].

В июле 2018 г. ТАСС пишет, что в планах Минстроя России – разработка и утверждение нового рейтинга IQ («индекса интеллекта») городов к середине 2019 г. Об этом заявил заместитель главы ведомства А.В. Чибис. При этом под «IQ городов» понимается степень применения цифровых технологий в сфере ЖКХ и городской инфраструктуры. При этом городам с более высоким IQ на развитие городской среды будет выделяться больше средств из федерального бюджета.

Развитие «умных городов» продолжается. В начале сентября 2018 г. было заявлено, что в скором времени в России появятся «умные» дорожные знаки, которые смогут самостоятельно регулировать максимально разрешенную скорость движения на участках дорог с учетом осадков, условий видимости и других факторов. Это нововведение вызвано, в том числе, тем фактом, что Президент России Владимир Путин поставил перед правительством РФ задачу к 2030 г. достичь нулевого уровня смертности в результате ДТП.

«КБ Стрелка» и Cisco 11 октября 2018 г. подписали соглашение о намерениях, согласно которому компании планируют разрабатывать стратегию развития по направлению «Умный Город» и пилотировать решения в различных регионах РФ. Результатом сотрудничества будет создание интеллектуальной инфраструктуры в регионах РФ.

В конце октября 2018 г. приказом министра строительства и ЖКХ РФ Владимира Якушева был утвержден ведомственный проект «Умный город». По информации D-Russia.ru, на его реализацию планируется потратить 13 млрд рублей из федерального бюджета до конца 2024 г.

6 декабря 2018 г. Региональный инжиниринговый центр «СэйфНет» совместно с Техническим комитетом «Кибер-физические системы» начали разработку стандартов Национальной технологической инициативы (НТИ) и цифровой экономики.

Госкорпорация Ростех, Росатом и Ростелеком 25 января 2019 г. подписали соглашение о создании Национального центра компетенций «Умный город» для повышения уровня цифровизации городского хозяйства.

4 февраля 2019 г. Минстрой России утвердил стандарт «Умный город» как федеральный проект. В перечень обязательных требований к Smart city вошли: интеллектуальный центр управления городом, цифровая платформа для решения градостроительных вопросов, система автоматизированного контроля работы дорожных служб и коммунальной техники, «умное» ЖКХ,

энергоэффективное городское освещение, система распознавания лиц. Уже в 2020 г. должны быть внедрены цифровые платформы и сервисы для вовлечения граждан в управление городскими процессами в каждом регионе страны.

7 марта 2019 г. утвержден перечень городов-пилотов – площадок тестирования передовых цифровых и инженерных решений и моделей, применяемых для цифрового преобразования городского хозяйства. 9 марта 2019 г. подписано трехстороннее соглашение между Минстроем России, субъектами и городами о реализации проекта «Умный город».

Начиная с 2019 г., ведомственный проект «Умный город» стал обязательным в рамках национальных проектов «Жилье и городская среда» и «Цифровая экономика», по итогам реализации которых планируется достичь следующих результатов:

1) повысить эффективность управления городской инфраструктурой, снизить аварийность и уровень потерь на коммунальных сетях;

2) повысить эффективность сбора муниципальных налогов, увеличить объем начислений и сборов;

3) повысить эффективность городских транспортных систем, внедрить единый проездной на все виды общественного транспорта;

4) повысить удовлетворенность качеством жизни в городе;

5) снизить число инцидентов нарушений общественной безопасности;

6) повысить прогнозируемость и управляемость городской инфраструктуры, как следствие – снизить число чрезвычайных ситуаций;

7) обеспечить прозрачность и открытость данных хозяйства, в разрезах городов, регионов;

8) снизить расходы на неэффективные разработки.

В российских городах скоро должны появиться особые общедоступные пространства без Wi-Fi и сотовой связи, где люди смогут просто общаться. Такой прогноз в Калуге в марте 2019 г. на форуме «Умный город» озвучил глава Минстроя В.В. Якушев, пишет «Интерфакс». По его словам, «глобальная цифровизация имеет обратную сторону: цифровые системы постоянно с нами. Нужен баланс».

Консенсус по поводу единых критериев «интеллектуальности» городов в настоящее время еще не достигнут. На экспертном уровне принято выделять три условные фазы развития (поколения) умных городов:

– SMART CITY 1.0 – технологически ориентированный город. Технологии применяются с целью повышения устойчивости, жизнеспособности и управляемости городской инфраструктурой. Происходит переоснащение физической городской инфраструктуры, внедряются передовые ИТ-решения. Основными заинтересованными лицами выступают компании, являющиеся поставщиками информационных технологических решений и услуг;

– SMART CITY 2.0 – высокотехнологичный управляемый город. Технологии применяются с целью повышения качества жизни и решения проблем в области транспорта, здравоохранения, окружающей среды и экологии. Создается первичная цифровая инфраструктура Smart city на основе внедрения технологий широкополосного доступа к сети Интернет, Интернета вещей, 3G/4G. При этом основная роль отводится городским властям, а жители задействованы лишь опосредованно;

– SMART CITY 3.0 – высокоинтеллектуальный интегрированный город. Характеризуется объединением технологий. Происходит цифровая трансформация секторов экономики и формирование интеллектуальной городской инфраструктуры, позволяющей в режиме реального времени осуществлять сбор и анализ данных, реализовывать управление жизнеобеспечивающими процессами. Единая система

обработки данных обеспечивает вовлечение граждан в процесс управления и развития города.

Эра умных городов только начинается. И сегодня мы становимся авторами этой истории.

Примечания:

1. Путин объяснил, откуда берутся «умные» города. Информационное агентство REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/2519873 (дата обращения: 23.03.2019 г.).

2. Интеллектуальные города. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 02.04.2019 г.).

3. Концепция «Умный город»: основные положения, описание, устройство, примеры. URL: http://fb.ru/article/399297/kontseptsiya-umnyiy-gorod-osnovnyie-polojeniya-opisanie-ustroystvo-primeryi (дата обращения: 18.04.2019 г.).

4. История термина «умный город» (Smart City). URL: http://e-gov.by/gov-proekty/istoriya-termina-smart-city-umnyj-gorod (дата обращения: 18.04.2019 г.).

5. Голенкова А.А., Шагбазян С.И., Степанова Н.Р. Будущее за умными городами // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 1-8.

6. Строительная газета. Россия подписала меморандум о сотрудничестве с Японией в сферах строительства и ЖКХ. URL: https://www.stroygaz.ru/news/item/ (дата обращения: 03.04.2019 г.).

7. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Подписан меморандум о создании консорциума «Умный город». URL: https://digital.gov.ru/ru/events/37503/ (дата обращения: 03.04.2019 г.).

8. Официальный сайт Минстроя России. Стратегическое направление развития «ЖКХ и городская среда». URL: http://www.minstroyrf.ru/trades/gorodskaya-sreda/ (дата обращения: 03.04.2019 г.).

9. Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах. Экспертно-аналитический доклад. Центр стратегических разработок. Пространственное развитие. 2018. 178 с. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/06/Report-Smart-Cities-WEB.pdf.

References:

1. Putin explained where “smart” cities come from. REGNUM News Agency. [Electronic resource]. Access mode: https://regnum.ru/news/2519873 (access date: 23.03.2019).

2. Intelligent cities. [Electronic resource]. Access mode: http://www.tadviser.ru/index.php/ (access date: 02.04.2019).

3. The concept of “Smart City”: basic provisions, description, construction and examples. [Electronic resource]. Access mode: http://fb.ru/article/399297/kontseptsiya-umnyiy-gorod-osnovnyie-polojeniya-opisanie-ustroystvo-primeryi (access date: 04/18/2019).

4. The history of the term “smart city” (Smart City). [Electronic resource]. Access mode: http://e-gov.by/gov-proekty/istoriya-termina-smart-city-umnyj-gorod (access date: 18.04.2019).

5. Golenkova A.A., Shagbazyan S.I., Stepanova N.R. The future belongs to smart cities // Modern trends in the development of science and technologies. 2017. No. 1-8.

6. Stroitelnaya gazeta. Russia has signed a memorandum of cooperation with Japan in the areas of construction and utilities sector. [Electronic resource]. Access mode: https://www.stroygaz.ru/news/item/ (access date: 03.04.2019).

7. The official website of the Ministry of Digital Development, Telecommunications and Mass Media of the Russian Federation. A memorandum on the creation of the Smart City consortium was signed. [Electronic resource]. Access mode: https://digital.gov.ru/ru/events/37503/ (access date: 03.04.2019).

8. The official website of the Ministry of Construction of Russia. Strategic direction of the development "Housing and Public Utilities and the Urban Environment." [Electronic resource]. Access mode: http://www.minstroyrf.ru/trades/gorodskaya-sreda/ (access date: 03.04.2019).

9. Priority areas for the implementation of smart city technologies in Russian cities. Expert analytical report. Center for Strategic Research. Spatial development. 2018. 178 pp.

НАШИ АВТОРЫ

Бабич Ирина Леонидовна	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва, тел.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net
Бочарникова Ирина Станиславовна	кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Астраханского государственного университета, г. Астрахань, тел.: +79276613345, e-mail: omcnk@list.ru
Бурыкина Людмила Васильевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +78772548765, +79184282825, e-mail: mila.burykina @mail.ru
Вялых Никита Андреевич	кандидат социологических наук, доцент, докторант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79518467937, e-mail: sociology4.1@yandex.ru
Гучетль Зухра Хачмафовна	кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, тел.: +79184266556, e-mail: zuchraguchetl@mail.ru
Емтыль Разиет Хаджибирамовна	кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, тел.: +79184210552, e-mail: razieta@yandex.ru
Жаде Зуриет Анзауровна	доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru
Иващенко Александр Стефанович	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79189224998, e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru
Каспаров Аскер Робертович	кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79182111439, e-mail: mr.kasparov.01@mail.ru
Крылов Денис Сергеевич	аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79183280525, e-mail: d9183280525@yandex.ru

Куликов Евгений Михайлович	доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, тел.: +79882480682, e-mail: sociograf@mail.ru
Нетребко Екатерина Николаевна	кандидат социологических наук, проректор по довузовской работе Южного института менеджмента, г. Краснодар, тел.: +78612338859, e-mail: rektorat@uim.ru
Нурахмедова Аида Абдуловна	соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79628625777, e-mail: aida@nxt.ru
Ойдуп Тана Михайловна	кандидат социологических наук, ученый секретарь Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, г. Кызыл, тел.: +79133426262, (394442)66262, e-mail: tana_o@mail.ru
Плотников Владимир Валериевич	доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79184999953, e-mail: sociometriya@mail.ru
Рунаев Тимофей Александрович	аспирант кафедры социологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, тел.: +79528122516, e-mail: runaev.tima@mail.ru
Тугуз Фатима Казбековна	доктор философских наук, доцент, проректор по воспитательной работе и социальным вопросам Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79286685578, e-mail: fattuguz@mail.ru
Хлабыстова Наталья Валерьевна	кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, тел.: +78612596592, e-mail: Hlabystova_1@mail.ru
Чагин Владимир Сергеевич	аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184448820, e-mail: chagin-vs@yandex.ru
Шахбанова Мадина Магомед-камиловна	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, тел.: +79887908151, e-mail: madina2405@mail.ru
Щемелева Юлия Борисовна	кандидат технических наук, доцент кафедры естественных и гуманитарных наук Филиала Южного федерального университета в г. Геленджике, г. Геленджик, тел.: +79282633267, e-mail: pre-di@yandex.ru

OUR AUTHORS

Babich Irina Leonidovna	Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, ph.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net
Bocharnikova Irina Stanislavovna	Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Sociology Department, Astrakhan State University, Astrakhan, ph.: +79276616645, e-mail: omcnk@list.ru
Burykina Ludmila Vasilyevna	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: +78772548765, +79184282825, e-mail: mila.burykin @ mail.ru
Vyalykh Nikita Andreevich	Candidate of Sociology, Associate Professor, Doctoral Candidate, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph: +79518467937, e-mail: sociology4.1@yandex.ru
Guchetl Zukhra Khachmafovna	Candidate of Sociology, Leading Researcher of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe Republican Institute of Humane Researches named after T.M. Kerashev, Maikop, ph.: +79184266556, e-mail: zuchraguchetl@mail.ru
Emtyl Raziet Khadzhi-biramovna	Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of History of the Adyghe Republican Institute of Humane Studies named after T.M. Kerashev, Maikop, ph.: +79184210552, e-mail: razieta@yandex.ru
Zhade Zuriet Anzaurovna	Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Theory and History of the State and Law and Political Science, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru
Ivaschenko Alexandr Stefanovich	Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Faculty of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79189224998, e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru
Kasparov Asker Robertovich	Candidate of Sociology, Senior Lecturer of the Department of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79182111439, e-mail: mr.kasparov.01@mail.ru

Krylov Denis Sergeevich	Post-graduate student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183280525, e-mail: 79183280525@yandex.ru
Kulikov Evgeniy Mikhaylovich	Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, ph.: +79882480682, e-mail: sociograf@mail.ru
Netrebko Ekaterina Nikolaevna	Candidate of Sociology, Vice-Rector for Pre-University Work, Southern Institute of Management, Krasnodar, ph.: +78612338859, e-mail:, rektorat@uim.ru
Nurakhmedova Aida Abdulovna	Applicant for Candidate's Degree of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79628625777, e-mail: aida@nxt.ru
Oidup Tana Mikhaylovna	Candidate of Sociology, Academic Secretary of the Tuva Institute of Complex Development of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kyzyl, ph.: +79133426262, (394442)66262, e-mail: tana_o @ mail.ru
Plotnikov Vladimir Valerievich	Doctor of Sociology, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, ph.: +79184999953, e-mail: sociometriya@mail.ru
Runaev Timofey Alexandrovich	Post-graduate student of Department of Sociology, Kuban State University, Krasnodar, ph.: +79528122516, e-mail: runaev.tima@mail.ru
Tuguz Fatima Kazbekovna	Doctor of Philosophy, Associate Professor, Vice-Rector of Educational Work and Social Affairs, Adyghe State University, Maykop, tel.: +79286685578, e-mail: fattuguz@mail.ru
Hlabystova Natalya Valeryevna	Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology, Law and Personnel, Kuban State University of Tedchnology, Krasnodar, ph.: +78612596592, e-mail: Hlabystova_1@mail.ru
Chagin Vladimir Sergeevich	Post-graduate student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph..: +79184448820, e-mail: chagin-vs@yandex.ru
Shakhbanova Madina Magomed-kamilovna	Doctor of Sociology, Leading Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, ph.: +79887908151, email: madina2405@ mail.ru

Schemeleva Yulia Borisovna	Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of EIGN of Branch of Southern Federal University in Gelendzhik, Gelendzhik, ph.: +79282633267, e-mail: predi@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК АДЫГЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ «РЕГИОНОВЕДЕНИЕ: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» вошел в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов кандидатских и докторских диссертаций. Учредитель – Адыгейский государственный университет. Индекс журнала в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты. Журналы» – 36001.

Журнал принимает для публикации статьи по следующим научным направлениям: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.

Статьи должны быть посвящены актуальным проблемам науки, содержать четкую постановку цели и задач исследования, строгую научную аргументацию, обобщения и выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и направляются на независимое (двойное, анонимное) рецензирование, осуществляемое членами редакционного совета АГУ или известными специалистами в данной области знаний. Решением редакционной коллегии статья может быть отклонена, если она не удовлетворяет перечисленным требованиям.

Рукописи, представляемые в редакцию «Вестника Адыгейского государственного университета», оцениваются исходя из их научного содержания, а не по расовому, национальному или половому признаку, этнической принадлежности, политическим и религиозным убеждениям авторов.

Редактор и редакция не должны раскрывать информацию о представленной рукописи никому, кроме соответствующего автора, рецензентов и издателя.

Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на предмет заимствования. Статьи, содержащие элементы плагиата, автоматически снимаются с рассмотрения.

Правила для авторов

Редакция журнала «Вестник Адыгейского государственного университета» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения.

1. Рукопись должна иметь направление организации, в которой работает автор, выписку решения кафедры или иного структурного подразделения, на базе которого выполнена работа, рекомендовавшего статью к публикации в журнале.

2. Объем статьи не должен превышать 10 страниц.

3. Текст статьи должен быть тщательно отредактирован и подписан всеми авторами. В тексте перед началом статьи указываются: УДК, ББК, авторский знак. Перед изложением текста автор должен дать аннотацию (от 150 до 250 слов), ключевые слова (не более 10), а также название и фамилии авторов на русском и

английском языках. В тексте аннотации должны быть раскрыты актуальность, цели и задачи исследования; методы исследования; приведены краткие выводы.

4. Текст статьи печатается на белой бумаге через 1 интервал на одной стороне стандартного листа формата А4, поля – 2,5 см со всех сторон. Текст выравнивается по ширине, абзацный отступ – 1,25 см. Гарнитура шрифта Times New Roman, 12-й кегль. Текст и графический материал представляются в двух экземплярах. Повторение одних и тех же данных в тексте, таблицах и графиках недопустимо. Рисунки должны быть черно-белыми, штриховыми, выполнены четко, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей. Каждый рисунок должен сопровождаться подписью, независимо от того, имеется ли в тексте его описание.

5. В конце статьи приводится перечень использованной литературы (Примечания:) на русском и английском языках.

6. Необходимо приложить информацию об авторах (ФИО полностью, ученое звание, степень, должность, место работы, почтовый индекс, адрес, контактный телефон, факс и e-mail каждого соавтора).

7. К твердой копии статьи прилагается электронная версия на дискете или CD-диске: файлы с текстовой частью в формате Microsoft Word (аннотация, ключевые слова, примечания на русском и английском языках, подписи к рисункам, сведения об авторах), имя файла должно начинаться латинской фамилией первого автора (например, Ivanov.doc(rtf); каждый рисунок в отдельном файле (например, IvanovFig1.gif и т.д.).

8. Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть с первоначальным вариантом статьи, а также ответом на все замечания.

9. Не принятые к публикации статьи авторам не высылаются. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются.

10. Оформление текста. Для математических и химических формул следует выбирать 12-й кегль шрифта. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов – прямым шрифтом.

11. При использовании в тексте сокращенных названий необходимо давать их расшифровку; следует ограничиваться общепринятыми сокращениями и избегать новых без достаточных на то оснований.

12. При выборе единиц измерения следует руководствоваться международной системой единиц СИ.

13. В тексте ссылки на цитируемую литературу даются в квадратных скобках в конце предложения перед точкой (начинать с [1], [2], [3] и т.д.). Список литературы следует оформлять в порядке ссылок на нее по тексту, в списке должны быть только те источники, на которые есть ссылки в тексте. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, общее количество страниц. Для периодических изданий: фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

14. Требования к иллюстрациям, изготовляемым авторами. Просим представлять только графические файлы рисунков.

15. **Плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.** Первоочередным правом на публикацию статей пользуются докторанты, аспиранты и соискатели АГУ.

ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА ЖУРНАЛА

Этические аспекты редакционной политики журнала

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе международных стандартов:

– положений, принятых на 2-й Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (Сингапур, 22–24 июля 2010 г.);

– положений, разработанных Комитетом по этике научных публикаций (*The Committee on Publication Ethics* – COPE);

– норм главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса РФ.

Принципы профессиональной этики в деятельности редактора и издателя

Редакция журнала гарантирует, что в основе решения о публикации всегда лежит достоверность рассматриваемой работы и ее научная значимость. При принятии решения о публикации редакция журнала руководствуется политикой редакционной коллегии журнала и требованиями законодательства. Редактор может совещаться с другими редакторами и рецензентами во время принятия решения о публикации.

Редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов.

Неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы для личных целей или передаваться третьим лицам без письменного согласия автора. Информация или идеи, полученные в ходе редактирования, сохраняются конфиденциальными и не могут быть использованы с целью получения личной выгоды.

Редакция журнала не допускает к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом.

Редакция журнала имеет право обоснованно отклонить статью на любом этапе ее прохождения.

Редакция журнала рассматривает все претензии, касающиеся присланных рукописей или опубликованных материалов, а также при выявлении конфликтной ситуации принимает все необходимые меры для восстановления нарушенных прав.

Этические принципы в деятельности рецензента

Рукопись, полученная для рецензирования, должна рассматриваться как конфиденциальный документ, который нельзя передавать для ознакомления или обсуждения третьим лицам, не имеющим на то полномочий от редакции. При направлении на рецензирование редакция журнала обеспечивает конфиденциальность материала авторов и информирует о необходимости сохранения такой конфиденциальности рецензентов.

Экспертная оценка рукописи, предоставленная рецензентом, способствует принятию редакционных решений, а также помогает автору улучшить рукопись. На основании результатов рецензирования редколлегия/главный редактор/заместитель главного редактора по направлению/технический редактор принимают решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации.

Рецензент должен представить рецензию в обозначенные редакцией сроки. Если соблюдение данных сроков невозможно, то рецензент обязан уведомить об этом редакцию.

Рецензент обязан давать объективную и аргументированную оценку изложенным результатам исследования. Персональная критика автора неприемлема. Все выводы рецензента должны быть строго аргументированы и снабжены ссылками на авторитетные источники.

Неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не должны использоваться рецензентом для личных целей.

Рецензент, который не обладает, по его мнению, достаточной квалификацией для оценки рукописи либо не может быть объективным, например, в случае конфликта интересов с автором или организацией, должен сообщить об этом редактору с просьбой исключить его из процесса рецензирования данной рукописи.

Если рецензенты высказывают сомнения в достоверности данных или целесообразности публикации научной работы, редакция журнала предоставляет автору возможность ответить на поставленные вопросы.

Редакция журнала сохраняет конфиденциальность личных данных рецензентов.

Этические принципы авторства научных публикаций

Авторы статьи представляют достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы гарантируют, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Заимствованные фрагменты или утверждения оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника. Любые формы плагиата, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Авторы признают вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования. Авторы гарантируют, что в статье представлены ссылки на все работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы гарантируют, что представляемая в журнал рукопись не была отправлена в другой журнал и не находится на рассмотрении, а также не была уже опубликована в другом журнале.

Соавторами статьи указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Авторы обязуются раскрывать конфликты интересов, которые могут повлиять на оценку и интерпретацию их рукописи, а также источники финансовой поддержки проекта (гранты, госпрограммы, проекты и т.д.), которые должны быть в обязательном порядке указаны в статье.

В случае обнаружения существенных ошибок или неточностей в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования автор должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Серия «Педагогика и психология»

Ответственный за выпуск серии – Чермит Казбек Довлетмизович, доктор педагогических наук, доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики Адыгейского государственного университета. Контактные телефоны: (8772) 57-19-67, 59-37-00, 59-37-01. E-mail: demkina72@mail.ru.

Серия «Филология и искусствоведение»

Ответственный за выпуск серии – Панеш Учужук Масхудович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета. Контактный телефон: (8772) 57-00-08. E-mail: sessvetla@mail.ru.

Серия «Естественно-математические и технические науки»

Ответственные за выпуск серии – Тлячев Вячеслав Бесланович, доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики; Жукова Ирина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики. Контактные телефоны: (8772) 59-39-08, 57-02-58, 59-37-26. E-mail: vemit@adygnet.ru, stvb2006@rambler.ru.

Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»

Ответственный за выпуск серии – Нехай Вячеслав Нурбиевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии. Контактный телефон: (8772) 593984. E-mail: afasizhev@list.ru.

Серия «Экономика»

Ответственный за выпуск серии – Шалатов Василий Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и управления персоналом экономического факультета Адыгейского государственного университета. Контактный телефон: 8-918-931-90-01. E-mail: shv_79@mail.ru.

Адрес редакции: *385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, редакция журнала «Вестник Адыгейского государственного университета».*

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК АДЫГЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Стоимость подписки на журнал «Вестник Адыгейского государственного университета» на полугодие составляет 900 рублей (без стоимости доставки). Подписные индексы в Объединенном каталоге «Пресса России»: Серия «Экономика» – 32896; Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» – 36001; Серия «Педагогика и психология» – 45979; Серия «Филология и искусствоведение» – 82227; Серия «Естественно-математические и технические науки» – 70759.

Произвести подписку можно на почте, в любом отделении связи.

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета, серия «Педагогика и психология», издаваемый тиражом 1000 экз.

Выпуск 3/244/2019

Технический редактор Л.Ф. Серкова

Издательство АГУ
385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.

Подписано в печать 20.06.2019 г. Бумага типографская.
Формат 60x94 1/8. Усл.-п.л. . Тираж 1000 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ЗНАК» ИП Буренков И.В.
ИНН 010511732681 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пушкина, 219.
Тел. (8772) 52-20-23. Znak_bi@mail.ru